

ББК 76
А 38

Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати

АЛЬМАНАХ

Выпуск 1-2 (184-185)
2022

Редакционная
коллегия:

В.В. Тулугов —
главный редактор
А.А. Кажикин
А.М. Шишлянникова
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А.И. Акопов
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
Ю.В. Лучинский
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

Корректоры – Т. Коновалова,
Е. Рязских

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета.

Подписано в печать
04.04.2022. Тираж 150 экз.

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА <i>Владимир Тулугов</i> Что происходит с нашей журналистикой?	2
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЖУРНАЛИСТИКИ <i>Сергей Калашников</i> Моделирование и выпуск коммерческих печатных приложений в региональных деловых СМИ	7
<i>Дарья Нерц</i> Специфика использования метода журналистского расследования в телевизионных ток-шоу (на примере проекта «Андрей Малахов. Прямой эфир»)	11
ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ	16
ДАЙДЖЕСТ	23
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ <i>Елена Бебчук, Владимир Тулугов</i> Индивидуальная образовательная траектория	25
СТУДЕНЧЕСКИЙ ОПЫТ <i>Юлия Соколова</i> Проблемы миграции в Латвии с точки зрения СМИ	27
ЛИТЕРАТУРА	32
АРХИВ	38
ТВОРЧЕСТВО НАШИХ КОЛЛЕГ	53
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	85

Владимир Тулунов Что происходит с современной журналистикой?

Словосочетание «гражданская журналистика» уже давно на слуху. За границей даже выделяют два направления: civic journalism и citizen journalism, считая их альтернативной, партиципативной, партизанской, уличной, демократической или журналистикой участия. При всех нюансах различий так именуется самодеятельное творчество обычных граждан по созданию массового информационного продукта, получившее широкое распространение с развитием Интернета и новых цифровых технологий, повышающих интерактивность. Но служит ли это развитию классической журналистики как массово-информационной деятельности или, напротив, разрушает сложившийся социальный институт, лишая его влияния на общественное мнение и звания «четвертой власти»?

Считается, что неформальная — незарегистрированная, неангажированная, независимая, нецензурируемая — журналистика именно в силу перечисленных качеств и нацеленности на общественный диалог привлекает массы. Но это идеальный взгляд на непрофессиональную и сверхсубъективную журналистику, немало загрязняющую информационное поле: иногда — в силу дилетантизма блогеров, но чаще — в силу превратно понятой ими свободы слова. Отсюда — большое количество фейков, что мешает воссозданию целостной картины текущей действительности в массовом сознании и в сознании отдельного читателя, слушателя, зрителя.

Да, кризис журналистики очевиден, и он проявляется в том, что традиционные средства массовой информации — особенно государственные — теряют в популярности и доверии. Например, исследования медиапотребления россиян, ежегодно проводимые «Левада-Центром», показывают, что, хотя телевидение все еще остается основным источником информации, доля наших соотечественников, получающих новости по ТВ, последовательно сокращается; снижается и интенсивность потребления новостной информации. При этом отмечается активный рост аудитории интернет-новостей, высокие темпы роста демонстрируют социальные сети и мессенджеры. Уровень доверия к телевидению в июле 2021 г. составил всего 46% (для сравнения: десять лет назад около 80% респондентов

доверяли ТВ). Причем «более половины населения считает, что освещение телеканалами положения дел в экономике “не соответствует действительности”». За год недоверие россиян к тому, как гостелевидение освещает российскую экономику, выросло с 45 до 52% (доверяют теперь только 40%). За тот же период недоверие к освещению внешней политики также выросло — с 22 до 34% (обратного мнения придерживаются 53%).»

Ветеран региональной прессы с болью пишет в «Фейсбуке»: «Сегодняшнее местное журналистское болотце состоит в основном из рерайтеров, то есть ворошек чужих новостей, переписываемых ими своими словами. Живых реальных журналистов можно пересчитать по пальцам двух рук. Живыми и реальными я считаю тех журналистов, которые действительно куда-то выезжают, пытаются увидеть реальную жизнь своими глазами и описать ее, невзирая на лица и мнения сверху. Остальных причисляю к офисному планктону...»

И это характерно не только для российской прессы. Опытный русскоязычный журналист из Израиля на своей ФБ-ленте саркастически отзывается о «безграмотных наемных работниках, которым за плату малую доверяют заполнение новостной ленты некоторых израильских русскоязычных сайтов». На обвинение в чванстве, в частности за фразу «умиляет банное бесстыдство этих пэтэушников, пролезших в мою профессию», автор отвечает в привычном для него фельетонно-памфлетном стиле: «С критикой согласен в двух аспектах: а) ПТУ — школа рабочего мастерства; б) профессия эта не только моя. Могу добавить и еще один пункт, который моими оппонентам почему-то в голову не пришел: в) в редакциях эмигрантских изданий и каналов, выходящих не на официальных языках страны, журналисты как таковые не составляли, не составляют и теперь уже никогда не будут составлять большинства творческих сотрудников. Посему признаю: в данном случае об “интервенции” в профессию говорить просто не стоило.

Во-первых, потому, что, в израильском случае, факультеты журналистики университетов бывшего СССР не выпустили столько газетчиков, “радиотов” и телевизионщиков, чтобы покрыть ими, как быкорову, бесконечное когда-то множество “русских” изданий и каналов.

Во-вторых, большая часть русскоязычных журналистов и ведущих с еврейскими фамилиями (Галаху упоминать стоит?) не репатрировались в Израиль и не эмигрировали в США и Европу, а замечательно

Об авторе: Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

устроились в современной России, стали популярными, востребованными, а некоторые — и очень богатыми людьми.

В-третьих, в журналисты подались, после репатриации в Израиль и безуспешных поисков работы по основной специальности, десятки и сотни бывших инженеров, педагогов, музыкантов, сценаристов и режиссеров, сотрудников разнообразных НИИ и даже врачей. Сегодня, спустя многие годы, сказать им, что они чужаки в этом ремесле, было бы бестактно и несправедливо.

В-четвертых, журналисты и не очень-то были нужны. В задачи хозяев изданий, а также политических «разрешительных» органов отнюдь не входило сделать «русские» СМИ самостоятельными единицами, ведущими хронику происходящего, проводящими журналистские расследования, обнажающими те или иные явления действительности. «Журнализм» стали находить в комментариях, зачастую ернических и страдавших самолюбованием, в попытках политических памфлетов и эссе, в очень любительской аналитике, а то и просто в тоскливых рассуждениях на заданную тему. В скудном штатном расписании «русских» изданий на сотрудника навешивали, помимо сугубо журналистских, массу организационных и редакторских повинностей. Центральной фигурой зачастую становился переводчик с иврита на русский, где стаж проживания в Израиле превалировал над знанием обоих языков. Репортеров и корреспондентов, которые работали «в поле», можно было по пальцам пересчитать, зато редакторов — что тех курьеров у Хлестакова. Псевдорепортажи, где фигурировали и до сих пор фигурируют какие-нибудь «Хаимы Н.», «Светланы Ю.» и «Ахмеды Ш.», высосаны из быстрых пальцев пишущих редакторов, замученных нагрузками так, что им не то что на «шетах» — в «ширутим» сходить некогда.

Наконец, в-пятых, нашествие в информационное пространство блогеров и прочей «странноприимной» публики в последнее время действительно низводит журналистику до того состояния, где профессионализм, подготовка, опыт, общая эрудиция, реактивность и элементарная грамотность никому уже не нужны и не важны. Деградация, видимо, будет закреплена фактически, и, когда зуд в одном месте быть прикажет «журналистом», у них «журналистом» становится любой. Таково печальное будущее — во всяком случае ближайшее, а там, глядишь, все образуется, шелуха отпадет, дело останется».

Да, «кабинетная журналистика» развращает, но все же зададимся вопросом: если существует исторически сложившаяся, объективно востребованная форма организации жизнедеятельности людей, называемая журналистикой — социальным институтом со всеми его атрибутами (наличие духовно-практического вида деятельности с определенными функциями и принципами, инфраструктуры, законодательной базы, этических кодексов, системы произведений, специальных профессий, отрасли образования и науки и др.), то разумно ли — при всех минусах — разрушать ее, полагаясь на непредсказуемую хаотичную деятельность любителей, лишенных формальной обществен-

ной ответственности? Это все равно что, отказываясь от услуг врачей, идти к знахарям или заменить профессиональные театры любительскими, как о том мечтал герой Евстигнеева в фильме «Берегись автомобиля»...

И ведь демонтаж этой веками складывающейся и до поры до времени достаточно устойчивой формы организации совместной деятельности профессионалов, реализовавших важнейшие функции в обществе, начался не вчера — этому процессу как минимум тридцать лет... Постараемся обосновать этот тезис, рассмотрев последовательно основные признаки развитого социального института.

Начали с внедрения в массовое сознание деконструктивной идеи о том, что журналистика, если не умерла, то постепенно исчезает: «В России сегодня журналистики нет» — такое заявление в свое время на совместной конференции президентского Совета по правам человека и общественной коллегии по жалобам на прессу сделал телеведущий Владимир Познер. Он же постоянно настаивает на том, чтобы закрыть в вузах факультеты журналистики (интересно отметить, что с ним солидарны такие достаточно эпатажные — каждый в своей области — и антиподные личности, как Андрей Кураев, Евгений Гришковец и Алексей Волин).

Авторы проекта «Атлас новых профессий» при поддержке Агентства стратегических инициатив при Президенте РФ, Московской школы управления «Сколково» и RF-Group пришли к выводу, что после 2020 года, наряду с такими интеллектуальными профессиями, как копирайтер, туристический агент, лектор, библиотекар, нотариус, юрисконсульт, системный администратор и др., исчезнет также профессия журналиста, а через 20 лет искусственный интеллект вообще «сможет на 95% решать задачи, связанные со СМИ».

Профессор кафедры деловой и политической журналистики НИУ ВШЭ Ольга Романова еще в 2011 году написала в журнале «Смена»: «В Высшей школе экономики скоро не будет отделения деловой и политической журналистики. И я этому очень рада. Потому что журналистика исчезает, хотим мы этого или нет, это профессия двух предшествующих веков. <...> У нас в НИУ ВШЭ отделение журналистики станет факультетом коммуникаций. Для начала будем изучать «двигатель внутреннего сгорания» — мультимедийность и конвергентность, а там и новые песни придумает жизнь».

То есть миссию журналистики с ее базовыми функциями, часть из которых ориентирована на аудиторию, а другая — на социальные институты, — побоку; сложившуюся систему принципов этой деятельности, главный из которых — влияние на ход общественной жизни, — тоже?.. Но природа, как известно, не терпит пустоты, и не оттого ли информационной деятельностью занялись миллионы любителей? Люди, не бравшие на себя обязательства транслировать только качественную социальную информацию, чем занимались и, к счастью, еще занимаются даже изгнанные из Домов печати в некоторых субъектах РФ редакция СМИ (с этого, кстати сказать, началось разрушение инфраструктуры журналистики). Большинство блогеров не занимается квалифицированной верификацией передаваемых со-

общений — их волнует лишь производимый эффект, скандальный чаще всего.

Это профессионал понимает, что проверенная информация позитивно воздействует на сознание человека, побуждая его к определенной деятельности, влияя на его представления о мире, помогая ориентироваться в жизни. Это профессионала заботит, какие идеи, взгляды, нравственные, политические и др. ценности он продвигает в общество, опираясь на достоверные факты, точность в отображении явлений и тенденций общественного развития. Кстати сказать, если блогер сознательно действует в рамках указанных выше правил, если создает и публикует произведения, проявляя гражданскую активность, то он, по сути, функционирует в рамках журналистики участия.

И если в редакциях следят за соблюдением профессиональных — они же этические — стандартов, чему помогает и корпоративное сообщество через Союз журналистов, различные гильдии, палаты, то в отношении «одиночных стрелков» пока практически не действуют никакие формальные правила — закон о «суверенном Интернете» в основном касается вопросов маршрутизации интернет-трафика, изменения в федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» еще проходят период апробации.

Следует сказать и об аудиторрии. Мы, к сожалению, потеряли не только статус «самой читающей», но и статус «телезрительской» страны: молодежь меньше обращается к качественным СМИ. Отсюда в том числе — снижение уровня и широты читательского, слушательского и зрительского интереса, падение общей культуры. Да, познав свободу выбора, население уходит в социальные сети, отказываясь от профессионально подготовленной и транслируемой информации в СМИ, прежде всего в государственных СМИ. И это если не трагедия, то серьезная проблема: ведь интернет-пространство реально заполнено фейковой информацией, и, что особенно опасно, в нем преобладает провокативный дискурс.

Прежде чем поделить бедами журналистского образования, хотелось бы несколько слов сказать об общих проблемах, переживаемых российской высшей школой.

Одной из первых назову потерю внутренней мотивации студентов к обучению. Это очень серьезный и многофакторный вопрос — здесь же выделю лишь несколько его аспектов.

После того как образование стало услугой и вузам разрешили принимать студентов на договорной основе, т.е. за деньги, страна, по сути, перешла на всеобщее высшее образование (правда, преподавателей вузов может утешать мысль, что они таким образом выполняют социальную функцию, предоставляя возможность молодым людям в течение 4–6 лет находиться в здоровой культурной среде).

При существующих минимальных баллах (от 25 до 40), позволяющих абитуриентам с документами о сданных ЕГЭ легко поступить в вуз, факультеты принимают на первый курс контингент с заведомо низким уровнем подготовленности. Творческие испытания

на двух наших направлениях — «Журналистика» и «Телевидение» — проблемы не решают, поскольку особой мотивации у абитуриентов все равно не возникает из-за малого количества бюджетных мест. Если в девяностые и нулевые годы, например, нашему факультету на специальность «Журналистика» выделяли 72 места (по 36 на дневное и заочное отделения), на специальности «Реклама» и «Связи с общественностью» — по 24 места (по 12 на дневное и заочное отделения), то в настоящее время из 320 студентов, принятых на все уровни образования (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура), лишь десятая часть обучается на бюджетной основе.

Но главное — это то, о чем не так давно в своем интервью «Московскому комсомольцу» сказал глава комиссии по образованию Мосгордумы Евгений Бунимович: «Основной рубец у нас идет не между школой и вузом, а между завершением обучения и дальнейшей жизнью. Будь в России система, при которой, чем лучше ты учился, чем выше твои академические, организационные и прочие способности, тем выше твой пост и зарплата, решить все прочие проблемы образования было бы проще. Но у нас все по-другому. Дети крупных олигархов или госчиновников внезапно оказываются самыми одаренными и в 25 лет возглавляют крупные бизнес-структуры или организации и получают высокие награды. А люди это видят и понимают: главное для успеха в жизни не образование, а то, кто твои родители и друзья. Это и есть главная проблема нашего образования. А все остальное решаем!»

Здесь уместно будет вспомнить налаженную связь образовательных учреждений и экономики, а также других социальных сфер советского времени. После 8-го класса часть учащихся шла на производство, часть — в ремесленные (профессионально-технические) училища или техникумы, часть — в 9-й класс. После 10-го класса часть учащихся отправлялась на производство, часть — в ремесленные (профессионально-технические) училища или техникумы, часть юношей — в армию, часть — в вузы. При этом материально-техническая база училищ и техникумов, выпускников которых ждали на фабриках и заводах, была ориентированной на специфику этих предприятий. В силу действенной плановой экономики безработицы не было, как и переизбытка специалистов.

Вторая и третья проблемы — безумная зарегулированность «сверху» и неприлично низкое государственное финансирование высшего образования.

Колоссальный бюрократический прессинг — реальный удар по системе отечественного образования, считавшегося в советские времена одним из лучших в мире. По мнению директора Института развития образования Высшей школы экономики Ирины Абанкиной, нынешнее российское образование постепенно «перестало быть творческой, креативной отраслью. Педагогам остается лишь талдычить годами все те же тексты уроков. А это прямой путь и к их собственному эмоциональному выгоранию, и к демотивации к образованию их учеников». Переход на многоуровневую (бакалавриат, магистратура, аспирантура) систему образования, предполагающую жесткую формализацию

учебного процесса, с постоянной сменой федеральных государственных образовательных стандартов, требующей переделки тысячи бумаг, отнимающей массу времени и отвлекающей преподавателей от реального учебного процесса, с тотальным контролем и угрозами даже из-за незначительных формальных нарушений отобрать лицензию, закрыть направление и т.д., с введением принципа коллективной ответственности, низводят систему высшего образования до состояния, при котором главное лицо в вузе не доцент, не профессор, а менеджер без ученой степени и звания, для которого главное — отчетность. Забюрократизированность вузов приводит к давлению академических свобод. О четырехмесячных курсах повышения квалификации и двухмесячных стажировках в столице помнят лишь университетские ветераны.

Из-за интенсивной коммерциализации высшего образования падает общий уровень подготовки обучающихся: ведь ради сохранения контингента снижается требовательность к ним. Таким образом, уменьшение государственного финансирования, высокая стоимость обучения, сокращение бюджетных мест, по сути, лишает молодежь из малообеспеченных семей доступности образования. А введение системы подушевого финансирования, по которой вузу крайне невыгодно кого-то отчислять, явно не способствует повышению уровня образования студентов. Отметим и низкий уровень заработной платы вузовских преподавателей, а также почасовой оплаты — в результате люди вынуждены брать часы сверх максимума учебной нагрузки либо искать подработку на стороне. И, например, требование привлекать представителей отрасли становится трудновыполнимым из-за мизерной почасовой оплаты, ведь практики, как правило, не имеют ученых степеней.

Сегодня критерии успеха и распределение государственного финансирования среди российских вузов определяются на основе рейтинга, составляемого частной британской компанией, и российские преподаватели вынуждены подстраиваться под требования, разрабатываемые вразрез с национальными интересами страны: «...хочешь избраться на должность, значит, публикуйся в журналах из западных перечней Scopus и Web of Science. Хочешь получать дополнительную денежную мотивацию — публикуйся и обретай цитирование. Причем цитировать тебя должны тоже в журналах, которые входят в эти базы данных. <...> Если вы хотите, чтобы ваш университет получал повышенное финансирование за государственное задание, то есть за обучение студентов-бюджетников, — пожалуйста, обеспечивайте большое количество цитирований в западных журналах и публикаций в западных журналах. Если хотите, чтобы ваша деятельность как руководителя оценивалась положительно, — обеспечивайте те же результаты. <...> Создана целая инфраструктура в университетах, которая должна была обеспечивать рост количества публикаций и цитирований. На это выделялись огромные деньги, которые, с одной стороны, доплачивались сотрудникам за то, чтобы они обеспечили эти публикации. С другой стороны, многие вузы прибегали к консалтинговым услугам: привлекали представителей компаний, составляющих рейтинги,

чтобы они рассказывали, как правильно писать статьи, на какую тему их лучше писать, как их публиковать и делать так, чтобы на них чаще ссылались. Эта огромная инфраструктура работает уже достаточно долгое время, и есть случаи, когда университеты по инерции закладывают подобные требования в стратегии собственного развития». Это вывод члена Общественной палаты, декана факультета управления и политики МГИМО Генри Сардаряна.

Дискуссии же о журналистском образовании не утихают практически всю новейшую российскую историю, а на фоне цифровизации в сфере медиа они периодически даже обостряются. Если свести воедино угрозы, стоящие перед вузовским журналистским образованием, то их откроет угроза идеологическая (мол, журналистика изжила себя) — о ней мы уже сказали выше. Добавим лишь, что пропаганда неполноценной парадигмы традиционного журналистского образования усиливается: акцент искусственно делается на сугубо технологическо-инструментальном подходе в ущерб сочетанию университетской фундаментальной и прикладной подготовки медиапрофессионалов.

Интересно, что против классического журналистского образования выступают журналисты-практики. Это можно объяснить противостоянием «отцов» и «детей», «вербалистов» и «визуализаторов», «консерваторов» и «революционеров», «профессионалов» и «дилетантов». Поясним наше утверждение.

«Дети» всегда стоят в определенной оппозиции к «отцам», но нынешнее противостояние уникально. Молодежь свободно владеет современной техникой, считая, что этого достаточно для работы в медиа, снисходительно относясь к установкам «отцов». Но людей всегда привлекало лишь интересное содержание. А интересен всегда тот журналист, который оригинально мыслит и умеет оформлять смыслы в оригинальную вербальную или визуальную форму. Вот таких специалистов и должны готовить вузы. А если на первое место ставить технику, то не стоит удивляться, почему аудитория твоего СМИ последовательно ужимается. Но такой подход пытаются даже теоретически обосновать. Эксперт пишет: «Если раньше одной из основных целей образования было наполнить головы студентов максимальным количеством знаний за минимальный срок, то сейчас, с моментальным доступом к знаниям из любого смартфона, такая универсальность выглядит устаревшей». Но ведь очевидно, что без базовых знаний никакой смартфон не поможет.

Дискуссии в социальных сетях не отличаются деликатностью, но современный уровень агрессивности, неуважения к авторитетам просто зашкаливает.

Классическая журналистика, в которой доминировало слово, считается устаревшей, поскольку современная аудитория требует «картинки» (рисунков, фото, инфографики, видео). Такие публикации могут быть интересны по форме, но не всегда по смыслу. На их подготовку затрачивается много усилий, неадекватных производимому эффекту.

Практики традиционно высказываются о плохой подготовленности практикантов и выпускников, видимо, забывая о том, как они сами входили в профессию.

Сегодня, когда отрасль журналистики стала зависимой от менеджмента и политиков, очевидны расхождения в понимании миссии журналистики, по-разному трактуется и профессионализм в нашей области.

Российские журналисты-практики нередко пытаются подменять экспертов в самых различных отраслях духовного и материального производства, в том числе в отношении журналистского образования. Обострились такие специфические и опасные болезни нашей профессии, как дилетантизм, поверхностная «нахватанность», — они проявляются и в отношении журналистского образования.

Кажется, нет ни одной отрасли, кроме медиа, где бы так доставалось альма-матер. Хотя, если бы проводился настоящий фактчекинг, большинство критических стрел ушло бы «в молоко», потому что обвинители чаще всего не знакомы с современными учебными планами, где многие из дисциплин, которые предлагают ввести псевдореформаторы, уже введены. Наверное, не на всех факультетах, но тогда следует обличать отстающих, а не обвинять систему в целом. Но, видимо, появилась еще одна заразная журналистская болезнь — «недержание текста».

Дисциплины по экономике медиа и маркетингу читаются на журфаках уже более двадцати лет. Как и предметы, посвященные «мультимедийным форматам, способам организации информации, вариантов группировки или дробления фактов и сюжетов», «оформления сайтов». Хотя и здесь необходимо соблюдать меру, чтобы «компьютерные знания» не затмили умения грамотно и по делу писать, навыки литературного редактирования и творческого мышления. Чтобы не заворачивать в красивый фантик пустое содержание.

Что касается нашей науки, то и здесь не так давно было высказано мнение, что «за долгие годы исследований в области журналистики ученые так и не смогли выработать единое определение науки и достичь понимания ее предмета». На взгляд автора, онтологическое поле теории журналистики давно сформировано, методы и формы исследования, исследовательский инструментарий также описаны и успешно применяются, хотя категориальный и понятийный аппарат все еще уточняется, что связано с многофакторностью объекта исследования — постоянно обновляемой журналистики. Более того, теория журналистики, как наука о массово-информационной деятельности, развивается, объединяя усилия филологов и историков, философов и психологов, социологов и политологов, правоведов и экономистов и др. Но интердисциплинарный характер хорош до определенной степени. Да, у нас сложились такие направления журналистиковедения, как история журналистики, поэтика публицистики, психология журналистики, социология журналистики,

экономика журналистики и др., при сохранении до недавнего времени приоритета в них журналистики. Но в настоящее время появляется масса «пограничных исследований», авторы которых ни дня не работали в СМИ. Они и в университетских аудиториях «тянут одеяло на себя», транслируя лишь «книжные знания» о профессии, и круг таких специалистов, которые в обеих отраслях дилетанты, к сожалению, ширится.

Как видим, мысль о демонтаже журналистики как социального института вовсе не «тягостная бредь». Осознав реальную опасность, важно поставить и начать последовательно решать сложную комплексную задачу по повышению общей грамотности и медиаграмотности населения, по воспроизводству качественной аудитории СМИ. И здесь может помочь советский опыт комплексного воспитания подрастающего поколения посредством литературы, кино, театра, журналистики для детей младшего, школьного возраста, а затем для юношества, для молодежи и т. д.

Массовое медиаобразование следует включать в учебные планы школ и вузов, организуя школьные медиacentры, проводя фестивали детско-юношеских СМИ и др. Следует возродить детско-юношескую и молодежную журналистику.

Традиционная — классическая — журналистика, следуя своей миссии, должна учитывать факт бурного развития социальных медиа, новых медиа, социальных сетей, используя их для общения, редактирования информации, обмена мультимедийной информацией. То есть СМИ важно брать все лучшее, что отличает гражданскую журналистику (диалогичность, нестандартность, доверительность, гиперлокальность и др.), и минимизировать свои недостатки (ангажированность, консерватизм, ограниченность стереотипами, унифицированность и др.). Ведь современные исследователи отмечают, что журналисты даже федеральных каналов, оказывающих особенно заметное влияние на общественное мнение и на общественное сознание россиян, порой отходят от профессиональных стандартов. При этом нарушения (неравномерное представление разных точек зрения по обсуждаемой проблеме; отстаивание в большей мере только одной позиции; пренебрежение нормами деловой коммуникации; сверхэмоциональное давление и др.) допускаются ведущими либо в силу субъективного убеждения об обоснованности такого поведения в «эпоху новых медиа», либо сознательно — в целях повышения рейтинга программ.

Сегодня важно придерживаться конвенциональной коммуникационной стратегии, задача которой состоит в обеспечении коммуникации между различными сегментами коммуникационной среды, в получении — через целую цепь консенсусов — определенного результата, а именно конвенции.

Сергей Калашников Моделирование и выпуск коммерческих печатных приложений в региональных деловых СМИ

Аннотация: в статье обобщаются практики моделирования и подготовки печатных партнерских проектов редакциями региональных и федерально-региональных деловых СМИ в 2014–2022 гг. Анализ проводится на основе данных о деятельности СМИ на рынках регионов Черноземья (Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Орловская, Тамбовская области) и Юга России (Ростовская область, Краснодарский край). Автор выделяет специфичные черты таких изданий, анализирует медиаэтические риски и приходит к выводу о сохранении актуальности этого формата для журналистской деятельности в условиях кризиса печати.

Ключевые слова: экономика СМИ, реклама в СМИ, издательское дело, медиаменеджмент, этика и свобода прессы

Введение

Затянувшийся кризис [1] финансов в региональных СМИ только добавляет актуальности исследованиям, посвященным тем подходам, которые издания используют для сохранения рентабельности и возможности быть самокупаемыми и без вливаний от тех или иных внешних инвесторов — с точки зрения свободы слова последний фактор выглядит важнейшим.

В сравнительно большей степени проблема характерна для качественных СМИ, в том числе деловых. Их издание требует значительных издержек, в том числе из-за более высокой оплаты труда журналистов, чем в информационно-развлекательных изданиях. Только ежемесячный фонд оплаты труда редакции может превышать 1 млн. руб. В случае выпуска бумажного СМИ основной статьей расходов издания становятся полиграфические услуги, стоимость которых постоянно увеличивается. К примеру, черно-белая печать ежедневной газеты тиражом 3 тыс. экземпляров в 2022 г. обходится уже в более 3 млн. руб. в месяц. Вместе с тем и проблема независимой подачи информации для

Об авторе: Калашников Сергей Сергеевич, аспирант-соискатель Воронежского государственного университета (направленность «Журналистика»), член Союза журналистов России.

этого сегмента СМИ стоит острее. Структур, желающих как-либо влиять в своих интересах на редакционную политику взамен на финансовую поддержку, хватает, особенно в условиях кризиса.

Стоит отметить, что в анализируемых регионах Черноземья и Юга России деловые СМИ — исключительно частные издания, поэтому сокращение рекламных доходов в кризис при отсутствии стабильного бюджетного финансирования ударило по ним сильнее, чем по госСМИ. До начала в 2014 г. периода финансовой нестабильности, не успевшего, по мнению ряда экономистов, завершиться даже к началу коронакризиса в 2022 г., эти издания долгое время не испытывали необходимости в трансформации бизнес-модели и редакционной политики под запросы рекламодателей. Наоборот, последние подстраивались под требования уважаемых брендов деловых СМИ. Тем быстрее СМИ пришлось модернизироваться, когда беднеющий бизнес отправил под нож показавшиеся побочными такие статьи расходов, как реклама и PR.

Одним из существенных источников доходов для региональных деловых СМИ в последние годы является выпуск коммерческих (или партнерских) печатных приложений, их формат и примеры будут исследованы в статье.

25-й президент Гарвардского университета Д. Бок в книге «Университеты в условиях рынка: коммерциализация высшего образования» отмечает, что мотивация академического исследования должна руководствоваться принципами практической полезности. Солидаризировавшийся с этой позицией автор считает необходимым отметить, что перед исследованием поставлены в том числе практические задачи.

Изгиб формата

В целях исследования под коммерческим печатным спецпроектом деловых СМИ мы понимаем нерегулярно выходящую вкладку в основное печатное издание или приложение к нему. Спецпроекты отличаются от основного продукта дизайном, версткой, цветовой гаммой, размером и качеством бумаги. Вместе с тем далеко не во всех случаях спецпроект несет на себе бренд издания. Необходимости в этом в связи с распространением приложения исключительно вместе с основным информационным продуктом нет, а от-

существование логотипа зачастую снимает ряд правовых и форматных ограничений.

Ярким примером выпуска таких коммерческих проектов является высокомаржинальный проект «Издательский синдикат», реализуемый в редакциях газеты «Коммерсантъ» в Черноземье (Белгород, Воронеж, Курск, Липецк, Орел, Тамбов), на Юге России (Ростов-на-Дону, Краснодар). Традиционно чистый объем продаж рекламы в проект в три-четыре раза превышает себестоимость продукта с учетом фонда оплаты труда журналистов. В рамках проекта ежемесячно либо раз в два месяца совместными усилиями редакции и коммерческой службы выпускается журнал формата С4 на глянцева бумажке в мягкой обложке объемом 32–64 полосы, тематика которого посвящена отдельному региону или конкретному сегменту экономики и общественной жизни, а также должна быть привлекательна для рекламодателей. Примеры тематики проектов, выходящих в Черноземье: «Бренды Черноземья» (туризм, малый и средний бизнес), «Индустрия интеллекта» (образование, наука, инновации), «Итоги 2021 года», lifestyle-проект «Хочу в Воронеж», «Экология», «Агропромышленный комплекс».

Данные проекты, помимо бумажной версии, публикуются на сайте в формате большой мультимедийной публикации с рядом перекрестных ссылок. Не становятся исключением и рекламные материалы этих проектов, что является конкурентным преимуществом издания в борьбе за заказчика.

Из последних таких проектов, доступных как в печатной версии, так и на сайте, можно выделить журналы-приложения «События 2021» [2], «Тамбовская область. Итоги 2021» [3], «АПК Черноземья 2021» [4], «Черноземье в поисках поддержки» [5].

Другим видом спецпроектов журнального формата выступают приложения Business Guide, они, в отличие от проектов «Издательский синдикат», ориентированы на аналитические редакционные материалы. Продажа рекламы в этом случае является вторичной, она подается как стилизованные под редакционные интервью. Среди таких проектов редакции «Коммерсанта» в Ростове-на-Дону в 2021 году преобладают тематические выпуски: «Business Guide Экономика региона. Банки» [6], «Business Guide Энергетика» [7], «Business Guide. Инструменты бизнеса» [8].

Изнанка конвергенции

В деятельности деловых СМИ регионов Черноземья по выпуску коммерческих печатных приложений получила интересное проявление «конвергенция на оборот» — выпуск печатных коммерческих проектов деловыми интернет-СМИ. Пока этим занимается только агентство *Abireg.ru*. Его издатель Дмитрий Орищенко ежегодно выпускает глянцева журнал — «Рейтинг влияния» для Воронежской и Липецкой областей. В 2017 году к ним добавилась Белгородская. Рейтинг формирует группа экспертов, в которой журналисты и пиарщики соседствуют с юристами, и публичных предпринимателей, доля которых сравнительно невелика.

Журнал состоит из 100–160 полос формата С4. На них располагаются: сам рейтинг, сопровождаю-

щийся объясняющим показателем политологическим текстом, небольшое количество макетной рекламы, несколько редакционных интервью с представителями властных структур и десятки имиджевых интервью (в том числе в формате косвенной речи) с бизнесменами и предпринимателями. Тираж составляет 5 тыс. экземпляров. Сложно сомневаться в прибыльности проекта с учетом того, что его инициаторы занимаются входом в рынки нового региона. По словам одного из рекламодателей проекта, по понятным причинам пожелавшего остаться анонимным, стоимость размещения имиджевого материала на две полосы с попаданием в сам «Рейтинг влияния» составляла на 2019 год около 200 тыс. руб. С учетом сопоставимого роста издержек на сегодня этот ценник можно оценить в 300 тыс. руб. Журнал печатается в ОАО «Воронежская областная типография — издательство им. Е. А. Болховитинова».

Политика коллаборации

Одновременно выгодная и не рискованная с репутационной точки зрения методика коммерциализации бренда СМИ — выпуск совместных рекламных проектов с брендами СМИ и заказчика, которые сегодня называют «коллаборациями»

Удачные примеры их реализации есть у воронежской медиагруппы *DeFacto*, выпускающей одноименный деловой журнал. Медиагруппа в 2016–2017 гг. несколько раз выпускала приложение к журналу, рассказывающее о каких-либо услугах или нововведениях для предпринимателей на банковском рынке по заказу Центрально-Черноземного банка Сбербанка. Приложение распространялось вместе с журналом, полностью повторяло его стиль, верстку, частично — объем и было брендировано одновременно символикой Сбербанка и *DeFacto*. При этом электронной версии у проекта не было и в архиве журнала на сайте издания оно не представлено.

Онлайновые аналоги таких проектов сейчас принято называть «нативной рекламой».

Ко-брендинговые спецпроекты выпускает и «Коммерсантъ» в Черноземье. Так, приложение «Промышленность и энергетика» по итогам 2017 г. несло на обложке логотип «Росатома» как генерального спонсора, а значительная часть материалов была посвящена атомной энергетике и деятельности АЭС в Черноземье.

В 2015 году логотип «Росатома» как генерального спонсора использовался в приложении «Курская область». Партнером проекта «Воронеж — культурная столица СНГ», вышедшего в мае 2015 г., стал «Газпром». В том же году Воронежский механический завод выступил генеральным спонсором спецпроекта «Наследие победы», приуроченного к юбилею окончания Великой отечественной войны. Символикой предприятия был брендирован контент приложения.

Этот коммуникационный подход кажется нам одним из наиболее удачных способов коммерциализации вызывающего доверие бренда издания на воронежском рынке деловой прессы. Риски обесценивания бренда при условии качественного контента здесь минимальны, так как издатель совершенно честен с читателем и не скрывает, что это партнерский проект.

Казенные фразы

Другой стороной работы над коммерческими печатными приложениями стало то, что заказчиком большого количества рекламных публикаций в них становятся госструктуры. Региональные власти в условиях кризиса из-за пандемии коронавируса и валютных колебаний, дефицита бюджета регионов и секвестра его социальных статей только увеличивают расходы на публикации о себе в местных СМИ. Речь о заключении с медиа через систему тендеров контракта, по которому редакция в обмен на получение бюджетных средств обязана опубликовать (без пометок «на правах рекламы») материалы о деятельности чиновников. Формулировки могут быть различными: «распространение информации о деятельности администрации», «подготовка и публикация информационных материалов о деятельности администрации» [9]. Этот инструмент, гарантирующий полное освещение деятельности госструктур и лояльность медиа, внедряется на медиарынках регионов с начала 2010-х гг.

Новую форму в огосударствлении финансирования частных региональных СМИ открыли в последние годы, а особенно заметно в 2020 г., власти Тамбовской области. Они распределяют средства местным изданиям не через тендеры (публичные и открытые, заявиться на которые имеют право любые компании), а через систему грантов «на информационную открытость и стимулирование творческой активности журналистов», выделяющихся по решению комиссии из числа сотрудников администрации.

Соответственно, в случае выпуска тематического приложения, посвященного одному конкретному региону, его ключевым рекламодателем становится администрация или правительство этого региона. Такая ситуация приводит к рискам контроля этой структуры за тематикой, содержанием текстов и редакционной политикой проекта — вплоть до его верстки.

Этические риски

Использование госконтрактов, как уже было сказано, автор предлагает рассматривать как один из серьезных рисков для свободы слова в изданиях, активно работающих с госзаказчиком, в том числе при подготовке коммерческих печатных приложений. Разумно предположить, что создающийся во время этой работы вектор общения органов власти с журналистами сохраняется и в дальнейшем их сотрудничестве с редакцией. Это не может не сказываться на редакционной политике и основного информационного продукта.

Вместе с тем использование госконтрактов стоит рассматривать как «необходимое зло» на стагнирующем медиарынке. Во всяком случае, это меньшая проблема, чем закрытие СМИ из-за нехватки финансирования и роспуск сложившихся журналистских коллективов.

Величина риска конфликта интересов при использовании этого нового подхода к рентабельности СМИ зависит только от профессионализма медиамеджеров, которые его реализуют. Освещать деятельность региональных властей в рамках контракта тоже

можно форматно, перерабатывая новостные поводы в строгом соответствии с требованиями издания. А можно — просто публиковать пресс-релизы для отчетности по исполнению контракта. Выбор, опять же, за самими изданиями.

Также затронутое в статье использование кобрендинговых проектов на фоне вышеописанного кажется менее рискованным с точки зрения этики. В этом случае СМИ предельно честны с читателем и не пытаются выдать партнерский, рекламный проект за редакционный. А знакомиться с ним или нет — дело читателя. При этом, при должном профессионализме редакционного коллектива, возможно привлечь к партнерскому проекту столь же большое читательское внимание, как и к редакционному.

Заключение

Хочется отметить, что региональным деловым СМИ определено необходимо меняться. Особенно в эпоху, когда одной из опасностей для них становится то, что государственная пресса все больше тяготеет к явно выраженным пропагандистским компонентам, а частная — к службе коммерческим интересам. К этому, как указывает профессор Владимир Тулупов [10], ведут «все чаще встречающиеся неумелый менеджмент и устаревшие кадры». Думается, что это справедливое предположение.

Деловые СМИ в регионах, в том числе и на воронежском медиарынке, сохранили большой запас доверия читателей, но этим изданиям стоит продолжать свое осовременивание и попробовать уже выявленные (или найти свои) новые коммуникационные подходы для совершенствования бизнес-моделей.

г. Воронеж

Литература

1. Калашников С. С. Проблема прибыльности деловых СМИ на воронежском медиарынке / С. С. Калашников // Проблемы массовой коммуникации Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Воронеж, 2019.
2. События 2021 — Коммерсантъ Воронеж. [Электронный ресурс]. Дата обновления 10.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5130055>
3. Тамбовская область. Итоги 2021 года — Коммерсантъ Воронеж. [Электронный ресурс]. Дата обновления 10.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5152788>
4. АПК Черноземья. 2021 — Коммерсантъ Воронеж. [Электронный ресурс]. Дата обновления 10.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5090057>
5. Черноземье. В поисках поддержки — Коммерсантъ Воронеж. [Электронный ресурс]. Дата обновления 10.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4967361>
6. «Business guide Экономика региона. Банки». Приложение (Ростов) № 198 от 29.10.2021 — Коммерсантъ Ростов-на-Дону [Электронный ресурс]. Дата обновления 10.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/apps/140435>
7. «Business guide Энергетика». Приложение (Ростов) № 236 от 21.12.2018 — Коммерсантъ Ростов-на-Дону [Электронный ресурс]. Дата обновления 10.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/apps/119634>

8. «Инструменты бизнеса». Приложение (Ростов) № 156 от 30.08.2019 — Коммерсантъ Ростов-на-Дону [Электронный ресурс]. Дата обновления 10.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/apps/124889>

9. Калашников С. С. Проблема огосударствления финансирования частных региональных СМИ / С. С. Калашников

// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология, журналистика. 2020. № 3. — Июль-сентябрь. — Воронеж, 2020.

10. Тулупов В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра / В. В. Тулупов // «Вопросы теории и практики журналистики». — 2013. — № 2. — 82 с.

Рис. 1, 2, 3. Обложки проектов «Издательский синдикат» редакции «Коммерсанта» в Черноземье.

Дарья Неренц Специфика использования метода журналистского расследования в телевизионных ток-шоу

(на примере проекта «Андрей Малахов.
Прямой эфир»)

Аннотация: метод журналистского расследования на телевидении по-прежнему является актуальным, а программы под заголовком «Расследование» неизменно привлекают внимание широкой аудитории. В статье анализируется новый тренд — применение метода журналистского расследования в телевизионных ток-шоу. В частности, рассмотрены характерные особенности расследования как метода, типология и методы сбора информации при проведении журналистского расследования, специфика расследований в ток-шоу на примере проекта «Андрей Малахов. Прямой эфир».

Ключевые слова: журналистское расследование, ток-шоу, метод журналистской деятельности, криминальные расследования, телевидение.

Журналистское расследование с момента своего появления является узкой специализацией, в которой работает довольно небольшое количество журналистов. В первую очередь это связано с большими временными затратами на изучение темы и сбор информации, а также финансовыми издержками (особенно при необходимости командировок). Однако важную роль играет и поддержка главного редактора и коллег, что случается далеко не всегда, а также способность журналиста к поиску скрытой информации и выявлению причинно-следственных связей, то есть долговременной планомерной работе, требующей аналитического мышления.

В то же время итог журналистского расследования может быть весьма привлекателен для журналистов, поскольку это возможность повысить уровень своей репутации, получить общественное признание, помочь аудитории и обратить внимание властей на важную проблему, получить финансовые выгоды (при появлении общественного резонанса). Стремление к повышению рейтингов и коммерческой эффективности как

никогда актуально для телевизионных СМИ, которые ежегодно теряют свою аудиторию, проигрывая интернет-изданиям и социальным медиа. В связи с этим можно наблюдать трансформации в уже привычных аудитории телепроектах касательно подходов к освещению тем, как раз в силу желания сохранить и приумножить аудиторию. Одна из таких трансформаций — появление метода расследования в ток-шоу, в которых еще пять лет назад все действие происходило в студии и ограничивалось озвучиванием целого набора версий происходящих событий, а теперь эти обсуждения основаны на собственных расследованиях, которые проводит редакторская группа ток-шоу.

Журналистское расследование как метод журналистской деятельности

Журналистское расследование как метод имеет ряд особенностей, которые позволяют отличить его от других методов журналистской деятельности. Прежде всего, это наличие скрытой ранее информации, которую кто-то хотел бы оставить в тайне, детальное всестороннее исследование общественно значимой темы, стремление найти решение какой-то серьезной проблемы.

Д. В. Неренц указывает, что расследователи неоднократно способствовали раскрытию случаев коррупции, наркоторговли, эксплуатации трудящихся и других нарушений правовых и этических норм. Журналистское расследование как метод выполняет ряд важнейших социальных функций, отражая, по сути, интересы и настроения общества [6, с. 78].

Е. С. Зубаркина понимает под журналистским расследованием детальное исследование социальных явлений, несмотря на их многочисленное многообразие [4, с. 367]. Н. В. Бергер, в свою очередь, отмечает примат факта над мнением как важнейшую черту журналистского расследования [2, с. 3]. Подобный подход к работе позволяет продемонстрировать происходящие в обществе изменения, саму суть общества. Осуществляемая расследователями социальная диагностика выявляет наиболее болезненные сферы и активизирует читательский интерес, тем самым стимулируя поиск решения

Об авторе: Неренц Дарья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Российского государственного гуманитарного университета.

острой проблемы.

А. А. Тертычный и А. Д. Константинов выделяют несколько разновидностей расследовательских публикаций в зависимости от тематики: политические, экономические (коррупционные), исторические, экологические, криминальные (социально-бытовые преступления) [8, с. 214–226; 3, с. 176–199]. В свою очередь, Д. В. Неренц предлагает классификацию расследований в зависимости от масштабности исследуемой проблемы [7, с. 24–25]: местные или городские (расследования в рамках городской проблемы), региональные, федеральные (характерно для столичной прессы и крупных еженедельных изданий), межстрановые (предполагает сотрудничество журналистов нескольких стран для решения общей проблемы), трансконтинентальные (расследования, затрагивающие несколько континентов) и международные (глобальная проблема, касающаяся всего мира).

Методы сбора информации в расследовательской журналистике на телевидении

Несмотря на совершенно новые возможности, которые открыл для журналистов-расследователей Интернет с появлением Bid Data, баз данных, социальных медиа, искусственного интеллекта и т. д., сложно выделить существенные трансформационные процессы в способах создания телевизионного журналистского расследования.

Безусловно, аккаунты в социальных сетях, статистика с официальных сайтов государственных учреждений, анализ баз данных могут становиться источниками информации, но главенствующими по-прежнему остаются «традиционные» интервью, опрос, эксперимент, включенное или невключенное наблюдение, криминологическо-следственные методы [8, с. 217]. Именно этот набор позволяет создать визуально привлекательный видеопроект, которые будут интересны массовому телезрителю.

Наиболее часто используемым методом является интервью или беседа. А. А. Тертычный указывает, что ответы на волнующие вопросы автор всегда может получить с помощью различных специалистов (политиков, чиновников, государственных служащих и т. п.), используя метод интервью или беседы. Однако, отмечает исследователь, если человек захочет что-то скрыть, то никакие манипулятивные приемы, особенно лесть или заигрывания, не будут работать. Между тем журналист в любом случае сможет получить определенное представление об отношении человека к проблеме или о его настроении [8, с. 219].

Нередко при проведении расследования используется метод наблюдения. М. Н. Ким при этом указывает на ряд факторов, при которых наблюдение становится по-настоящему важным источником информации. В частности, довольно полезным может оказаться наблюдение за динамикой развития события, за привычками и поведением людей, за деталями, которые сложно увидеть без личного присутствия. Благодаря подобному наблюдению повествование отличается живостью и образностью, а также объективностью, поскольку нет необходимости узнавать у кого-то постороннего о произошедшем. Кроме того, личное на-

блюдение дает журналисту возможность сразу отделить главные факты от второстепенных, исследовать причинно-следственные связи [5, с. 128].

Метод эксперимента характерен для расследований на криминальную тематику и применяется, если необходимо воссоздать происходящее, создать «реконструкцию» или, например, определить реакцию аудитории на какое-то совершаемое действие, а также проверить достоверность историй героев.

Для телевизионных расследований характерен метод съемки скрытой камерой, поскольку именно этот способ позволяет зафиксировать и впоследствии подтвердить факт разговора и информацию, которые они получают от источника.

В телевизионной практике нередко встречается метод работы с документами (поиск документальных свидетельств, их анализ), работа с интернет-ресурсами (например, поиск свидетелей в социальных сетях и пр.), поиск архивных видеозаписей или фотоизображений, изучение предыстории события/проблемы.

Применение того или иного метода полностью зависит от цели автора и формата телепрограммы. В расследовательских программах («Честный детектив», «Человек и закон», «ЧП. Расследование») делается акцент на поиске информации журналистом и цель такого материала не только раскрыть преступную схему, но и способствовать разрешению проблемы путем привлечения внимания. В ток-шоу, как правило, событие, которое становится темой расследования, уже привлекло к себе внимание и широко обсуждается, поэтому цель журналистов — найти эксклюзивную информацию, шокирующие подробности, чтобы после материала обсудить в студии все возможные версии события. При этом отсутствуют выводы и какие-то пути решения проблемы, нередко выпуски с расследованиями редакторской группы имеют «открытый финал».

Журналистское расследование в ток-шоу «Андрей Малахов. Прямой эфир»

Ток-шоу по своей природе является диалогичным жанром, в основе которого — изучение проблемы или явления посредством коллективного обсуждения в студии. Собравшиеся гости, эксперты и зрители в зале активно высказывают свои версии события, дают прогнозы и предлагают пути решения. Довольно часто несовпадающие точки зрения могут стать началом острой дискуссии, переходящей во взаимные оскорбления или физическое воздействие. Однако сегодня в основе выпусков не только эта «классическая» композиция повествования. Все чаще можно увидеть репортажи и сюжеты, снятые корреспондентами или редакторами ток-шоу, которые являются ключевым источником информации и занимают центральное место в программе. Некоторые из этих материалов являются журналистскими расследованиями. К такому методу прибегают редакторские группы разных проектов на федеральных телеканалах («На самом деле», «Пусть говорят», «Андрей Малахов. Прямой эфир» и пр.).

В проекте «Андрей Малахов. Прямой эфир» [1] в последние 3 года наблюдается устойчивая тенденция к проведению собственных расследований. Из просмо-

тренных 242 выпусков программы «Андрей Малахов. Прямой эфир» за период январь 2021 — январь 2022 гг. 19 выпусков посвящены собственным расследованиям редакторской группы. Как правило, за месяц в ток-шоу может выходить от одного до трех расследований, все они относятся к криминальному типу. В частности, 7 расследований были посвящены разным видам мошенничества (телефонные мошенники, некачественные медицинские услуги, сайты знакомств, «черные» риелторы), 5 расследований — попыткам провести собственное расследование убийства параллельно с правоохранительными органами, 5 расследований были посвящены попыткам поиска пропавших людей, одно расследование раскрывает преступные схемы в похоронном бизнесе, еще одно — об ограблении банка.

Представляется, что выбираемые для расследований темы в ток-шоу должны быть не только резонансными, то есть привлекательными для массового зрителя, но и не требующими конкретных результатов. Как правило, расследования, которые проводит редакторская группа, идут параллельно с официальными проверками или расследованиями правоохранительных органов. Однако есть выпуски с эксклюзивной информацией: новыми открывшимися обстоятельствами, появлением новых свидетелей, которых не опрашивали следственные органы. Например, в выпуске от 02.12.2021 «В логове телефонных мошенников: мы узнали их имена!» корреспондентам программы удалось раскрыть личности членов преступной группировки, которая занималась телефонным мошенничеством, а в выпуске от 10.02.2021 «Как разводят на деньги на сайтах знакомств» — подробно описать преступную схему мошенника, который знакомился со своими жертвами на сайтах для того, чтобы впоследствии их ограбить.

При этом есть темы, которые изначально имеют перспективы неоднократного обсуждения. Некоторые расследования переходят в серию, состоящую из 2 или 3 выпусков (выпуски от 13 января и 28 января 2021 г. о косметологах-самоучках; выпуски от 21 сентября и 4 октября 2021 г. об исчезнувшей девушке; выпуски от 19 марта и 6 апреля 2021 г. о таксисте, который был убит, выпуски от 29 июня, 10 ноября и 2 декабря 2021 г. о телефонных мошенниках). Продолжение истории появляется если: предыдущий выпуск был рейтинговым и набрал большое количество просмотров на YouTube-странице проекта, появились эксклюзивные сведения, которые есть в распоряжении только редакторской группы ток-шоу, история пришла к неожиданной (шокирующей) развязке, которую необходимо обсудить в студии, редакторская группа продолжает проводить собственное расследование с целью привлечь внимание правоохранительных органов к этому делу.

География расследований ограничена территорией РФ: расследования проводились в разных регионах России, начиная от крупных мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург) и заканчивая малонаселенными пунктами (станция Ахтанизовская Кубанской области).

По масштабам проблем расследования в ток-шоу «Андрей Малахов. Прямой эфир» можно отнести к региональным (расследования о пропаже людей или убийстве) и к федеральным (расследования о телефонных

мошенниках, брачных аферистах, похоронной мафии). Несмотря на то, что подобные происшествия не могут привлечь международное сообщество и не рассчитаны на это, все же внутри страны являются резонансными и привлекают внимание массовой аудитории.

Довольно разнообразными представляются методы сбора информации, которые используют редакторы программы по время своих расследований. Анализ выпусков показал, что наиболее распространенной является съемка скрытой камерой (в зависимости от темы это может быть интервью или диалог с обвиняемым/свидетелем или съемка внутри офисов мошенников, нелегально работающих медицинских учреждений, жилых помещений). Например, в выпуске от 10.11.2021 «В логове телефонных мошенников» производилась съемка скрытой камерой в офисе телефонных мошенников, в выпуске от 13.01.2021 «Как самоучки уродуют женщин в салонах красоты» редакторы ток-шоу снимали на скрытую камеру свои попытки записаться на пластическую операцию в клинике и реакцию персонала на просьбы предоставить документы, разрешающие медицинскую деятельность, а в выпуске от 21.05.2021 «Врач-реаниматолог убил практикантку» на скрытую камеру в клинике снималась беседа корреспондента с коллегой обвиняемого в убийстве врача.

Во всех расследованиях в ток-шоу использованы криминологическо-следственные методы сбора информации. В частности, встречается метод невключенного наблюдения: редакторская группа отправляется на место происшествия, зачастую самостоятельно проходя весь маршрут жертвы или потерпевшего в день совершения преступления. На месте события корреспондент всегда опрашивает соседей и проживавших с жертвой.

Во время эфира нередко используется инфографика: карта с отметками геолокаций или маршрута жертвы, преступная схема, поэтапный разбор события и т. п. Так, на рис. 1. дан пример карты с маршрутом таксиста, показанной в ходе обсуждения исчезновения молодого человека в выпуске от 19.03.2021 «Таксист влюбился в путану и исчез».

На рис. 2 изображена графика с мошеннической схемой создания преступного похоронного бизнеса, которую удалось выявить в ходе собственного расследования редакторской группы ток-шоу (выпуск от 16.12.2021 «Похоронная мафия: санитары моргов расскажут всю правду!»).

Метод проверки на полиграфе встретился в одном выпуске от 18.05.2021 «Кто охотится за одинокими стариками?», когда обвиняемый в мошенничестве герой программы согласился таким способом доказать свою невиновность. В целом данный метод можно назвать востребованным, поскольку он позволяет аудитории сделать какие-то выводы относительно искренности героев программ. Проверки на детекторе лжи встречаются не только в рамках расследований, но и при обсуждении семейных конфликтов, социальных проблем и т. п.

Одним из «традиционных» методов сбора информации в истории расследовательской журналистики является метод «смены профессии», когда журналист под видом желания трудоустройства или под видом

клиента проникает в офисы, компании, государственные учреждения, чтобы увидеть и описать преступную деятельность «изнутри», своими глазами. Сюда же можно отнести попытку редакторов программы исследовать деятельность салона красоты под видом клиентов (выпуск от 13.01.2021 «Как самоучки уродуют женщин в салонах красоты»).

В рамках просмотренных выпусков также встречались аудиозаписи, состоящие из бесед с жертвами или обвиняемыми, записанными тайно, без ведома собеседника. Как правило, такой метод использовался при беседах с родственниками и друзьями, которые отказались от «официального» общения.

Во всех выпусках интервью и опрос являлись центральными, основными методами сбора информации, поскольку зачастую именно родственники, потерпевшие, друзья или знакомые становились инициаторами начала расследования.

Важным является и изучение социальных сетей, личных аккаунтов пропавших, жертв, преступников, анализ которых позволяет в рамках программы составить психологический портрет жертвы и выяснить круг их интересов. Также использовались выдержки из переписок в мессенджерах, которые представляли гости программы.

Если еще пять лет назад выпуск под громким заголовком «Расследование» в ток-шоу представлял собой традиционное обсуждение в студии всех возможных версий произошедшего события и, возможно, реконструкцию произошедшего, то теперь это трансформировалось в полноценную попытку провести собственное расследование, используя методы съемки скрытой камерой, метод «смены профессии», метод невключенного наблюдения и реконструкции, метод опроса и интервью со свидетелями и родственниками.

Отдельно также стоит отметить и выпуски, посвященные криминальной тематике, но только с обсуждением всех версий события. В таком варианте не применяются расследовательские методы сбора информации, однако происходит обсуждение всех вариантов произошедшего с привлечением экспертов, а также даются прогнозы дальнейшего развития событий.

Встречаются программы, связанные с появлением новых данных по уже закрытым уголовным делам, пересмотр версий преступления уже осужденных преступников, отбывающих свой срок в исправительных учреждениях, программы на основе расследования, проведенного правоохранительными органами.

Практика применения метода расследования в телевизионном эфире существенно расширилась в условиях постоянного поиска способов привлечения и удержания аудитории. Теперь подобная практика, изначально характерная для форматов документальных фильмов и специализированных телепрограмм, стала распространена и в среде производства массового телевизионного продукта, предназначенного для неспециализированной, максимально широкой аудитории.

С одной стороны, появление журналистских расследований в ток-шоу — показатель дальнейших тенденций развития журналистики в целом, когда происходит смешение жанров и форматов, превращая любую программу во что-то неопределенное, фрагментарное и, зачастую, нечеткое с точки зрения определения сверхзадачи телепроекта.

С другой стороны, подобные расследования могут быть более результативными, поскольку привлекают внимание и широкой общественности, и экспертного сообщества, а значит, и властей. Подобное внимание в большей степени способно положительно повлиять на разрешение сложной и актуальной проблемы.

г. Москва

Литература

1. Андрей Малахов. Прямой эфир. Эфиры: январь 2021 — январь 2022 гг. // Смотрим.— Режим доступа: <https://smotrim.ru/brand/62142> (дата обращения: 04.02.2022).
2. Бергер Н. В. Расследование как метод журналистской деятельности: дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Бергер.— СПб., 2006.
3. Журналистское расследование: История метода и современная практика / под ред. А. Д. Константинова.— СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
4. Зубаркина Е. С. Журналистское расследование: история и технология создания сюжетов / Е. С. Зубаркина // Преподаватель XXI век.— 2009.— № 2.— С. 366–370.
5. Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким.— СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001.
6. Неренц Д. В. Активизация использования визуальных элементов с целью максимизации аудитории в расследовательской журналистике / Д. В. Неренц // Знак: проблемное поле медиаобразования.— 2018.— № 1 (27).— С. 77–86.
7. Неренц Д. В. Журналистские расследования в современных СМИ США и России: учеб. пособие / Д. В. Неренц.— М.: РГГУ, 2019.
8. Тertyчный А. А. Расследовательская журналистика: учеб. пособие / А. А. Тertyчный.— М.: Аспект Пресс, 2002.

Рис. 1. Маршрут таксиста, воссозданный редакторской группой ток-шоу

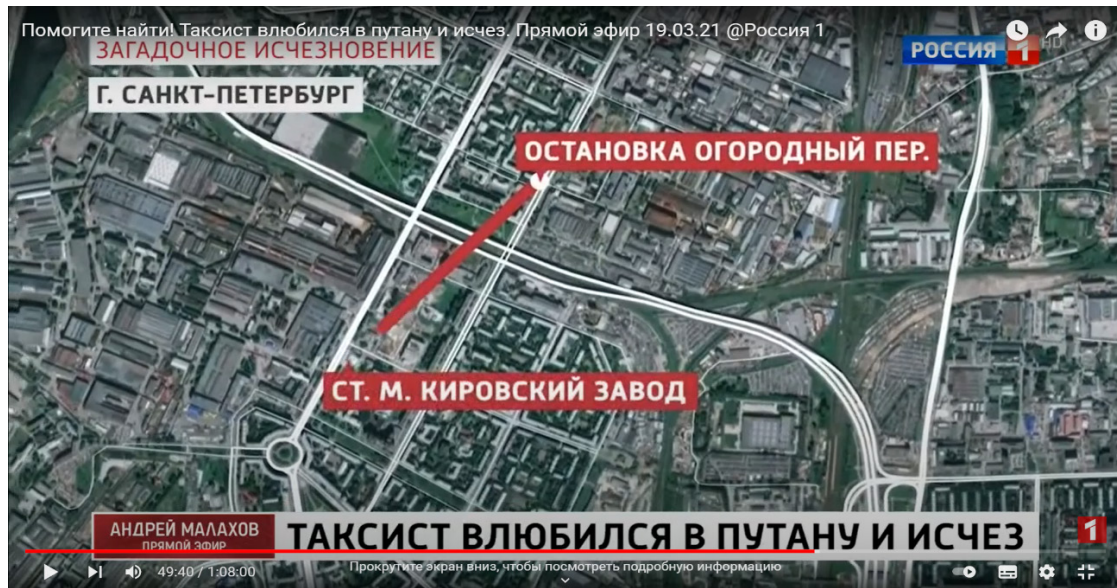

Рис. 2. Схема создания бизнеса похоронной мафии

«Рубились» с цензурой до полуночи

Как менялась воронежская журналистика

Воронежская пресса переживала разные времена — хлебные и голодные, свободные и не очень, но всегда, как могла, рассказывала читателям о жизни наших городов и сёл.

О том, как менялась журналистика, рассказывает прозаик и публицист, лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области», **Виталий Жихарев**, который не один десяток лет возглавлял разные СМИ региона.

«Приходилось оглядываться и осторожничать»

Юрий Голубь, «АиФ-Воронеж»: *Виталий Иванович, вы работали в разной прессе — советской, перестроечной, постперестроечной. Когда было интереснее и когда труднее всего?*

Виталий Жихарев: Мне в жизни повезло: я угадал с профессией. Работалось с интересом при любой погоде на дворе. Конечно, при партийной монополии пресса не жила сама по себе. Ею управляли — через подбор руководителей редакционных коллективов и в целом журналистских кадров, через их обучение, через директивы, указания, советы, отчёты. Могли вызвать на ковёр постфактум.

Чувствовался ли от такой опеки неуют? Да, приходилось оглядываться и осторожничать, шагать в едином направлении, а если и колебаться, то, как тогда шутили, вместе с линией партии. Но то было платой за вполне нормальные условия для творчества. Тут тебе и оклад по должности с премиальными, и гонорар. Рабочее место, может, и не сразу, но квартира и так далее. Наш брат не знал, откуда берётся бумага и во что обходятся печать в типографии, услуги почты.

— *Но ведь была цензура... Говорят, неудобные властям материалы могли не допустить к печати или передаче в эфир.*

— В СССР существовала служба по охране гостайн в печати. Её люди читали тексты перед опубликованием, что являлось цензурой в классическом понимании этого явления. Был у них специальный, с грифом «секретно», перечень запретов. Воронеж почти весь сидел на оборонке. Взять ВМЗ, «Зарю», «Электронику», НИИПМ... Об основной их продукции слова нельзя было сказать. Состав частей гарнизона — секрет. Фото с перрона вокзала Воронеж-1 пройдёт, если на нём не видно путей. Катастрофы, эпидемии — можно, если ТАСС сообщит.

У каждого редактора в сейфе лежал тот самый Перечень, и можно было заранее предупредить реакцию цензоров. Но были среди них и особо бдительные, особо ретивые. Помнится, придрались к слову «Бог»: написано с большой буквы. Кто-то из моих младокоммунаровцев, фантазируя, в новогоднем номере написал примерно так: «На окраине нашего города построят завод роботов,

которые будут подметать улицы». У дежурного цензора роботы вызвали всплеск эмоций.

Или случай со мной лично. Я ездил в командировку на боевой корабль Черноморского флота «Воронежский комсомолец». В репортаже корабль назвал по имени раз пятнадцать. Цензура упёрлась: название указывать нельзя. Помните детскую песенку про часть тела пониже пояса, которая есть, а слова нет? Так и тут. Как же, говорю, корабль ходит по Средиземному морю, в Индийский океан выходил, в чужих портах заправлялся, всем видно, как его зовут, и — нельзя? Начальник Обллита в тот вечер засиделся, пошёл к нему. Час потратил на уговоры, но уговорил.

А вот в случае с заведующей отделом учащейся молодежи «Молодого коммунара» Ольги Парфёновой уговорить не получилось. Оля сделала заметку о присуждении премии профессору ВГУ, завкафедрой ядерной физики Станиславу Кадменскому какой-то организацией в Дубне. Заметку сопровождал снимок: Станислав Георгиевич у доски, на доске схемка — атом и три луча-излучения из него частиц альфа, бета и гамма, она в учебниках по физике за десятый, а то и за девятый класс есть. «Рубились» с цензурой до полуночи, Кадменский живой свидетель. Увы, наша не взяла, цензура — кошки в дыбошки.

В журналистике всё на виду

— *За эти подробности цензурных вмешательств спасибо, они хоть как-то объяснимы с точки зрения охраны государственных тайн. А что с запретами по идеологическим соображениям?*

— Стаж моей штатной работы в прессе сорок лет. Первое пятилетие в райгазете. Кстати, районная печать, а это гигантские тиражи в советское время, не цензурировалась вообще. Затем я работал замредактора и редактором ныне покойного «Молодого коммунара». Был председателем областного телерадиокомитета (ныне ВГТРК). Наконец, два десятилетия в «Коммуне», почти всё время главным редактором. То есть занимал руководящие должности в трёх ключевых СМИ нашего региона.

Так вот, для тех, кто считает цензуру неким монстром, или спрутом, вязавшим по рукам и ногам творческие порывы советских журналистов, а конкретно воронежских, — говорю честно: в зонах моей ответственности представители цензуры, либо каких иных органов никогда не требовали снять тот или иной материал.

В целом цензура в журналистике при Советах я бы не стал демонизировать. Болезненна она была для писателей. Там цензоры, что называется, с лупой в руках искали в поворотах и ответвлениях сюжетных линий, заковыристых гиперболах, цветистых эпитетах потаён-

ные смыслы и морщили репу, расшифровывая эзопов язык. С журналистикой им было проще, здесь всё на виду.

То ли рынок, то ли — нет

— *Вернёмся, Виталий Иванович, к первому вопросу.*

— Я, честно сказать, не знаю, кто прав: Конфуций, сказавший «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен!», или наш замечательный Тютчев, славивший время, когда человек может раскрыться, реализоваться, как-то повлиять на ход исторических событий. Лет тридцать назад журналисты перехватили у писателей лидерство в борьбе за умы и сердца людей. В конце восьмидесятых и в первые годы девяностых высоко взлетел рейтинг нашей профессии.

Сейчас население живёт бедновато, снижаются тиражи. Нет никакого секрета в том, что мы живём в условиях капиталистических отношений. Изначально во всём мире газеты издаются вовсе не для того, чтобы они были коллективным агитатором, пропагандистом и организатором. Их издают, чтобы получить прибыль. Среди олигархов много медиамагнатов.

У нас в современной России субъекты рынка прессы находятся в неравных условиях, поскольку огромное их число финансируется государством напрямую или опосредованно через государственные структуры. Это не рынок. Представим себе такую картину. Где-то наверху издали указ, разрешающий на площади Ленина поставить киоски с пирожками. Народ откликнулся, начал торговать, соревнуясь за каждого клиента. И вот на этой же площади поставила киоск администрация. Под благим предлогом заботы о народе решено в этом киоске пирожки раздавать бесплатно. На второй же день на площади останется только этот киоск...

Государственные СМИ в Швейцарии или США представить невозможно. В Болгарии, Чехии государство в 90-х тоже бросило все газеты. А у нас этого не произошло — многие СМИ остались при власти. Боятся: мол, будут раскачивать лодку, на Сороса работать... Но ведь в США тоже есть разные взгляды, а пресса не работает ни на Россию, ни на Китай. У нас же в итоге нет конкурентной среды — как частная газета может конкурировать с той, что финансируется из бюджета?

— *И чего же нам не хватает, на ваш взгляд?*

— К сожалению, в стране нет полноценного гражданского общества, в котором было бы место для дискуссий. Тогда бы пресса занимала достойное место — влияла бы на выборный процесс, кадровые решения, внутреннюю политику. Но при всей свободе прессы патриотические чувства, я считаю, должны доминировать. Конечно, патриотизм заключается не в том, чтобы рвать на себе рубаху, орать про любовь к России — нужно работать лучше, делать страну зажиточнее, чтобы люди не глядели за границу, не искали, куда уехать.

И ещё про свободу прессы. Полистайте подшивку «Коммуны» девяностолетней давности. Тридцать четвёртый год, это даже по одним заголовкам видно, насколько жёсткие оценки событий и людей. Газета выступила — жди решения обкома партии или облисполкома. Первый секретарь Центрально-Чернозёмной области Иосиф Варейкис сам пишет ответ в газету.

Все руки — в краске

— *Действительно, признанным преимуществом советской прессы была действенность. Много было в вашей практике случаев, когда публикации приводили к реальным результатам?*

— Одно время в Воронеже собирались снести домик на проспекте Революции, где родился Иван Бунин. Один архитектор, близкий к председателю горисполкома, составил проект застройки этого места многоэтажным жилым домом. Уже мемориальную доску перенесли на соседнее здание. Я тогда работал в «Молодом коммунаре». Газета выступила в защиту этого исторического домика. Шум поднялся невероятный. Горисполком за защитой своей позиции побежал в обком партии. Меня два дня жучили там. Укоряли в политической недалёковидности — Бунин якобы знамя диссидентов, а ты за него заступаешься. И так далее, и тому подобное.

Вот это действительность: газета выступила — домик уцелел и стоит до сих пор. Не выступила бы — мемориальная доска висела бы на здании, к памяти Бунина не имеющему отношения.

Вообще тогда была такая практика — отвечать на выступления печати. Не обязательно головы летели. Но с работы снимали, из партии исключали, премий лишали, выговора объявляли. В пору горбачёвской борьбы с пьянством если мужик, особенно при должности, попался на этом деле, и его фамилия печаталась в газете, то всё — наутро рядовой.

В 1987 году «Коммуна» получала в среднем за день до ста писем. Большинство были жалобы. Их рассылали, исходя из тематики, в соответствующие инстанции. Ответы печатались. Ежемесячно для обкома партии составлялась справка о характере почты и о том, кто не сообщил о принятых мерах. Спрос с начальников-молчаливников был строгий.

— *Есть журналистские ошибки, которые становятся преданиями. Были случаи, которые стоили много нервов, а сегодня вспоминаются с улыбкой?*

— Однажды в тексте вместо «Брежнев» в «Коммуне» получилось «Б.ежнев» — при печати на металле матрицы скололась буква «р». Не помню, чтобы за это кого-то наказали. Был случай — вместо «первый секретарь обкома ВЛКСМ А. С. Ёжиков» чуть не вышло «А. С. Ёжикова». Когда ошибку заметили, была напечатана уже треть тиража с этой Ёжиковой. А ведь бракованные экземпляры нужно было обязательно надорвать. И вот мы с дежурным по номеру Виктором Одинцовым рвали полгрузовика газет. Управились к утру, потом полдня руки от типографской краски отмывали.

Или такое. К редактору «Коммуны» Владимиру Евтушенку, у которого я был заместителем, довольно предвзято относился председатель облисполкома Алексей Воропаев. В редакцию пришла недельная ТВ-программа, где перед новогодним поздравлением генсека Горбачёва было в предварительном порядке указано выступление этого самого Воропаева. Составление телепрограммы — не компетенция газеты. Так оно и пошло.

Воропаев на Новый год оказался в зарубежной командировке. Вернулся — шум поднял. Евтушенко

был уже пенсионного возраста. Чем разборка у телевизионщиков закончилась, я не в курсе. Но под горячую руку попал. Владимир Яковлевич прикрылся мною от гнева, объявил выговор. Правда, фиктивный.

Юрий Голубь,
Впервые опубликовано в «АиФ-Черноземье», 13.01.21:
https://vrn.aif.ru/society/persona/rubilis_s_cenzuroy_do_polunochi_kak_menyalas_voronezhskaya_zhurnalistika

Леонид Трахтенберг: «Ищите позитив в нашем футболе!»

20 января 74-й день рождения отметил легенда отечественной журналистики Леонид Трахтенберг. В разговоре с корреспондентом «СЭ» первый прес-атташе «Спартак» и сборной России порассуждал о работе современных СМИ и хайпе, вспомнил яркие истории про Марадону, Романцева, Черенкова и Цымбаларя, а также признался, что он сказал Паоло Ваноли при первой встрече.

— В WhatsApp к вашему профилю прикреплен статус: «Короче, вы не Гоголь». Почему выбрали именно эту фразу?

— Наверное, потому что сейчас такое время. До предела сжатое. Если вы не Гоголь и не Лев Николаевич Толстой, который мог одно предложение растянуть на несколько страниц, то вам желательно выражать свою мысль в двух словах, чтобы не отнимать время ни у себя, ни у меня. Видимо, когда я выбирал этот слоган, мой день был расписан по минутам. В общем, это такое ироничное обращение в моем стиле, что ли...

— А вы не жалеете о времени, потраченном на участие в недавней передаче, посвященной тяжбам между Аланой и Павлом Мамаевыми?

— С одной стороны, действительно жаль. Сразу после окончания передачи мне позвонила Марина, моя жена, и сказала, что я вел себя, мягко говоря, не слишком тактично по отношению к ведущему: брал инициативу на себя, что, видимо, не предполагалось по сценарию. Но я считаю, что в данном случае у меня просто не было другого выхода.

— В начале передачи вы сказали, что если бы знали, о чем пойдет речь, то не пришли бы. А вы рассчитывали на какой-то другой разговор в эфире?

— Дело в том, что это было уже пятое предложение поучаствовать в этой программе.

— Четыре раза вы отказывали?

— Видимо, Бог и «Спартак» меня уберегли. Команда в те дни проводила тренировки, и я должен был быть рядом с ней, а не в «Останкино». А с пятого захода все-таки поехал на телевидение, но с одним условием.

— С каким?

— Все просто. Я сам предлагаю тему или темы. Если они подходят, то приезжаю на передачу.

— Какие темы вы предложили?

— Жизнь футболистов напоказ. Есть ли у них необходимость посвящать в свой семейный альбом миллионы людей? Особенно если это касается дорогих

курортов, нарядов, ресторанов, машин. Когда при этом вы не стали чемпионом мира, Европы, не выиграли еврокубок или первенство России. Не стали обладателем «Золотого мяча»... В таком случае вами бы продолжали восхищаться.

— Вторая тема?

— Что журналисты могут сделать сегодня, дабы вернуть болельщиков на стадион?

— Глобальная цель.

— Да. Сейчас проходят сборы. До возобновления сезона остается чуть больше месяца. И тут возникает вопрос. О чем надо писать и как? Это не рекомендация и не назидание, я никого не загоняю в рамки. А просто рассуждаю. У меня были на сей счет свои мысли, и я хотел их изложить. Накануне эфира мне пришло сообщение от ведущего. Он мне написал, что обе темы ему очень понравились. Кроме того, уведомил меня, что мы немного обсудим громкое интервью Зе Луиша о руководстве «Локомотива». Но, работая в «Спартаке», не имею права вторгаться в конфликтную ситуацию другого клуба. Это просто бестактно. Единственное — мог рассказать, как нападающий играл за красно-белых.

— Впечатлял вас?

— По-моему, до сих пор у нас в лиге никто так не играет головой, как он. Зе Луиш настолько высоко выпрыгивал, что его ноги порой находились на уровне головы соперника. Вы можете себе такое представить?

— Стараюсь.

— Это что-то потрясающее, наверное, от природы.

— А вот Курбан Бердыев по умению играть головой выделял Сердара Азмуна.

— Азмун хорош, спору нет. Я работал с Курбаном Бекиевичем в «Ростове». На базе Сердар жил в соседнем номере. Нет ничего удивительного в его высоком прыжке.

— Почему же?

— Его папа играл за сборную Ирана по волейболу, которая в то время считалась одной из сильнейших в мире. Он хотел, чтобы сын пошел по его стопам. Какое-то время Азмун занимался этим видом спорта, там он приобрел навыки. Волейбольная подготовка ему помогла. Однако все-таки считаю, что Зе Луиш выпрыгивает выше.

— Поверим вам.

— Кроме того, хотел рассказать, что трижды видел, как по щекам Зе Луиша катились слезы.

— **Ничего себе.**

— Первый раз это было, когда «Спартак» играл в Томске. Там стоял сумасшедший мороз. Сибирский! У Зе замерзло все, особенно пальцы. Он еще подумал, что его близкие смотрят тот матч и очень сильно за него переживают. В итоге так расстроился, что когда зашел в раздевалку, то по щекам текли слезы. Второй раз увидел его слезы, когда он покидал Тарасовку и расставался со «Спартаком».

— **А в третий?**

— «Спартак» играл в квалификации еврокубков — в гостях с «Брагой». Мы остановились в гостинице в Порту. И Зе Луиш к нам приехал. Когда он нас увидел, тоже не мог сдержать слез. У него был выходной, и он целый день провел со «Спартаком»!

Меня обманули. Это все равно, что тебе пообещали красивую девушку, а привели крашеного молодого человека...

— **Вернемся к эфиру.**

— Мне кажется, если бы я не вступал в перепалку, то все вообще свелось бы к формату шоу «Пусть говорят»... Но это точно не мое! Не мой стиль. Я не люблю копаться в чужом белье. Чистое оно или грязное, но оно чужое! Меня не интересуют чужие деньги. Меня интересует, кто с кем, но только на поле. В рамках матча. Вот и все. А кто там с кем в ночном клубе, в постели, в ресторане с огромным количеством шампанского... Меня это абсолютно не волнует. И на такую программу я бы никогда в жизни не пошел! Даже за большие деньги. По сути, меня обманули.

— **Обманули?**

— Ну... Заявлялись же одни темы, а обсуждали другие вещи. Это все равно, что когда тебя обещают познакомить с красивой девушкой, а приводят крашеного молодого человека... Но у меня традиционная ориентация. Повторюсь, чьи-то трусы меня абсолютно не интересуют. Раньше говорили, что можно все купить, кроме здоровья. Сейчас это выполнимо. Пересаживают сердце, почки, другие органы... То есть тот афоризм нынче неактуален. Но осталась только одна вещь, которая не покупается. Репутация! На протяжении всей своей журналистской карьеры очень дорожил своим именем.

— **Сейчас все ловят хайп.**

— Да пусть ловят его хоть сачком, хоть на удочку. Могут даже сети забросить, чтобы хайпануть. Но только без моего участия, пожалуйста!

— **А вы не считаете, что спорт в чистом виде публике уже неинтересен? Людям нужны шоу, скандалы, интриги, расследования.**

— Нет, это не так. И мы убедились в этом во время домашнего чемпионата мира, когда все трибуны были заполнены. Да, многое зависит от мастерства футболистов. Каждая игра — это как приглашение на следующий матч. И если вы доставили людям удовольствие, то им непременно захочется через несколько дней пойти на стадион снова. И вот тут многое зависит от журналистов.

— **Поясните, пожалуйста.**

— Пишущая братия может отбить у человека интерес к футболу, но в то же время способна заставить его

на крыльях лететь на следующую игру! К сожалению, не все мои коллеги в России это понимают. В отличие от советских времен они без должного уважения относятся к людям, о которых пишут. В первую очередь — к игрокам и тренерам. Не жалеют никаких негативных патронов, стреляя какой-то бесконечной очередью. Я сейчас говорю даже не о травле.

— **А о чем?**

— Читаю отчеты о матчах, и все время чувствуется какое-то раздражение... Этот не добежал, тот не открылся, третий толком не может пробить. И все в негативе! Неужели за 90 минут ничего не произошло хорошего? Почему журналист ничего позитивного не увидел? Дошло то того, что если ты кого-то хвалишь, то уже, как сейчас модно выражаться, не в тренде... Понимаете, написать позитивный материал, подобрать оригинальные эпитеты, найти интересные детали в игре гораздо сложнее, чем все измазать черной краской. Телевизионные комментаторы еще пытаются сделать из матчей праздник, а вот пишущие... Они не могут понять одного.

— **Чего?**

— Если я прочитал в репортаже, как все плохо в нашем футболе, то на следующий матч я не пойду и ваши тексты читать не буду... И ваши сайты умрут, лопнут из-за вашей черноты и серости. Могу вам привести один пример из своей журналистской карьеры.

— **Давайте.**

— Вот вы мне сейчас скажете: теперь играют не так, как в Советском Союзе. Раньше в чемпионате фактически выступало 15 стран. А какие школы были? Спартаковская, торпедовская, киевская, ереванская, тбилисская, бакинская... То есть футбол на любой вкус. И вдруг в один день Союз рухнул, и нам пришлось в срочном порядке собирать в высшую лигу команды из второго дивизиона. Естественно, это сказалось на уровне первых чемпионатов России. Все же было видно невооруженным глазом. Но вот что интересно — эти процессы совпали с появлением «Спорт-Экспресса».

— **Август 1991 года.**

— Верно. Когда чуть позже поняли, что от чемпионата СССР остались только воспоминания и все набросились на чемпионат России — мол, это смотреть невозможно, то сели с Владимиром Михайловичем Кучмием и пришли к выводу: для того чтобы «СЭ» выдержал конкуренцию с «Советским спортом», должны искать в каждом матче какие-то позитивные нотки. Создавать настроение, чтобы людям хотелось пойти на стадион. Одним словом, дали корреспондентам задание, установку: ищите позитив! Кучмий тогда произнес: «Мы будем делать из чемпионата России праздник».

— **Получилось?**

— Считаю, свою лепту в популяризацию российского футбола мы, несомненно, внесли. Вячеслав Иванович Колосков, мудрый человек, благодарил нас за то, что «СЭ» помог вернуть зрителей на старенькие стадионы с плохими полями... Но ведь вернули! Мы с уважением относились к участникам тех чемпионатов. Вот что важно! Это все шло еще с советских времен. Когда, по сути, существовала только одна спортивная

газета, и к нам в редакцию приходили такие глыбы, как Маслов, Лобановский, Бесков... Мы, журналисты, не стеснялись и спорили с ними.

— **И каково было спорить с Лобановским?**

— Я дискутировал с Валерием Васильевичем на тему его выездной модели. Мне не нравился его прагматизм, при котором Киев рассчитывал взять два очка дома и очко на выезде. В целом, это 75 процентов и чемпионское звание. Но я считал, что его команда вполне могла побеждать и в гостях, однако разыгрывала ничейный вариант, чему были безумно рады хозяева поля.

— **Как он вам возражал?**

— У Лобановского был один любимый аргумент. Он задавал мне встречный вопрос: а почему гротескеры могут сделать 11 ходов и согласиться на ничью? Ну, у великих всегда были свои фишки. Например, когда я в силу своей эмоциональности вступал в спор с Анатолием Владимировичем Тарасовым и когда порой в его запаснике не оставалось контрдоводов, от него звучала совершенно убийственная фраза.

— **Какая?**

— «Молодой человек, а что вы вообще сделали для советского хоккея?!»

— **И крыть нечем.**

— (Смеется.) Приходилось поднимать руки вверх. Но вот, кстати, Лобановский меня так и не переубедил. Считаю, его киевское «Динамо» могло добиться большего. А вот «Спартак» всегда и везде играл только на победу. Мы недавно с Олегом Ивановичем Романцевым вспомнили былые времена...

— **Что конкретно?**

— Он меня спросил: «Федорыч, а мы тогда сомневались, что победим ту или иную команду?» — «Нет». — «Все правильно, Федорыч. Ведь нас тогда волновал только счет» (улыбается).

— **В 90-е было так: «Спартак» и все остальные.**

— По большому счету вы правы. К слову, еще Иванович иной раз спрашивал меня перед игрой, не желая при этом никого обидеть: «Ну что, порвем козлов?» А знаете, кто автор этой фразы?

— **Нет.**

— Николай Петрович Старостин. Так резко он выражался крайне редко, потому что его язык был очень интеллигентным. Таких слов, как «козел», в его лексиконе вроде бы не было.

— **Кто же его вывел из себя?**

— Однажды, когда мы играли с «Кельном» и к стадиону подъезжал автобус с командой соперников, на нем была табличка с козлом — эмблемой клуба. Николай Петрович посмотрел на лобовое стекло и воскликнул: «Ну что, ребята, порвем козлов?!»

— **Однако вернемся к нашему времени.**

— Подождите. Еще один пример того, как нас учили освещать футбол и относиться к спортсменам. Однажды написал обозрение в популярнейший журнал «Футбол-Хоккей», в котором в несколько ироничном стиле поведал, как игрок забил мяч в свои ворота. И Лев Иванович Филатов целиком вычеркнул этот абзац.

— **Почему?**

— Он объяснил это так. Игра была в прошлое вос-

кресенье. Человек забил в свои ворота. Может быть, за семь дней боль немного утихла. Он готовится к следующей встрече. А вы сыплете ему соль на рану! Ради чего? «Если вас, Леонид, Бог наградила чувством юмора, у вас еще будет возможность проявить его в более подходящих ситуациях». Иными словами, меня учили сопереживать спортсменам и быть более снисходительным в оценках, чего и желаю нынешнему поколению журналистов.

— **Простым людям порой сложно сопереживать нашим футболистам с их зарплатами и их вызывающими фото в инстаграме.**

— Что касается зарплат, видел, какой ценой — потом и кровью — достаются им деньги. Тем более в одну секунду ты можешь вообще потерять профессию из-за травмы. Кому-то в 25 лет приходится начинать жизнь заново. Что касается отдыха, здесь нужно правильно расставить акценты. Езжайте, отдыхайте, набирайтесь сил, чтобы нас потом радовать яркой, зрелищной игрой. Но, повторюсь, не стоит всю свою жизнь выставлять напоказ. Поверьте моему опыту: вас будут уважать не за возможность отдохнуть в каком-то дорогом ресторане Монте-Карло и не за бронзовый загар на Мальдивах или Багамах. Нет, от этого вы ближе к народу точно не станете. На первом месте должна стоять игра и ваша самоотдача на поле.

— **А вы думаете, зарплаты не заставляют нынешних футболистов смотреть на простых «смертных» сверху вниз? Интересно ли им общественное мнение?**

— Я бы не был столь категоричен. Есть игроки, и их немало, которые преданы футболу. А в «Спартаке» их вообще, считаю, подавляющее большинство.

— **Кого из игроков прошлого вы приводите нынешним футболистам как пример порядочности, скромности?**

— В 1983 году отдыхал вместе со «Спартаком» в Кисловодске. Это было как раз после того, как красно-белые обыграли «Астон Виллу». Федор Черенков на выезде оформил дубль. Если сейчас журналист оказался бы на отдыхе рядом со «Спартаком», то, наверное, написал бы целую книгу (смеется).

— **А вы?**

— Я жил в одном номере с Дасаевым. Старался с игроками о футболе вообще не говорить, понимал, что им надо переключиться. И ни одной строчки о том отдыхе не написал.

Что касается скромности, это как раз Федор Черенков. Между тем своей игрой он создавал людям на трибунах ощущение личного знакомства. Всем казалось, что это парень с нашего двора, с которым ты играл в детстве. Хотя Федор — в «Спартаке», а ты занят другим делом. Поэтому когда человек возвращался из Москвы в Находку, Камышин, Калининград, то рассказывал родным и близким: «Был в столице, Черенкова видел!» Представляете?! Как будто он с ним встречался лично. При этом Федор очень хорошо разбирался в футболе. Мы с ним сделали несколько аналитических материалов — он тонко понимал игру.

— **В российский период был футболист, который напоминал вам Черенкова?**

— Наверное, Цымбаларь, про которого Леонидас как-то сказал: «Он не русский, он — бразилец». Еще Саша Мостовой. Очень талантливым был Игорь Добровольский. Но, увы, не смог себя до конца реализовать.

— **Что сразу вспоминается, кроме футбола, когда речь заходит о Цымбаларе?**

— Знаете, меня поражало, как он танцевал! Наверное, не все профессионалы так могли. Это было нечто фантастическое. Помню, мы провожали Володю Бесчастных в Германию, в «Вердер», и Илья устроил тогда настоящий концерт — глаз не оторвать (смеется). И еще — поразительно, что улыбка никогда не сходила с его лица. Что в жизни, что на поле. Он обводил и смеялся. Причем не зло хохотал, а просто получал удовольствие оттого, что кого-то перехитрил. Думаю, сложно будет найти снимок, где у Ильи озабоченное лицо, как будто он поднимает мешок с картошкой. Получал удовольствие от футбола и жизни.

Помню, он долго болел, вернулся в строй и провел всего пару тренировок. А это был 95-й год. «Спартак» неровно шел по дистанции. Нам предстоял непростой матч с «Жемчужиной». Романцев спросил Цымбаларя перед встречей: «Илюш, отыграешь один тайм, а потом отдохнешь?» Но тот так классно провел первые 45 минут, что Олег Иванович вновь к нему обратился: «А второй тайм сможешь?» — «Смогу». И провел его на таком же уровне.

— **Он так стремительно набирал форму?**

— Да, всего за несколько тренировок. Ему не требовалось много времени на обводку одного-двух игроков. Мне кажется, ему вообще легче было бежать с мячом, чем без мяча (смеется). Цымбаларь был чрезвычайно популярным персонажем большого футбола. Но заводить этому не стоит.

— **Почему?**

— В 1998 году Валерий Карпин познакомил меня в Валенсии с Хорхе Вальдано. Прекрасный рассказчик. Но прежде всего это чемпион мира-86 в составе сборной Аргентины. И он мне тогда признался: «Весь мир завидует Марадоне, а тот, наоборот, хочет прожить хоть один день как обычный человек. Просто за пределами дома журналисты и болельщики ему прохода не давали!»

А рассуждая о причинах победы на чемпионате мира, Вальдано сказал: «У нас в команде было 22 нормальных игрока и один ненормальный. Он нам и выиграл титул — нормальный человек так в футбол играть не может».

Гол в ворота Англии — на века. Марадона подхватил мяч на своей половине поля, отобрав его фактически у своего полузащитника Энрике, миновал полкоманды и вогнал мяч в дальний угол ворот. Потрясающе! Но вы не знаете, что было в аргентинской раздевалке после финального свистка.

— **Расскажите.**

— Вальдано сказал Марадоне: «Диего, я тоже вошел в историю, так как, во-первых, бежал параллельным курсом и отвлекал остальных игроков сборной Англии, пока ты там всех обводил. А во-вторых, первым достал мяч из сетки после твоего удара».

— **Забавно.**

— Но это еще не все. Тут же из душа раздался голос Энрике: «Да ладно тебе, Хорхе, в какую историю ты там вошел... Вот я уже там навсегда. Ведь именно я отдал Марадоне такой пас, после которого невозможно было не забить». (Смеется.)

Спустя несколько лет судьба свела меня с самим Марадоной, и он действительно подтвердил: после реплики Энрике все с диким хохотом повалились на пол.

— **Вы же были знакомы с нашей легендой Эдуардом Стрельцовым?**

— Конечно. Поговаривали, кстати, что в детстве Эдуард Анатольевич побаливал за «Спартак». Слышал эту версию от многих людей. Но судьба сложилась по-другому. Он оказался в «Торпедо». Очень симпатичный человек, скромный, немногословный... Вот Павлюченко называли «спящим гигантом». А про Стрельцова можно сказать — «дремлющий гигантище» (смеется).

Виктор Маслов, великий тренер, когда работал с киевским «Динамо», как-то закончил свою установку на матч с «Торпедо» такими словами: «Только не злите Эдика! Иначе все, что я вам сейчас говорил в течение получаса, можно забыть». И смахнул фишки с макета.

— **А были случаи, когда соперники «разбудили» Стрельцова на поле?**

— Были. Например, игра в Ереване. Стрельцов вышел на поле таким... Ну, ни рыба ни мясо. «Арат» еще в первом тайме забил три мяча — 3:0. Видимо, защитника хозяев Фурмана Абрамяна захлестнули эмоции, и он как бы невзначай после выигранного единоборства у Стрельцова прошептал: «Эдик, ну как там на нарах-то лежалось»? Стрельцов встрепенулся: «Что-что?!» И после этого выдал такой отрезок игры, что к финальному свистку на табло горел счет — 4:3 в пользу автозаводцев. Стрельцов — гениальный футболист. После тюрьмы дважды признавался лучшим игроком страны. Смог перестроиться. Сначала играл за счет своей молодости, а потом уже благодаря мудрости.

— **Сильнейший футболист в истории нашего футбола?**

— Сложно сказать. Для своего времени и Федор Черенков был гением. Но меня коробит другое. Мы сейчас не пишем о величии наших спортсменов, а, наоборот, ищем черные пятна в их биографиях...

— **И Стрельцова в том числе.**

— Ну да. Недавно прочитал на одном сайте про ту историю, в которую он, к сожалению, попал... Журналист как будто со свечкой стоял. Якобы когда Эдуард совершил то действие, которого на самом деле никто не видел, то повернулся на левый бок и захрапел. Как будто автор там присутствовал. Опять же — все ради хайпа, лайка, ретвита... Чистой воды выдумка!

Не лучше ли писать о том, как люди преодолевают трудности, возвращаются в игру, на которую хочется посмотреть с трибуны стадиона? Недавно позвонил Романцеву и спросил: «Иваныч, первый матч у нас в феврале и сразу с ЦСКА. Мороз не смущает?» Он: «Ты что, забыл, откуда я родом? Все, 26-го идем на стадион». И я подумал: еще «Спартак» не выиграл, а мне уже повезло. Смотреть футбол с Романцевым — одно удовольствие.

— **Чем он вас поразил в последний раз?**

— «Спартак» вел в счете 1:0. И тут за 15 минут до финального свистка Романцев собрался уходить. Я удивился: «Иваныч, вы куда? Еще ведь не выиграли. И команда нам противостоит хорошая».

«Команда, может быть, и хорошая. Но не футбольная», — остроумно парировал Романцев.

Знаете, общение с такими великими тренерами, как Маслов, Симонян, Бесков, Лобановский, Романцев, Кройф, Трапаттони, позволило мне по-другому взглянуть на футбол. Большое влияние на меня оказал Николай Петрович Старостин. До сих пор трудно представить «Спартак» без него. Он никогда не лез в тактику, не определял состав, хотя у него были свои любимчики. Например, Папаев. Старостин — уникальный человек. Судите сами, Симонян собирается завершать карьеру, а Николай Петрович предлагает ему работу главным тренером. Симонян недоумевает: «Как я буду руководить футболистами, с которыми еще вчера выходил на поле?» Старостин произнес лишь одну фразу: «Никита, поможем». Все. И в 1962 году красно-белые взяли золото.

— **Как сейчас строятся ваши взаимоотношения с игроками «Спартака»?**

— Примерно так же, как с моими детьми. Ведь всегда, если что-то не так, стараешься им помочь. Аккуратно подбираешь нужные слова. Ибо игроки — очень ранимые люди. К примеру, Соболев однажды спросил у меня: «Федорыч, чувствую, что играю не так, как мог бы».

— **И что вы ответили?**

— «А ты играй за «Спартак», как в «Крыльях», — столь же раскованно и напористо». Потом он сам в нескольких интервью неожиданно для меня вспомнил наш разговор и признался, что ему это помогло.

— **А можно еще пример?**

— Раз просите, приведу. Когда у Саши Селихова были непростые времена (травмы, операции), часто из Тарасовки до Москвы добирался именно с ним, чтобы по дороге поговорить о жизни, о футболе и о том, чем стоит пожертвовать талантливому игроку ради достижения высокой цели. Ну, во-первых, никогда нельзя опускать руки. Приводил ему примеры игроков, которые оказывались в еще более сложных ситуациях

и за счет характера, силы духа постепенно возвращались наверх. Да, непросто отказаться от всех соблазнов в таком городе, как Москва. Но если хочешь добиться чего-то серьезного, альтернативы нет — надо делать выбор исключительно в пользу футбола.

Для меня было важно сохранить чувство меры, чтобы не переборщить с советами и рекомендациями умудренного опытом человека.

Помню, Саша в критический момент даже допускал мысль, что готов уйти в аренду — только бы играть. «Да подожди ты, не думай пока об этом, — говорил я ему. — Ты же спартаковец! И не имеешь права сдаваться!»

Надеюсь, эти поездки какую-то позитивную роль в нынешней Сашиной судьбе все-таки сыграли. Во всяком случае, мне бы так хотелось думать. При этом я очень хорошо отношусь и к Максименко, и точно так же стараюсь его поддерживать.

— **Что сейчас для вас «Спартак»?**

— Сегодня футбол и «Спартак» — моя жизнь. Впрочем, почему только сегодня?! Уже давным-давно... Как, к примеру, у одной из моих любимых актрис — Марины Нееловой — театр. К слову, на днях на юбилейном вечере Марина заметила: «Оценивая творческих людей, надо смотреть не на дату выпуска, а на срок пригодности». Так вот мне бы хотелось еще долго быть пригодным «Спартаку».

— **Была ли у вас возможность что-либо посоветовать Паоло Ваноли?**

— Советовать главному тренеру я не вправе. Хотя мы виделись с ним в декабре после подписания контракта.

— **Удалось перекинуться парой слов?**

— Да. Для меня было очень важно процитировать ему высказывание министра культуры Франции и замечательного писателя Андре Мальро: «Россия находится не в Европе и не в Азии. Россия находится в России». Надеюсь, Ваноли, начинающий свою работу в самой популярной команде нашей страны, понял глубину значения этих слов...

Впервые опубликовано: <https://fratria.ru/novosti/novosti-komandyi/traxtenberg-da-pust-lovyat-svoj-xajp-no-tolko-bez-menya-ishhite-pozitiv-v-nashem-futbole>

Не читающие родители и воспитанное ими поколение «И ЧЁ?»

Этот текст, опубликованный в Сети, вызвал жаркую дискуссию. Мы решили опубликовать наиболее характерные мнения.

Мои личные наблюдения из практики: чем меньше в детстве родители читали книжек своим детям, тем проблемнее у них вырастают подростки. И тут дело не только в нравственном содержании книг (хотя это тоже влияет на подрастающее поколение не в последнюю очередь). Немаловажно здесь то количество времени и внимания, которое родители уделяют своему отпрыску. Хотя бы в процессе чтения. Но для того, чтобы тебе пришлось в голову взять книжку в руки и присесть около отходящего ко сну малыша, необходимо и самому получать удовольствие от книг. А сегодняшние родители такого интереса к литературе чаще всего не имеют. А жаль. Ведь результат налицо: растут в школе «нищие духом» детишки, фразы которых начинаются с «А ЧЁ...?»

Общаешься с трудным подростком и слышишь в ответ: «А чё они от меня требуют, чтобы я читал, если сами в руках книгу с моего рождения не держали?». Или «Чё они запрещают мне сидеть в соцсетях, если папа сам только и делает, что стреляет в компьютере по танкам или читает новости в смартфоне?»

Такие дети просто катастрофически нуждаются в помощи психологов и педагогов. И первое, что необходимо внушить их родителям — начать читать никогда не поздно.

Почему же так важно, чтобы ребенок читал?

У нас, взрослых, уже сформирована определенная база ценностей, на которые мы опираемся в жизни. Если говорить примитивно, некнижный ребенок не усвоил главную мысль произведения Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?». Для того, чтобы помочь трудному ребенку, взрослый (психолог или педагог), должны понять его систему ценностей. Найти, «где у него кнопка». Отыскать его личную «кнопку ценностей»: что для него успех, а что полный провал, кто для него лидер, а кто лузер, кого можно считать добрым человеком, а кто, по его мнению, черств душой. Вы не поверите, но очень часто у таких проблемных детей все понятия и ценности искажены до неузнаваемости, но главное, чтобы они вообще были. Тогда взрослый сможет:

- апеллировать к этим ценностям в работе с подростком;
- попытаться оспорить их в процессе общения, переубедить ребенка в их неверности;
- постараться привить ему новые ценности, если системных и упорядоченных убеждений и ценностей в его голове нет.

Специалисту, который понимает, что у ребенка нет понимания «что такое хорошо и что такое плохо», придется сначала «установить» эти понятия, потратив на это дополнительное время, а уж потом начинать воздействовать на его душу. Представьте, что вы решили посмотреть на компьютере киношку. Но оказалось, что необходимой программы, которая позволит вам это сделать, на жестком диске не установлено. Поэтому вам придется сначала перешерстить сеть, чтобы скачать необходимые программы и установить их. Хорошо, если все легко и просто получится, но ведь может быть так, что «программа окажется платной» или «не хватит памяти компьютера». Тогда беда! Так вот, именно чтение и последующее обсуждение прочитанного в состоянии привить ребенку эти самые ценности.

Почему не компьютер или кино?

Сегодня с компьютерами наши детишки общаются куда чаще, чем с живыми взрослыми людьми своего окружения. И тут есть «подводные камни»: компьютер и современный кинематограф показывают ребенку лишь поверхностную сторону жизни. Они не раскрывают мировоззрений главных героев, этапов становления личности. Они выпячивают на передний план главного героя и показывают мир, который крутится вокруг него по эгоистичному сценарию: «Вот это Я, а вот это Они. Те, от которых мне просто необходимо добиться желаемого». В книгах философия иная. Она закладывает в голову юного читателя следующий сценарий: «Я и Они объединяемся для того, чтобы получить то, к чему стремимся. Для этого нужно уметь взаимодействовать, ставить цели и нести ответственность».

Правильный сценарий мышления и поведения может привить только чтение художественной классической литературы.

Ведь в процессе чтения ребенок:

- Имеет возможность познакомиться с опытом тысяч других людей, при этом он четко понимает те механизмы мышления, которые происходят в их головах, и принимает те последствия, которые были продиктованы их поступками и стремлениями;
- лично увидеть множество разных сценариев поведения, различных наборов жизненных ценностей и к чему они в итоге могут привести;
- сможет «прожить», а значит, заранее подготовиться к тем взрослым ситуациям, которые поджидают его в будущем. В современных фильмах или в компьютерных играх главные герои чаще всего богаты, успешны и легко добиваются своих целей. Это имеет мало общего с той жизнью, которая ожидает наших детей, а значит, их опыт подростку вряд ли будет полезен. Подражая этим «героям», ребенок только лишь

погрязнет в конфликтах со взрослыми, а вот реального опыта жизни врача, сварщика или инженера он вряд ли получит;

· разовьет чувство ответственности за свое личное поведение и собственную жизнь. В играх на компьютере всегда можно начать все сначала, в реальной жизни, к сожалению, такой функции нет. В классической литературе этого нет: сюжет идет логично и последовательно и позволяет понять причины и следствие.

Информация из книжек формирует правильные эмоции в детской душе и модели приемлемого поведения, а игры оставляют после себя лишь набор ярких и несистематизированных образов и картинок.

У читающих детей в голове заложены «нужные файлы», то, что ведет к пониманию добра и зла, хорошего и плохого. Именно они будут «разархивироваться» и применяться во взрослой жизни, когда возникнет необходимость принимать решения во время серьезных жизненных ситуаций.

А вы читаете вместе со своими детьми?

Впервые опубликовано:

<https://zen.yandex.ru/media/id/5cd69cdea682f400afb9e82e/ne-chitaiuscie-roditeli-i-vospitannoe-imi-pokolenie-i-che-60a2c1d0179a3c54bf1c5491>

Индивидуальная образовательная траектория

Тема «Индивидуальная образовательная траектория» становится все более актуальной — по крайней мере, вузы предупреждены, что уже следует готовиться к переходу на гибкую систему обучения по модели «2+2+2». Представленное ниже — это не демонстрация успешного опыта внедрения ИОТ, а лишь попытка разобраться в данной инновации, желание рассмотреть ее плюсы и минусы, возможности и угрозы, связанные с нею, а также те элементы вариативного обучения, которые вводились более тридцати лет назад и до сих пор используются на таких творческих факультетах, как журфаки.

Индивидуальная образовательная траектория (ИОТ), или *вариативное обучение*, или *индивидуальный образовательный маршрут*, — это персональный путь реализации личностного потенциала каждого обучающегося в образовании (в вузе — гибкая система обучения по модели «2+2+2»). Отличается от **персонализированного обучения** (ПО) тем, что при ИОТ в формировании образовательной траектории участвуют также педагоги, а при ПО траекторию своего обучения определяет сам учащийся.

На первом этапе ИОТ, а это два первых курса бакалавриата, обучение происходит в полигруппах¹ (единая базовая подготовка для всех студентов по гуманитарным, социально-экономическим дисциплинам и дисциплинам, связанным с цифровой грамотностью). *Предпрофильная подготовка* дает возможность предварительного знакомства с направленностями (образовательными программами) при изучении дисциплины «Введение в профессиональную деятельность». Есть также возможность выбора образовательной программы после третьего семестра обучения по результатам рейтинга, упрощенная смена направлений подготовки в рамках одной Полигруппы (*отложенный выбор*). Используются онлайн-курсы от ведущих российских и зарубежных вузов (*виртуальная мобильность*).

На первом этапе формируются универсальные компетенции путем освоения обязательных дисциплин (история, философия, экономика, базовый иностранный язык, цифровая грамотность, физическая культура, безопасность жизнедеятельности). Это называется «ядром» (CORE1), общий объем которого — 28 зачетных единиц.

CORE2 — это ядро Полигруппы — базовая часть ООП, обязательная для освоения студентами в рамках одной Полигруппы и направленная на развитие аналитического мышления, на формирование универсальных

и общепрофессиональных компетенций. Общий объем зачетных единиц (в зависимости от Полигруппы) варьируется от 10 до 48; период освоения — 1, 2 курсы бакалавриата (специалитета). Формируются два обязательных модуля, единых по объему и содержанию в рамках одной Полигруппы (например, филологический и социально-гуманитарный).

Модуль УГСН (Major 1) — это базовая часть основной образовательной программы бакалавриата (специалитета), обязательная для освоения всеми студентами в зависимости от выбранной укрупненной группы направления подготовки (специальности), направленная на формирование общепрофессиональных компетенций.

Модуль направления (Major 2) — это базовая часть основной образовательной программы бакалавриата (специалитета) или магистратуры, обязательная для освоения всеми студентами в зависимости от выбранного направления подготовки (специальности), направленная на формирование общепрофессиональных и обязательных профессиональных компетенций.

Основные характеристики этих модулей таковы: общий объем — 10–18 зачетных единиц — модуль УГСН; 15–30 зачетных единиц — модуль направления по программе бакалавриата (специалитета) и 10–20 зачетных единиц по программе магистратуры; период освоения — 1, 2 курсы бакалавриата (специалитета) и 1 курс магистратуры.

На втором этапе (3–4 курсы бакалавриата) происходит переход на обучение по образовательной программе (направленности).

Это:

— обучение по профилю подготовки: осознанный выбор направленности (профиля) программы, изучение профильных (специализированных) дисциплин;

— дополнительная мини-специализация (получение дополнительных компетенций из неосновных предметных областей путем выбора треков в рамках Модуля мобильности);

— получение рабочей профессии (SkillsPassport): возможность подготовки к сдаче квалификационного экзамена по рабочей профессии по результатам освоения программ ДПО;

— участие в проектной деятельности (выбор проектов и тем выпускной квалификационной работы (ВКР) по заказу индустриального партнера с возможностью дальнейшей стажировки на базе партнера).

Остается возможностью смен направления подготовки бакалавриата.

Что касается индивидуального учебного плана (ИУП), то он формируется студентом самостоятельно в личном кабинете на основе утвержденного учебного

¹ Полигруппа — это совокупность направлений подготовки/специальностей, сгруппированная по уровню гуманитарной подготовки.

плана образовательной программы (трудоемкость освоения должна составлять не менее 60 зачетных единиц за один учебный год)².

В разрезе освещаемой темы хотелось бы поделиться опытом факультета журналистики Воронежского госуниверситета, на котором реализуются четыре направления и одна специальность высшего образования.

Назовем профессиональные дисциплины, читаемые для четырех направлений и одной специальности:

— основы журналистики, основы рекламы, основы связей с общественностью, технологии медиатворчества, медиаэкономика, речевая культура устной и письменной коммуникации, современный русский язык, редактирование медиатекста, техника и технология СМК, управление медиапроектами, история искусства (*журналистика, медиакоммуникации, реклама и связи с общественностью, телевидение, военная журналистика*);

— история отечественной литературы, история зарубежной литературы, социология журналистики, психология журналистики (*журналистика, телевидение, военная журналистика*);

история отечественной и зарубежной литературы, социология массовой коммуникации, психология массовой коммуникации (*реклама и связи с общественностью, медиакоммуникации*) и т. д.

Приведем и примеры курсов по выбору, реализуемых на разных направлениях одного курса, которые могут быть предложены студентам всех направлений, реализуемых на факультете журналистики ВГУ:

Медиакоммуникации:

Презентация медиапроектов. Визуализация медиапроекта. Нейминг в массовой коммуникации. Брендинг. Создание интернет-СМИ. Веб-дизайн.

Телевидение:

Интерактивная журналистика. Режиссура документального и научно-популярного кино. Видеоблоггинг. Корпоративный видеопроduct. Документальная телепередача. Основы работы телерепортера.

Журналистика:

Экспертная журналистика. Особенности региональных СМИ. Межэтническая журналистика. Религиозная журналистика. Эмигрантская печать. Поэтика публицистического текста.

Реклама и связи с общественностью:

Игровые технологии в рекламе и связях с общественностью. Лоббизм. Реклама в туризме. Политическая реклама. Принципы ведения переговоров. Корпоративная культура.

Проведя SWOT-анализ, мы пришли к таким выводам:

Сильные стороны

— Осознанный выбор студентом интересного именно ему пути.

— Большая вовлеченность и большие усилия самого учащегося.

— Гибкость (индивидуальный график обучения)

— Адаптивность (адаптация учебного процесса к особенностям развития личности обучающегося).

— Обогащение учебного материала в сторону его углубления и увеличение объема (расширение границы именно тех областей знаний, которые для студента особенно важны).

— Увеличение темпа и повышение интенсивности обучения.

— Большая конкурентноспособность на рынке труда.

Слабые стороны

— Инфантилизм современных старшеклассников и студентов начальных курсов (сниженный интерес к обучению и саморазвитию, отсутствие привычки к интеллектуальной заботе о себе, неумение критически оценивать варианты и управлять своим образованием, нежелание принимать решения и нести за них ответственность).

— Сложность организации учебного процесса для тысяч индивидуальных студентов (десятки разных индивидуальных расписаний).

— Замена общего учебника по каждой дисциплине набором учебного материала в разных форматах.

— Сложность процесса перехода от «штучной» подготовки к массовым ИОТ с тьюторами (смена кадровой политики).

— Сложность создания мультидисциплинарной обучающей среды в вузе (огромные вложения в цифровые технологии).

Возможности

— Максимальная реализация личности

— Поступление не на конкретную образовательную программу, а на укрупненную группу специальностей или направлений подготовки.

— Выбор между двумя схожими узкими специализациями не сразу, а спустя два года учёбы.

Угрозы

— Необходимость кардинального изменения нормативной базы.

— Допустимое количество зачетных единиц в семестре при переводе с одной ООП на другую.

— Минимальное количество студентов в курсах по выбору (сегодня у нас минимум — 15 человек; в 1980-х годах группа открывалась при наличии 5 человек; при потоке 200 человек можно рассчитывать на выбор из 13–14 курсов).

— Нежелание и неготовность преподавателей участвовать в очередной перестройке образования в силу: неверия в успех нового подхода; усталости от перманентных реформ; привычки к более-менее стандартным схемам.

— Снижение ответственности университета.

— Сложности перевода студента с одной специальности на другую, из одного вуза в другой.

Елена Бебчук,
Владимир Тулунов,
Воронеж

² Ответы на вопросы типа «Что делать, если выбрал не ту ООП и хочешь перейти на другую ООП?», «Какие есть механизмы для корректировки выбранного маршрута?» и т. п. можно найти по ссылке: <https://iotedu.spbstu.ru>

Юлия Соколова Проблемы миграции в Латвии с точки зрения СМИ

Аннотация: в статье анализируется круг актуальных миграционных проблем, освещаемых латвийскими СМИ. В исследовании рассматривается отношение наиболее крупных ежедневных общественно-политических газет Латвии к проблемам миграции. В работе показаны сходства и различия, присутствующие в контенте анализируемых СМИ.

Ключевые слова: Латвия, влияние СМИ, миграция, отношение к иммигрантам.

Актуальность проблемы. Особую актуальность изучению этой проблематики придают несколько факторов, а именно — миграционный кризис на белорусско-латвийской границе; запрос в исследовательском сообществе на исследования в сфере генезиса концепта «латышского национализма»; необходимость изучения факторов, обусловивших наступление депопуляции в Латвии.

Целью исследования является определение места миграционной проблематики в риторике латвийских СМИ.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1 сентября 2021 года по 10 декабря 2021 года.

Географические рамки исследования ограничены территорией Латвии, Литвы, Польши, Германии и Белоруссии.

«Neatkarīgā Rīta Avīze» (рус. «Независимая утренняя газета») — ежедневная общественно-политическая газета. В 2020 году она перестала быть подписной и перешла в цифровой формат, сейчас более известна как сетевое издание.

Газета была основана в марте 1904 года с названием «Сīņa» (рус. «Борьба»), долгое время оставалась важным информационным источником Прибалтийской Социал-демократической Рабочей Партии. До 1917 года газета издавалась неофициально в Риге, Брюсселе и Петрограде с нерегулярными выпусками. С 1919 года «Сīņa» становится основным печатным органом Коммунистической партии Латвии. Во время нахождения Латвии в составе СССР «Сīņa» была органом ЦК КП Латвии, Верховного Совета и Совета Министров Латвийской ССР. В 1954 году газета была

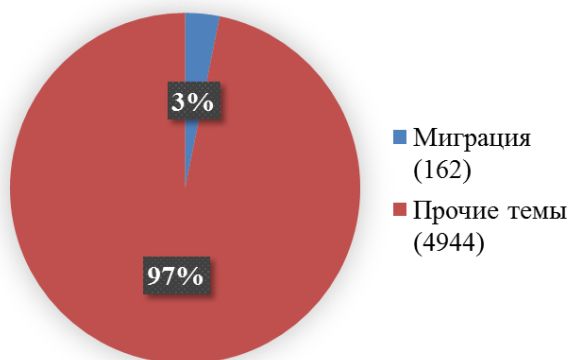
Об авторе: Соколова Юлия Дмитриевна, бакалавр факультета международных отношений Воронежского госуниверситета.

награждена орденом Трудового Красного Знамени СССР. В 1990-х, когда сама партия и газета «Сīņa» в своем прежнем виде были запрещены решением Верховного Совета, коллектив авторов продолжил издавать газету уже под другим названием «Neatkarīgā Sīņa» (рус. «Независимая борьба») и позже переименовал ее в «Neatkarīgā Rīta Avīze» (рус. «Независимая утренняя газета»). Сегодня это одна из крупнейших национальных латышских газет, а также городской вестник Риги.

Офис редакции расположен в столице Латвии. Владельцем издания является общество с ограниченной ответственностью «Media Nams Vesti» (рус. «Медиа Дом»), генеральным директором которого является Наурис Капостиньш. Он имеет родственные связи с семьей политика Айварса Лембергса, которая считается самой богатой семьей в Латвии на настоящий момент.

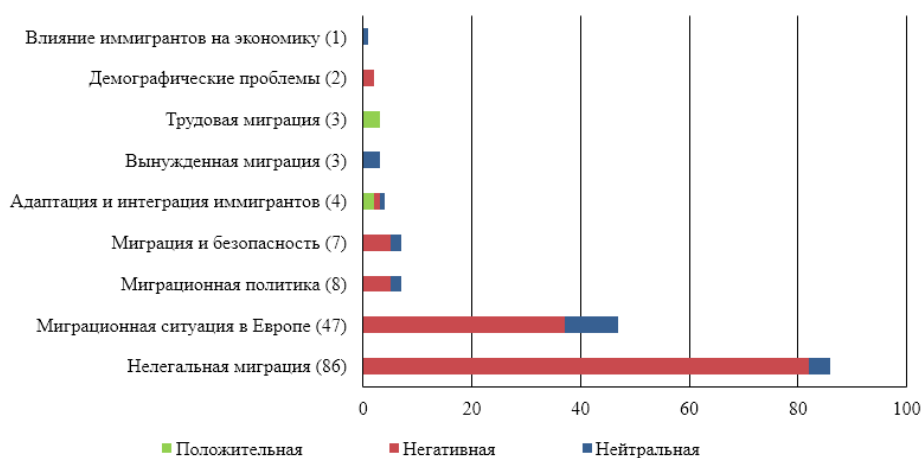
Диаграмма 1.

Общее число статей в газете «Neatkarīgā Rīta Avīze»

За рассматриваемый период в газете «Neatkarīgā Rīta Avīze», было опубликовано 162 статьи по миграционной проблематике, всего за этот же период на официальном сайте издания было размещено более 5000 материалов, примерно от 20 до 50 новостей в день. Таким образом, доля публикаций на тему миграции в общем объеме материалов составляет 3%, что в 2 раза больше, чем в газете «Diena».

Диаграмма 2. Тематические блоки в газете «Neatkarīgā Rīta Avīze»

В отношении «Neatkarīgā Rīta Avīze» можно сказать, что наибольшее количество статей, а именно 86, было написано на тему нелегальной миграции, что неудивительно, учитывая ситуацию на границе с Белоруссией. Как правило, статьи такого рода имеют либо нейтральную, либо негативную коннотацию. В основном речь в них идет о нелегальном пересечении латвийской границы беженцами из Ирака и Афганистана [1], возведении ограждения для сдерживания потока мигрантов [2], а также консолидации латвийских военных на границе. Негативный окрас носят статьи, в которых говорится об агрессии со стороны нелегальных мигрантов в отношении латвийских пограничников [3] и потенциальной связи нелегальных мигрантов с террористическими группировками [4].

Второй крупный тематический блок статей посвящен миграционной ситуации в Европе в целом, и в частности в тех государствах, которые граничат с Латвией. В негативном ключе сообщается о текущем миграционном кризисе на балтийско-польской границе [5], который возник по причине отправки мигрантов с востока через Минск к внешней границе Евросоюза, то есть миграционные потоки и сами иммигранты оцениваются как угроза.

В третьем и четвертом по численности блокам затрагиваются темы миграционной политики латвийского правительства и проблемы безопасности [6], связанные с активизировавшимися миграционными потоками. Большая часть статей из этой тематики имеют нейтральную коннотацию, в них говорится о введении новых законов в отношении иммигрантов и призывах ООН и институтов ЕС [7] к корректировке политики Латвии в отношении беженцев [8]. В негативном ключе освещается миграционная политика, поскольку все чаще власти Латвии предоставляют убежище беженцам, которых могут депортировать, и налогоплательщики будут вынуждены платить за их возвращение на Родину.

В пятом блоке 4 статьи посвящены проблемам адаптации и интеграции иммигрантов. При этом большинство статей в этом блоке имеют позитивную коннотацию. В них говорится об успешном прохождении

иммигрантами процедуры натурализации и получения латвийского гражданства, а также о государственных благотворительных программах и кампаниях Фонда интеграции общества, направленных на адаптацию молодого мусульманского населения в новой культурно-религиозной среде.

В шестом блоке о вынужденной миграции за рассмотренный период было написано 3 статьи, все они имеют нейтральный характер, в них авторы даже сочувствуют вынужденным переселенцам. В новостях освещаются темы предоставления убежища беженцам из Афганистана, вынужденным переселенцам из Южной и Восточной Европы, а также белорусским мигрантам, столкнувшимся на Родине с политическими репрессиями и получившим статус беженцев в Латвии.

Седьмой блок освещает тему трудовой миграции, данный вопрос был рассмотрен в 3 статьях, все они имеют позитивную коннотацию. Например, одна из них посвящена поправкам к закону об иммиграции, которые подготовило МВД Латвии, а именно введению так называемых кочевых виз, которые позволят привлекать таланты из-за рубежа для работы в Латвии. В этой статье Мария Голубева, министр внутренних дел Латвии, достаточно благосклонно отзывалась об иммигрантах, поскольку в странах с более открытой иммиграционной политикой в среднем больше валовой внутренней продукт, ниже уровень безработицы и более квалифицированные работники.

Восьмой блок охватывает демографические проблемы Латвии, он включает в себя 2 статьи, которые имеют негативную коннотацию, в них говорится о том, что открытие границ и прием мигрантов — неэффективный метод улучшения демографической ситуации в государстве и данный механизм не способен остановить депопуляцию населения. По мнению авторов, демографические показатели можно улучшить только за счет повышения уровня жизни внутри страны.

Девятый блок состоит из одной статьи, которая посвящена влиянию мигрантов на экономику Латвии. С одной стороны, выдача разрешений на временное проживание способствует инвестированию денежных средств в национальную экономику Латвии, так, к концу

2020 года было выдано около 19 000 разрешений, что принесло стране около полутора миллиардов евро, что является положительным аспектом подобной политики. С другой стороны, данные механизмы зачастую используются русскоязычными мигрантами, что вызывает негативную реакцию у латышей. Власти считают, что это противоречит законодательству, которое предусматривает объединение общества на основе латышского языка, и русскоязычные иммигранты рассматриваются как угроза для национальной идентичности.

Таким образом, наиболее актуальными проблемами, освещаемыми в газете «Neatkarīgā Rīta Avīze», являются нелегальная миграция, миграционная ситуация в Европе и странах — соседях Латвии, а также миграционная политика и безопасность. Большинство статей из этих тематических блоков при этом имеют негативную коннотацию.

«Diena» (рус. «День») — еженедельная газета, одна из самых крупных газет по количеству подписчиков в Латвии. Первый номер вышел 23 ноября 1990 года.

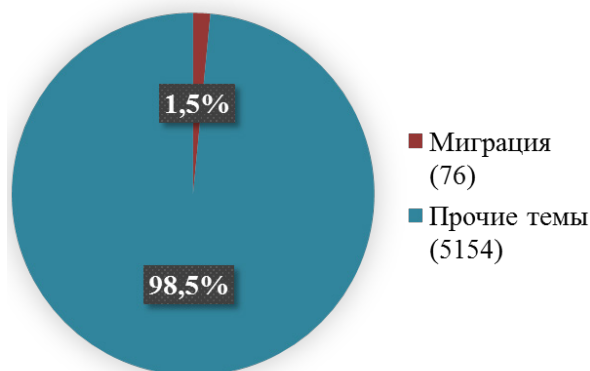
Газета была создана по решению Верховного Совета Латвийской ССР, в котором большинство получили представители Народного фронта Латвии (НФЛ), и Советом министров Латвийской ССР в 1990 году в противовес официальным советским изданиям.

Первый редактор газеты — Виктор Даугмалис (Калныньш). С 1992 по 2008 год главным редактором была Сармите Элерте.

В ноябре 2015 года единственным владельцем «Diena» стал Эдгарс Котс, с 2013 года исполнявший обязанности председателя правления акционерно-

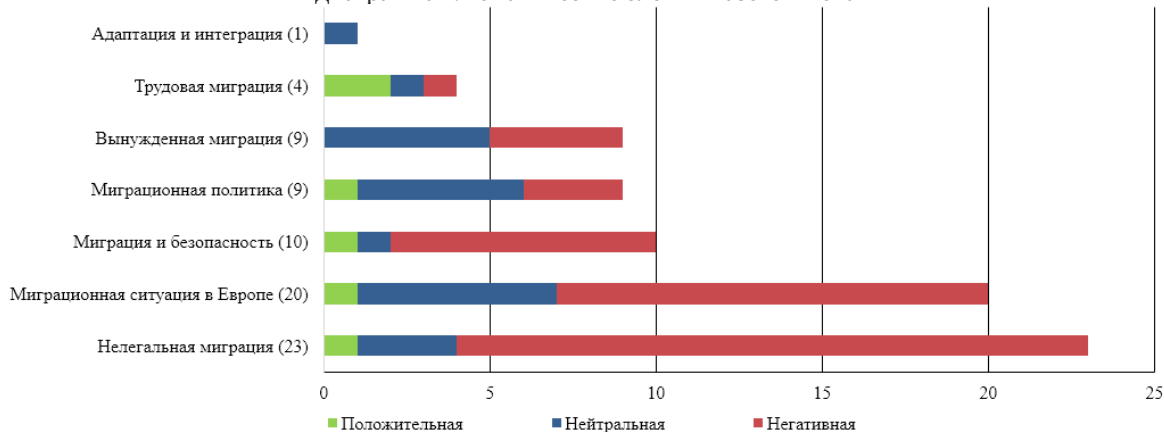
го общества «Diena», а до этого бывший гендиректор Латвийского телевидения и руководитель рекламного агентства «Labvakar».

Диаграмма 3. Общее число статей в газете «Diena»

В газете «Diena» за рассматриваемый период было опубликовано 76 статей по миграционной проблематике, всего за этот же период на официальном сайте издания было размещено 5154 материала, примерно от 30 до 40 новостей в день. Таким образом, доля публикаций на тему миграции в общем объеме материалов составляет 1,5%.

Диаграмма 4. Тематические блоки в газете «Diena»

В газете «Diena» наибольшее количество статей было посвящено теме нелегальной миграции. Тенденция к увеличению числа материалов, посвященных незаконному пересечению белорусско-латвийской границы, связана с растущей обеспокоенностью общества касательно угрозы суверенитету. Неудивительно, что такие статьи имеют негативную коннотацию. Однако латвийские журналисты говорят не только об актах агрессии со стороны нелегальных мигрантов из Ирака и Афганистана и их незаконных попытках пересечения границы, но и об успешной работе латышских пограничников по усилению надзора за территориями, граничащими с Белоруссией, что в целом делает общую

коннотацию статей более нейтральной.

Второй крупный тематический блок статей посвящен миграционной ситуации в Европе, где особое внимание уделяется государствам, соседствующим с Латвией. Озабоченность у граждан Латвии вызывает миграционная активность на границе Польши и Белоруссии [9]. Латыши полагают, что балтийские государства могут быть использованы нелегальными мигрантами как временное убежище, чтобы в дальнейшем проникнуть на территорию Германии. Однако диалог, который ведется между ФРГ и Польшей, дает понять, что Германия не готова к приему новых иммигрантов из арабских государств, а значит, есть риск,

что из-за такой позиции Германии мигранты останутся в странах Балтии. Многие латыши воспринимают нелегальных мигрантов как угрозу национальной и личной безопасности, что, в свою очередь, провоцирует отток населения из страны, которая и без того претерпевает демографический кризис. Стоит отметить, что в данном тематическом блоке также присутствуют материалы, имеющие нейтральную коннотацию, такие, например, как новость о том, что в Литве все нелегальные мигранты были переселены из палаточных лагерей в отапливаемые модульные дома [10]. Более того, одна из статей даже имеет положительную коннотацию, поскольку в ней рассказывается обо всех плюсах трудовой иммиграции высококвалифицированных кадров в Европейский союз.

В третьем блоке освещены проблемы миграции и безопасности. Данный раздел во многом совпадает с тематическим блоком, посвященным нелегальной миграции, и в целом имеет негативную коннотацию, особое внимание стоит уделить новости о призыве ООН к Латвии о пересмотре принципов политики в отношении беженцев на восточной границе страны [11]. В качестве успешных мер, внедренных правительством Латвии, в СМИ были освещены мероприятия контртеррористической стратегии Латвии на 2021–2026 годы, основными направлениями которой являются международное сотрудничество, а также предотвращение радикализации и экстремизма [12].

Миграционная политика в газете «Diena» освещается как с положительной, так и с негативной стороны. В качестве позитивных новостей можно выделить следующие: просителям убежища в Латвии разрешат работать в течение 3 месяцев с момента подачи заявления, ранее этот срок составлял 6 месяцев. Европейский суд по правам человека отменил соглашение, которое предусматривает предоставление продуктов питания и медицинской помощи прибывающим в Латвию из Белоруссии [13], впрочем, латвийская сторона продолжает оказывать помощь в случае необходимости. Нейтральный оттенок имеют следующие материалы: Польша не считает людей, прибывших в Белоруссию из государств Ближнего Востока и, в дальнейшем, пытающихся пересечь белорусско-польскую границу, беженцами, поскольку они прибыли в достаточно благополучную страну по туристическим визам, и на ее территории мигранты могли чувствовать себя в безопасности. Среди новостей, имеющих негативную коннотацию, стоит обратить особое внимание на следующие: Европейская комиссия намеревалась призвать Польшу, Латвию и Литву к внесению поправок в законы о нелегальных мигрантах. Также некоторые страны ЕС призвали рассмотреть вопрос об отмене безвизового режима со странами Западных Балкан (Албанией, Сербией, Черногорией, Северной Македонией, Боснией и Герцеговиной и Республикой Косово), а также Молдавией, Грузией и Украиной, в связи с резким увеличением количества нарушений правил въезда со стороны их граждан. Совет ЕС по иностранным делам достиг политического соглашения о применении пятого пакета санкций в отношении Белоруссии. Президент Латвии Эгелс Левитс не видит необходимости в ведении пере-

говоров с Александром Лукашенко с целью разрешения миграционного кризиса.

Настроения в блоке, посвященном вопросу вынужденной миграции, разделились практически поровну на нейтральные и негативные. Новостные материалы о том, что сотни беспризорных детей были эвакуированы из Афганистана [14], Белоруссия начала вывозить мигрантов из пограничного лагеря [15], а также о вылете первого рейса с иракскими мигрантами из Минска в Багдад [16], можно считать нейтральными. К негативным материалам стоит отнести новости, посвященные протестным акциям, возникшим из-за карантинного режима в Муцениекском центре приема для просителей убежища, введенном на фоне вспышки вируса COVID-19, поскольку у 7 просителей убежища ПЦР-тесты показали положительный результат. Кроме того, по сообщению Всемирного банка, климатические изменения к 2050 году могут вынудить мигрировать до 216 миллионов человек, что, в свою очередь, связано с сокращением сельскохозяйственного производства, нехваткой питьевой воды и затопления морем [17].

Трудовая миграция в газете «Diena» освещается как в положительном, так и в негативном ключе. С одной стороны, латыши обеспокоены проблемой старения населения: доля пенсионеров растет, средний возраст населения увеличивается, а количество людей, начинающих свою карьеру, сокращается, доля экономически активного населения снижается [18]. С другой стороны, журналисты позитивно оценивают тот факт, что бюджетный комитет Сейма принял к рассмотрению коллективные заявления граждан Латвии о повышении минимального размера оплаты труда до 630 евро, что позволит решить ряд социально-экономических проблем, которые подталкивают молодых представителей коренного населения к эмиграции в регионы с более благоприятными условиями для жизни [19]. Также латыши высоко оценили возможность внедрения дистанционного формата работы, что позволит привлечь квалифицированных специалистов в страну.

Вопросу адаптации и интеграции иммигрантов в газете «Diena» посвящена лишь одна статья, в ней говорится о том, что национальные меньшинства неохотно принимают участие в выборах в Латвии. Низкая активность представителей диаспор связана с их отчуждением от латвийских политических событий, однако правительство полагает, что внедрение инструментов онлайн-голосования будет содействовать электоральной мобилизации [20].

Таким образом, наибольшее внимание в газете «Diena» уделяется проблеме нелегальной миграции, миграционной ситуации в Европе, а также миграции и безопасности. При этом большинство статей из данных тематических блоков имеют негативную коннотацию.

В средствах массовой информации проблема миграции занимает довольно большую долю от всех публикаций (1,5% и 3% от общего числа статей). Журналисты выпускают от 1 до 2 статей по миграции в день, что делает данный вопрос действительно значимым в глазах граждан Латвии.

Первое место в СМИ, безусловно, занимает вопрос нелегальной миграции. Кризис, разгоревшийся в августе 2021 года на польской, латвийской и литовской границах, был спровоцирован потоками мигрантов из Ирака и Афганистана. Латышей также волнует миграционная ситуация в Европейском регионе, особенно государствах-соседах, это обусловлено тем, что мигранты из Польши и Литвы могут прорваться на территорию Латвии. Латыши опасаются того, что высоко-развитая Германия не согласится принять беженцев, и они надолго задержатся в стране. Остальной массив статей, посвященных Европе, также связан с обзором опыта борьбы европейских государств с нелегальными мигрантами и попыток Брюсселя урегулировать кризис на границе. Вопрос безопасности остается важным для латышей, поскольку многие мигранты незаконно пересекают границу и могут не только быть переносчиками коронавирусной инфекции, но и нарушителями правопорядка, поскольку в ряде случаев они нападают на полицейских и военнослужащих, незаконно покидают временные убежища.

Журналисты позволяют себе достаточно резкие высказывания в сторону президента Белоруссии Александра Лукашенко (обвиняя его в создании миграционного кризиса на границе с Европой и использовании мигрантов в качестве инструментов политического давления). Однако некоторые авторы с сочувствием относятся к мигрантам, что в целом делает статьи о нелегальной миграции и миграционной ситуации в Латвии более нейтральными. Позитивно СМИ Латвии оценивают динамику трудовой миграции и ее положительное влияние на развитие латвийской экономики.

Литература

1. Nelegālās imigrācijas spiediens no Baltkrievijas puses saglabājas. // Neatkarīgā Rīta Avīze.— URL: <https://nra.lv/latvija/361359-nelegalas-imigrācijas-spiediens-no-baltkrievijas-saglabajas.htm> (дата обращения 12.12.2021)
2. 12 ES dalībvalstis lūdz EK finansēt žogus uz robežām. // Neatkarīgā Rīta Avīze.— URL: <https://nra.lv/pasaule/360058-12-es-dalibvalstis-ludz-ek-finanset-zogus-uz-robezam.htm> (дата обращения 12.12.2021)
3. Nelegālie migranti atkal cenšas ielauzties Polijā un apmētā robežsardzi ar akmeņiem. // Neatkarīgā Rīta Avīze.— URL: <https://nra.lv/pasaule/365176-nelegalie-migranti-atal-censas-ielauzties-polija-un-apmeta-robezardzi-ar-akmeniem.htm> (дата обращения 12.12.2021)
4. Migranti uz Baltkrievijas robežas varētu būt saistīti ar teroristiem, saka Polijas iekšlietu ministrs. // Neatkarīgā Rīta Avīze.— URL: <https://nra.lv/pasaule/358898-lukaskenko-migrantus-izmantoka-politisko-ieroci-un-municiju.htm> (дата обращения 12.12.2021)
5. 50 nelegālajiem imigrantiem izdevies ielauzties Polijā. // Neatkarīgā Rīta Avīze.— URL: <https://nra.lv/pasaule/363575-50-nelegalajiem-imigrantiem-izdevies-ielauzties-polija.htm> (дата обращения 12.12.2021)
6. Brīdinājums! Migranti ir bīstami, iespējams, bruņoti // Neatkarīgā Rīta Avīze.— URL: <https://neatkariga.nra.lv/izpete/363267-bridinajums-migranti-ir-bistami-iespejams-brunoti> (дата обращения 12.12.2021)
7. EK pieprasīs Polijai, Latvijai un Lietuvai grozīt likumus, kas šobrīd ļauj atstumt nelegālos imigrantus atpakaļ Baltkrievijā.

// Neatkarīgā Rīta Avīze.— URL: <https://nra.lv/politika/eiropas-savieniba/363252-ek-pieprasis-polijai-latvijai-un-lituvai-grozitlikumus-kas-sobrid-lauj-atstumt-nelegalos-imigrantus-atpakaļ-baltkrievija.htm> (дата обращения 12.12.2021)

8. «Mēs gaidām vairāk»; Lietuvas prezidenta padomniece komentē EK iesaisti migrantu krīzes risināšanā. // Neatkarīgā Rīta Avīze.— URL: <https://nra.lv/pasaule/365403-mes-gaidam-vairaklietu> (дата обращения 12.12.2021)

9. Muceniekus nelikumīgi pametuši 85 patvēruma meklētāji, daļa vēlāk aizturēti Lietuvā un Polijā. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/latvija/zinas/ano-aicina-latviju-parskatit-lidz-sim-istenoto-beglu-politiku-uz-austrumu-robezas-14270103> (дата обращения 12.12.2021)

10. Lietuvas iekšlietu ministre: Visus nelegālos migrantus šomēnes pārceļsim uz siltām telpām. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/pasaule/baltijas-valstis/lietuvas-iekšlietu-ministre-visus-nelegalos-migrantus-somenes-parscelsim-uz-siltam-telpam-14267215> (дата обращения 12.12.2021)

11. ANO aicina Latviju pārskatīt līdz šim īstenoto bēgļu politiku uz austrumu robežas. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/latvija/zinas/ano-aicina-latviju-parskatit-lidz-sim-istenoto-beglu-politiku-uz-austrumu-robezas-14270103> (дата обращения 12.12.2021)

12. Valdība apstiprina Latvijas pretterorisma stratēģiju 2021.-2026. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/latvija/zinas/valdiba-apstiprina-latvijas-preterorisma-strategiju-2021.-2026.gadam-14270498> (дата обращения 12.12.2021)

13. ECT atcēlusi pagaidu noregulējumu uz Baltkrievijas robežas esošo nelegālo imigrantu lietā pret Latviju. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/latvija/zinas/ect-ancelusi-pagaidu-noregulejumu-uz-baltkrievijas-robezas-esoso-nelegalo-imigrantu-lieta-pret-latviju-14267954> (дата обращения 12.12.2021)

14. ANO: No Afganistānas evakuēti simtiem bērnu bez pavadoņiem. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/pasaule/cits/ano-no-afganistanas-evakueti-simtiem-bernu-bez-pavadoniem-14267444> (дата обращения 12.12.2021)

15. Baltkrievija sāk transportēt migrantus no pierobežas nometnes. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/pasaule/eiropa/baltkrievija-sak-transportet-migrantus-no-pierobežas-nometnes-14271272> (дата обращения 12.12.2021)

16. Baltkrieviju ar lidmašīnu pametuši vēl 118 migranti. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/pasaule/eiropa/baltkrieviju-ar-lidmasinu-pametusi-vel-118-migranti-14271446> (дата обращения 12.12.2021)

17. Pasaules Banka: Klimata pārmaiņas var piespiest migrēt līdz 216 miljoniem cilvēku. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/pasaule/cits/pasaules-banka-klimata-parmainas-var-piespiest-migret-lidz-216-miljoniem-cilveku-14267868> (дата обращения 12.12.2021)

18. Migrācijas lielle paradoksi. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/viedokli/dienaskomentars/migrācijas-lielle-paradoksi-14269726> (дата обращения 12.12.2021)

19. Saeimas Budžeta komisija vērtēs ieceri paaugstināt minimālo algu līdz 630 eiro. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/latvija/zinas/saeimas-budzeta-komisija-vertes-ieceri-paaugstinat-minimalo-algu-lidz-630-eiro-14267590> (дата обращения 12.12.2021)

20. Diasporu vairāk motivētu balsošana internetā. // Diena.— URL: <https://www.diena.lv/raksts/latvija/zinas/diasporu-vairak-motivetu-balsosana-interneta-14270418> (дата обращения 12.12.2021)

Сергей Луценко

АЗОВ

Поэма

ГЛАВА I

1

Не спится юному царю:
В ночи недужной поминутно
Ум занят Русью непробудной...
И шепчет Пётр: «Я волны зрю!..
Не сиволапой, сухопутной
Предстанет пред веками Русь...
Иное утвердить берусь!
Проснулись молодые силы –
И нам подвластные ветрила
Пойдут в Европу напрямки;
Азов, а не Архангельск стылый
Сейчас задействовать с руки...
Повсюду ковы и обманы:
Бузят проклятые османы,
Глухо волнуются стрельцы,
Но грянут, быстры и нежданны,
Слова мои во все концы...
В стране суровой полунощной,
Несытой злобе вопреки,
Флот величавый, многомогущий
Воздвигнется!..» – И нет тоски;
Он тихо опускает ногу
И боль проходит понемногу¹;
Пылают очи, и готов
Пётр устремиться на Азов,
И не поддавшись силе чёрной,
Судьбу испробовать повторно...
Воспоминаний рой суров,
Но не смертелен. Злые жала
Не устрашат Петра нимало! –
Из бурь и бед он дух воздвиг,
Он силу черпает из них...

2

Полночные кружатся тени,
Перемежаются огни –

Об авторе: Луценко Сергей Евгеньевич. Поэт, переводчик, публицист. Окончил Воронежский государственный аграрный университет. Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в городе Павловске Воронежской области..

И в пёстрые ряды видений
Опять сплетаются они:

Вот ботик маленький безвестный
По узкой Язуе плывёт...
Пруд Просяной... И снова тесно:
Поглубже бы, пошире вод!

Иные дни, иные годы,
Иные зовы новизны...
Вот и плещеевские воды² –
Они побольше... но тесны!

Уже Петру озёра – лужи,
Суда малы и неуклюжи,
Куда ни поверни – всё край.
«Ах, почему так много суши!»
Мужает сердце: море дай!

Россия ждёт великой доли:
По свету флаги слать пора! –
И море Белое до боли
Целует юного Петра³...

Кожуховские вот успехи –
Сухие Марсовы потехи:
Разбита рать Бутурлина⁴.
Москва глядит, изумлена...

3

Сплетаются воспоминанья –
За днями дни, за днями дни...
Безудержно тревожа, рая,
Покоя не дают они:
«Азов! Турецкая громада! –
Пётр шепчет. – Сколь ни времени,
А взять её, для Бога, надо...
Гордон, Лефорт и Головин!
К осаде! Медлить нет причин!
Подумаешь, какие крепил!
Зря, что ли, шли войска по степи,
Зря, что ли, наши корабли
По Волге и по Дону шли?!
Вперёд, ребята! Пушки к бою!
Виктория не за горою!» –
И вновь командует он: «Пли!»
И поджигает фитили⁵...

Пусть и внезапны и жестоки
 Татарской конницы наскоки,
 Пусть турки с моря налегли –
 Начало есть! Оно удачно:
 Горит отчаянно Азов...
 «Победа наша однозначно!
 Но как преодолеть врагов,
 Коль друг к предательству готов?
 Матрос голландский Яшка Янсен,
 Поступок твой зело ужасен!
 Зачем явился ты на свет?
 Наёмник подлый и лукавый,
 Тебе вовек прощенья нет.
 Врагу предаться! Боже правый!
 Хлеб русский есть, по-русски пить –
 И турка втайне натравить!
 Лежать тебе в кровавом прахе,
 Готовься к топору и плахе!..
 А всё ж казаки-силачи
 Не зря забрали каланчи⁶,
 Не зря надвинулись редуты
 На оцетиненный Азов!
 Пусть шершни хитры, шершни люты,
 Но... против наших молодцов?!
 Вперёд, на штурм! Сигналы, флаги!» –
 И Пётр безумствует в отваге,
 Добычу видя пред собой.
 И закипел кровавый бой.
 Насели турки, резать рады,
 Гёрдон, Лефорт – бегут, бегут!
 Размётаны, как лист, отряды...
 Их не сдержать – напрасный труд!
 В сторонке сидя, щучий сын,
 Бой наблюдает Головин...
 Нет единенья. Единенья!
 Но сила есть. И есть стремленье.
 Есть власть державная Петра.
 Есть – Бог. Сдаваться не пора!

(А ночь идёт...
 Тревожа, рая,
 Сплетаются воспоминанья:
 Ещё далёко до утра...)

4

Проходит лето в схватках ярых,
 В апрошах⁷, минах и пожарах...
 Уже и турок измождён,
 Но подкрепляем с моря он.
 России нужен Флот великий! –
 Тогда замолкнут вражьи клики,
 Тогда не только каланчи
 Падут, не причиняя вред нам –
 Растает в натиске победном
 И след турецкой саранчи.

Совет военный за советом:
 Есть в отступлении резон;
 Но Пётр, досадой распалён,
 Не хочет помышлять об этом –

И Гордона не слышит он⁸.
 И вот – последний штурм назначен...

Кровав итог его и мрачен:
 Грохочет взрыв, идут в пролом –
 И вновь отброшены врагом!
 Ревут и свищут ядра яро,
 Каменья рушатся с небес,
 И разгораются пожары
 Отчаянные – там и здесь...
 На подступах безумных, страшных
 Немало воинов отважных –
 Да будет вечно им светло! –
 Немало русских полегло...

Царь болен, но не кажет виду.
 И Гордон вновь заводит речь:
 «Мужайся! Одолей обиду!
 Не ей, не ей тебя подсесть.
 Вернись в Москву – и выкуй меч.
 Пора, пора! Зима не шутки,
 Иначе ляжешь здесь костями».
 – «На сборы – сутки,
 чёрт возьми!».

И хлынул дождь тогда обломный,
 И ветер ринулся суров,
 И вышел Дон из берегов –
 И на войска пошёл, огромный,
 Нежданной, яростной бедой.
 Наш лагерь скрылся под водой.
 Однако – отошли степенно,
 Не потеряв в беде лица.
 (Казаки же Азова стены
 Стеречь остались до конца...)

«Пусть посидит турчина пленный,
 Пусть последит Минаев Фрол⁹,
 Чтоб сон на шершней не сошёл.
 Эх, если б не было измены!» –
 Шли по ногайской стороне
 И толковали о войне.

И пала стынь. В одеже летней
 Шли степью русские войска.
 Шли без огня. Сухарь последний
 Тревожно шарила рука.
 Ревела вьюга. Выли волки.
 Татарин лютый сёк главу.
 Шли ни во сне, ни наяву...
 Дороги были дики, долги,
 А всё же привели в Москву.

.

Декабрь отпал, и был нескудный;
 В ночной январской мгле недужной,
 Со лба стирая жаркий пот,
 Царь мыслит: «Будет Русский Флот!
 Нет, не окончено сраженье, –
 Он шепчет, – будет продолженье:

Сначала Порту пуганём,
А там и в Балтику шагнём...»

Да, есть уже почин великий!..
Лес рубят мёрзлый и сырой¹⁰,
Но корабели станут в строй
По воле русского владыки...

Он будет, Русский Флот – герой!

ГЛАВА II

Идут подводки по Руси,
Идут по снегу, по грязи:

Пруты, да гвозди, да пенька,
Лубье, да брусья, да доска...

Гудит не затихая нерв,
Не ждёт Воронежская верфь!

Где дню конец, работе край?
До половодья успевай!

В Воронеж спешает Пётр
Вершить великий труд и смотр.

Коль царь хлопочет от души,
Попробуй против что скажи!..

«Моря покорны будут нам!» –
И он мужает не по дням...

Не рай, конечно, тут:
То люди, не стерпев, бегут,

То злой набег, то ярый пал,
То дождь, то снег великий пал,

То на поков железа нет...
Давай не мешкая ответ!

А всё же – будет торжество!
Есть опереться на кого:

Хоть не всегда силён, но рьян
Помощник первый – Тимерман;

Лефорт был зиму нездоров,
Но он спешит на царский зов;

И Гордон, с ними наравне,
Не остаётся в стороне...

Вот – Меншиков, а вот – другой¹¹...
Недурно: оба под рукой!

Моляров, Склаев и Щека...
Команда плотников крепка.

Вот – Верещагин... И вокруг –
Немало сотен добрых рук!

Да, люди мрут... И страшно мрут!
Но путь к виктории – он круг.

И как не приложить всех сил,
Коль Митрофан благословил¹²!

Вот – «Кумандера»; тут же с ней
«Марк» попевает и «Матвей»¹³;

«Апостол Пётр» – готов почти;
«Апостол Павел» – знай расти;

Испробовать на крепость борт
Желает «Адмирал Лефорт»;

И струги, брандеры, плоты
Не прочь вкусить донской воды...

Виват, Воронеж! Славен будь!
Но впереди – великий путь...

Виват, Москва! Начало есть!
Но впереди – забот не счесть...

Виват всем городам! Виват!
Россия процветёт стократ...

Невероятно дух твой бодр,
И замысел велик твой, Пётр!

Идёшь всему наперекор,
И вот уже – донской простор...

Теперь, взрывая рубежи,
Господний промысел верши! –

И поднимает кубок он,
И опрокидывает в Дон:

«Прими, великая Река!» –
И расступились берега...

ГЛАВА III

Краса Отческой земли,
Идут по Дону корабли;
Идут, и смело и свободно
Обозревая берега...
Преизобильна, полноводна
Родная русская Река.
Ночами ветры злы, сильны,
Но дни раздольны и красны...

Не дремлет Пётр – он пишет, правит
Военный для галер указ:
Настигнет тех возмездья час,
Кто в час опасности слукавит;

Вот – флаг, а вот – иной сигнал¹⁴...
Изволь чтоб каждый выполнял!

.

– Азов!
– Азов!
– Эй, там! Не рады?
Мы так врага ввели в обман,
Что обнаглевший басурман
Не изготовился как надо.
Пора из пушек, из фузей¹⁵
Лихих попотчевать друзей!
А может, сразу выйти в море
Да гирла Дона запереть,
Чтоб не видали турки впредь
И сухаря себе на горе?
Громить, громить турецкий флот!
Казаки двинулись вперёд,
И – как по-писаному стало:
Свободно море! Гладок путь!
Боятся турки и вздохнуть,
Могучего лишившись жала;
Одна лишь конница татар
Наносит исподволь удар...
Но и она в свой час отбита!
И земляной великий вал
Идёт к Азову... Ядер шквал –
Как Смерть сама... Ну что же, квиты?
Сдавайся, турок! Нет так нет:
Отведай ядер на обед!
А эти вылазки лихие,
Лукавый скок и ярый крик!..
Солдат притёрся и обвык –
Не зря века стоит Россия...

Не утерпев, казачья рать
На штурм бросается опять:
«Ну, будет! Кончены игрушки!»
Минаевцами больверк¹⁶ взят:
Они корчуют – и назад,
К себе, на вал, возносят пушки!
Сдаёшься, турок? Иль – погром:
На штурм решающий пойдём!

Едва лишь пушки ободрились
Вал раздербанить крепостной –
Врата виктории морской,
Врата Азова отворились!
И Мустафа идёт с письмом
И шапкой машет... Поделом!

А право, славная шумиха!
Турчишка из последних сил
Уже ефимками палил¹⁷...
Ему надрали зад мы лихо!

Впервой – несолоно ушли,
Но славно зиму провели...
Зело исполнена работа,
Теперь – веселью все права!
Пусть триумфальные ворота
Готовит пышная Москва...
Пируй! Для грусти нет причин!
Но помни: это лишь почин...

Ликуй! И ветры пей морские!
И славу пей! Да будет так:
Сие побед грядущих знак,
Залог величия России!

2019–2021.

Примечания

1. В январе 1696 года болезнь приковала Петра к постели почти на месяц.
2. Переславское (Плещеево) озеро близ Переславля-Залесского.
3. В июне 1694 года Петра в плавании застигла буря, едва не стоившая ему жизни.
4. Потешными армиями командовали оборонявший Кожуховскую крепость Бутурлин и штурмовавший её, при участии бомбардира Петра Алексея, т. е. царя, Ромодановский. Это была последняя военная потеха Петра.
5. Пётр совмещал обязанности первого бомбардира и фактического руководителя кампании.
6. Каменные башни в трёх верстах от Азова перекрывали выход из Дона в море.
7. Продолговатые ровики с внешней насыпью, предназначенные для безопасного приближения к вражеской крепости.
8. Благоразумный и опытный Гордон всё время выступал за сбережение сил.
9. Легендарный атаман донских казаков.
10. По воле Петра село Преображенское под Москвой в считанные дни декабря было превращено в центр судостроения.
11. Меншиковы Гаврила Авдеевич и Александр Данилович.
12. Святитель Митрофан, епископ Воронежский призывал народ всемерно помогать Петру.
13. Галеры «Кумандера», она же «Принципиум» и «Его Величества», а также «Святой Марк» и «Святой Матвей».
14. В «Указе по галерам» устанавливались сигналы, подаваемые командиром эскадры пушечными выстрелами и барабанным боем, в дневное время – флагами разных цветов, а в ночное – фонарями. Указ предписывал, в том числе, капитанам галер не покидать друг друга, грозя в случае неисполнения смертной казнью.
15. Фузея – старинное кремнёвое ружьё.
16. Так в старину именовался специальный бастион.
17. Турки стреляли разрубленными монетами, что показывало большую нехватку свинца.

Юрий Селявкин

Слово. История. Государство

В то время, когда чуть ли не целое поколение молодых людей отодвигает от себя Её Величество Книгу, а педагоги, литераторы (и не только) в связи с этим находятся в унынии, задавая вечный вопрос «что делать?», — порадовала в научном журнале «БЕРЕГИНЯ·777·СОВА» (№ 3, 2021) публикация поэмы «Азов» Сергея Луценко, члена Союза писателей России из города Павловска Воронежской области. Произведение это непроходящее, знаковое и значимое, ярко отображающее важную историческую часть Петровской эпохи в истории Российского государства.

Вспомнились шестидесятые, семидесятые годы прошлого столетия, когда стихи читались на уроках, разбирались, учитель подталкивал учащихся делать выводы, а сами произведения запоминались на долгие годы или даже на всю жизнь. Среди школьников было немало тех, кто сам пытался писать стихи и рассказы. В то время детско-юношеских изданий было море; назову лишь некоторые: журналы «Весёлые картинки», «Мурзилка», «Пионер», «Костёр», «Юный натуралист», «Юность», газета «Пионерская правда». Их общий тираж уходил в миллионы экземпляров. Представьте себе мальчишку-пятиклассника того периода, важно читающего свою газету на скамейке. Литература, являясь одной из важнейших частей общечеловеческой культуры, участвовала в формировании личности.

Автор данной статьи также направлял свои стихотворения в редакции газет. В одном из них были такие строки о весне: «Бежит ручей по замёрзшей земле, Где-то теряясь в утренней мгле». Были ещё строки: «И стая грачей, летящих в выси, Картаво кричит о приходе весны». Его никто не публиковал, следовал вежливый отказ и рекомендации. Позднее известный автор ряда книг из Ленинграда, с которым мы, несмотря на большую разницу в возрасте, дружили, объяснил всё просто. Не рифмы главное в поэтическом творчестве и не красоты слов, а содержание души, воздействующее на читателя эмоциональностью, смысловым порывом созидательности. В строках должна быть душа, и тот, кто прикасается к ним, раскрывает её. И многое проявилось.

Но вернёмся к поэме. Выход России к морю был необходим, и потому она начинается так:

Об авторе: Селявкин Юрий Георгиевич – общественный деятель, председатель программы «Культура общества – основа нравственной политики государства», почётный президент РОО «Шахматная федерация Воронежской области», член Союза журналистов России (г. Воронеж).

*Не спится юному царю:
В ночи недужной поминутно
Ум занят Русью непробудной...
И шепчет Пётр: «Я волны зрю!..
Не сиволапой, сухопутной
Предстанет пред веками Русь...
Мы видим стратегию развития государства пока
лишь в мыслях...*

Прекрасны следующие строки: «Из бурь и бед он дух воздвиг, Он силу черпает из них...». В этом стремление сделать духовность опорой государства. Надо ставить высокие, затрагивающие человека цели:

*Уже Петру озёра — лужи,
Суда малы и неуклюжи,
Куда ни поверни — всё край.
«Ах, почему так много суши!»
Мужает сердце: море дай!*

Автор статьи, относясь к Петру неоднозначно, отмечает его упорство в укреплении России:

*Нет единенья. Единенья!
Но сила есть. И есть стремленье.
Есть власть державная Петра.
Есть — Бог. Сдаваться не пора!*

И здесь хочется напомнить, чем ослаблялось государство: разъединением, смутой, раздразном власти. Умение гармонично развивать общество достигается через традиции, духовно-нравственные постулаты. Выпукло, словно живописец-баталист, поэт показывает реалии военного времени:

*И пала стынь. В одеже летней
Шли степью русские войска.
Шли без огня. Сухарь последний
Тревожно шарила рука.
Ревела вьюга. Выли волки.
Татарин лютый сёк главу.
Шли ни во сне, ни наяву...
Дороги были дики, долги,
А всё же привели в Москву.*

А эти строки — о строительстве флота на Воронежской верфи:

*Идут подводьы по Руси,
Идут по снегу, по грязи:
Пруты, да гвозди, да пенька,
Лубье, да брусья, да доска...
Гудит не затихая нерв,
Не ждёт Воронежская верфь!
Где дню конец, работе край?
До половодья успевай!*

Государственник обязан думать о том, что благородность дел — необходимая черта стабильности и мощи Отечества. Без них — разрушительность и неостановимость в падении или даже крушении.

Оптимистичны следующие строки в контексте сказанного:

А всё же — будет торжество!

Есть опереться на кого...

Вот эта самая опора и создаётся, хоть мы и повторяемся, через гармонию развития.

Всего несколькими строками автор широко показывает красоту Руси, любовь к ней:

Краса Отеческой земли,

Идут по Дону корабли;

Идут, и смело и свободно

Обозревая берега...

Преизобильна, полноводна

Родная русская Река.

Ночами ветры злы, сильны,

Но дни раздольны и красны...

Поэт от души наслаждается подвигом России:

Зело исполнена работа,

Теперь — веселью все права!

*Пусть триумфальные ворота
Готовит пышная Москва...
Пируй! Для грусти нет причин!
Но помни: это лишь почин...
Ликуй! И ветры пей морские!
И славу пей! Да будет так:
Сие побед грядущих знак,
Залог величия России!*

Итак, перед нами — серьёзное художественное поэтическое полотно, так востребованное сегодняшним временем. Поэма — это не только содержание исторического периода, это урок настоящим и будущим поколениям. Это картина того, как возникла Слава России при опоре на духовно-нравственные принципы, на единение общества. А истоки — в традициях культуры, образования, в жизненном укладе народа, в его понимании совести и справедливости...

Думается, поэма «Азов» займёт достойное место в торжествах юбилейных дат Петровской эпохи. И очень приятно, что к ней имеет прямое отношение и Воронежская земля — колыбель Русского флота.

Лев Кройчик

В ста километрах от войны

(главы из неопубликованной повести)

Вместо предисловия

В 1977 году Лев Ефремович Кройчик расстался со своим любимым детищем — Театром миниатюр, которому посвятил больше 10 лет. Театр родился почти одновременно с Сережей, сыном Льва Ефремовича. За период с 1965 по 1977 гг. были написаны самые яркие, эмоционально насыщенные стихи, сценарии, интермедии. И вот образовалась в некотором роде пустота в творчестве. Я говорю ему:

— Лёвушка, вспомни, как часто ты мне рассказывал о своем детстве во время войны. Попробуй написать об этом. Если мне было интересно слушать, то и прочитать будет очень интересно, и не мне одной, быть может.

Так и случилось. Разбирая архив Льва Ефремовича, я нашла среди писем рукопись, которая озаглавлена «В ста километров от войны». Прочитав ее и многое вспомнив, я пришла к убеждению, что она должна быть опубликована. Появилась мечта издать ее в виде детской книги с рисунками.

Отдаю Вам, факультету журналистики, на суд две главы из этой рукописи.

*С благодарностью факультету
Рита Николаевна Кройчик,
сентябрь 2021 г.*

Самый сладкий день

— Тонька-а! Смотри-и!

Я разбегаюсь и прыгаю с высокой кручи вниз на пологий песчаный скат, тянущийся до самой реки. Что-то внутри холодеет, несколько секунд длится удивительное ощущение полета, которое прекращается довольно сильным ударом в ноги и поясницу, я плюхаюсь в теплый песок и качусь к берегу. Притормозив, оглядываюсь — Тонька, старшая моя сестра, высокомерно возвышается у самого края кручи.

— Прыгай! — кричу я. — Знаешь, как здорово!

Последние мои слова, наверное, выглядят не очень убедительно, потому что Тонька, аккуратно спихнув вниз камешек и наблюдая за тем, как катится он по склону, заявляет высокопарно:

— Ничего не случится, — кричу я снизу вверх. — Не бойся! Прыгай!

Но Тонька стоит неподвижно и смотрит на реку. Там медленно разворачивается, подгоняемый течением, маленький пароходик. Сейчас он причалит, и цветной лентой зазмеется поток родителей в наш лагерь

«Никитинские дачи». Может быть, и папа приедет. Правда, надежды на это почти никакой. Недели две тому назад папа, уехавший в Ленинград, в академию, прислал письмо с неясным обещанием *вырваться* хоть на пару дней. А мы с Тонькой уверены, что папа вырвется именно сегодня, на открытие.

Пароходик причаливает, толпа вытягивается вдоль деревянных ступенек, идущих наверх, и мы с Тонькой начинаем искать глазами папу. Его нет.

— Пошли, — говорит Тонька, — мама, наверное, волнуется.

Я карабкаюсь по скату. Тонька протягивает руку, откидывается чуть-чуть назад, чтобы не свалиться вместе со мной вниз, и мы идем к нашим «Никитинским дачам» — пионерскому лагерю для детей с ослабленным здоровьем. Конечно, мы с Тонькой никакие не ослабленные. Просто наша мама — детский врач, и каждое лето она ради нас выезжает за город — то с детсадами (когда мы были маленькими), то с лагерями (когда мы стали школьниками).

Хорошо отдыхать возле мамы: можно быть в отряде и как бы вне его. И режим лагерный чуточку не соблюдать. Плохо только, что в родительские дни к тебе никто не приезжает. Вот и сегодня я знаю, чем все кончится: родители после линейки и концерта потащат своих детей по полянкам и кустикам и начнут угощать разными вкусными вещами, привезенными из города. А нам из города ничего не привезли: некому привозить. И лучшее, на что мы с Тонькой можем рассчитывать, это на лишнюю порцию пирожков или пирожных, испеченных сегодня в честь открытия.

В лагере суета. Ребята, ждущие своих пап и мам, облепили невысокий зеленый заборчик и смотрят в одну точку — на перильца лестницы, вырастающей из кручи берега. Разные ответственные люди бродят вокруг линейки и, по-моему, уже совсем измучились от переживаний. Радист на зеленой трибуне устанавливает микрофон, от которого тянется провод к четырехугольной трубе-репродуктору на сосне. Начальник лагеря Степан Филиппович в соломенной шляпе, сдвинутой на затылок, стоит на веранде штабного домика и читает какие-то листки. Возле начальника старшая пионервожатая Лариса Федоровна что-то ему доказывает, размахивая руками. Мне кажется, что Степа не слушает Ларису, время от времени отмахиваясь от нее, как от назойливой мухи. А может, он и в самом деле мух отгоняет.

Между тем время движется к двенадцати — началу линейки. Родителей, нацеловавшихся со своими

детьми через заборчик, наконец-то впускают на территорию лагеря, и они веселыми потоками растекаются по всему лагерю. Толстомордены Васенька Реутов (может, потому что он толстый, а может, потому что добродушный, его зовут только Васенька) выходит к линейке и трубит что есть мочи. Получается не очень красиво, но зато громко. Васенька, подумавши, забирается на трибуну, приставляет трубу к губам, и «Та-та-та-ра-ра-ра-та-ра-ра-та» стремительно несется среди золотистых сосен.

В ответ слышится нестройный топот ног (это идут уцелевшие от родительских объятий ребята вместе со своими вожатыми) и размеренные шаги мам и пап, спешащих за детьми. Вся эта веселая цветная толпа более или менее ровно выстраивается на линейке лицом к трибуне. Мы с Тонькой занимаем нейтральную позицию около своих отрядов — и не вместе с ними, и не отдельно, а так, как бы рядышком: шаг вперед — и ты в отрядном строю, шаг назад — и можно подумать, что ты гость. Наша вожатая Валя Прохорова лихорадочно пересчитывает всех по головам. Вроде бы все на месте, и Валя успокаивается, деловито и радостно глядя на трибуну, где уже собрались все, кому положено на ней находиться.

— Товарищи! — зычно говорит в микрофон Степан Филиппович. — Сегодня мы торжественно открываем первую смену нашего замечательного лагеря, призванного укрепить здоровье советских детей.

Я ищу глазами Тоньку — она очень любит такие минуты: торжественно все, слова красивые, форма нарядная. Потом она обязательно начнет передо мной повторять речь Степана Филипповича. Тоньку хлебом не корми, дай ей поговорить красивыми словами. Мы с мамой посмеиваемся над этой Тонькиной привычкой, но ничего не помогает. Так и есть: Тонька гложет глазами Степана Филипповича и что-то шепчет.

Внезапно голос начальника лагеря исчезает, вернее, он становится тихим-тихим, потому что из черного репродуктора на сцене говорит уже не он, а кто-то другой: «...и вероломно нарушив пакт о ненападении, бомбила наши города и села. Части Красной армии повсеместно дают отпор гитлеровским захватчикам».

Минуту все стоят оцепенев, а потом строй ломается, и весь лагерь, окружив сосну с репродуктором, слушает далекий слегка заикающийся голос:

— Война! — кричит страшно кто-то, и начинается паника. Родители рвутся к детям, словно сейчас на нас начнут сыпаться бомбы.

— Спокойно! — рычит Степан Филиппович. — Товарищи, спокойно! Никакой паники. Дослушаем Москву!

То ли зычный крик начальника лагеря действует на всех, то ли все хотят услышать сообщение до конца, но только лагерь снова замирает у репродуктора. Я выбираюсь из толпы и бегу искать маму. Но мама уже здесь. Она стоит, как и все, запрокинув голову к репродуктору, и слушает.

— Мама, — глупо говорю я, — война.

— Да, война, Глебушка, беда, — кладет мама свою теплую руку мне на голову. — Беда ужасная.

Радио прекратило передавать правительственное сообщение, на минуту стало тихо-тихо, а потом

загремел марш. И сразу зашевелились люди. Вокруг начальника лагеря — водоворот. Шляпа у Степана Филипповича по-прежнему сдвинута на затылок, и я вдруг замечаю, что половина лба у него незагорелая — из-за шляпы, наверное. «Некрасиво как», — думаю я. — Неужели Степа этого не замечает?»

— Ребята, побудьте-ка одни, — неожиданно говорит мама, — я должна кое-что предпринять.

Тонька, мне кажется, тоже растерялась. Она какая-то не очень уверенная сейчас.

— Тоньк, — шепчу я. — Может, и неплохо это, что война, — фашистов разобьют. А папа наконец-то получит третью «шпалу» и станет военврачом первого ранга.

— Дуралей, — удрученно оглядывает меня сестра (дескать, неужели мой брат такой дурак?). — Если война — это бомбы и пули, а не ордена и «шпалы». Советские патриоты не могут радоваться войне.

— Я и не радуюсь, — оправдываюсь я. — Просто, раз уж Гитлер войну начал, мы его быстренько разобьем. А папа отличится!

— Лишь бы живым вернулся, — говорит Тонька. — Скоро десять человеку, а он все как маленький.

Это она обо мне. Я же не виноват, что она меня на два года старше. Все время обзывает маленьким.

— Тонька, а как ты думаешь, война скоро кончится?

— Не знаю, — задумывается сестра. — Она же только началась. Наверное, скоро. Только ведь надо будет Польшу освободить и Германию всю. А Гитлера повесить. Не меньше месяца.

— Ну за месяц убьют не очень много наших, — успокаиваюсь я.

— Все равно жалко, — возражает Тонька. — Пусть немного, а они же чьи-то папы.

— Жалко, — соглашаюсь я и замолкаю.

Потом мы идем искать маму. В столовой, где давно почти полностью накрыт праздничный стол, ее нет. Пусто и в изоляторе, и в медпункте. Может, она в штабной комнате? Так и есть. Поднявшись на веранду, мы слышим голоса из комнаты Степана Филипповича, в том числе и мамин. Там о чем-то спорят. Хоть мы с Тонькой и докторские дети, но врываться в штаб не рискуем. Тем более что на веранде и вокруг нее сидят родители и тоже чего-то ждут.

Наконец появляется Степан Филиппович.

— Товарищи, — говорит он родителям, — значит, так: кто хочет, может забрать детей с собой. Но мы вообще-то не рекомендуем это делать. Наш лагерь будет функционировать впредь до особого распоряжения.

Почему-то слова «до особого распоряжения» вызывают у всех родителей беспокойство.

— Так что же, товарищ начальник, — слышится голос, — забирать нам детей или нет?

— Как хотите, — уклончиво отвечает Степан Филиппович. — Можете забирать, а можете не забирать. Пароход — через час.

Упоминание о пароходе, идущем в город, решает дело. Толпа родителей устремляется к отрядам. Мы нетерпеливо ждем маму. Она появляется на веранде, озабоченная и деловитая.

— Ребята, я уезжаю в город. Только на один день. Во-первых, может приехать папа за вещами. Во-вторых, в любом случае я должна их ему подготовить. А в третьих, меня тревожат дедушка и бабушка. Я должна позвонить тете Тане в Москву.

Бабушка и дедушка вот уже месяц как ездят по своим детям. Были у нас, теперь поехали к дочери — нашей тетке — в Москву.

— Возьми и нас с собой, — прошу я. — Мы не будем тебе мешать.

— Нет! — возражает мама. — Это исключено. Я еду одна. Вы — взрослые люди, и с вами ничего не случится.

Через два часа наш и без того немногочисленный лагерь почти опустел. Уехали все мужчины. И становится как-то даже тревожно. Но больше всех сокрушаются в столовой: наварили, нажарили, напекли — куда все это девать?

— Сделаем так, деточки, — уговаривает оставшихся ребят повариха тетя Люся. — Вы идите все за один стол, а уж мы вас накормим, чтоб продукты не пропадали.

Мы действительно умещаемся все за одним длинным столом, потому что даже с детьми сотрудников нас всего человек двадцать.

— Налопаемся — век помнить будем! — радостно кричит Генка Бессонов из старшего — первого — отряда.

— И то правда, деточки, — соглашается тетя Люся, — ешьте на здоровье. Когда теперь так сытно откусать придется. Еще вспоминать будете.

Она ставит перед нами огромные кастрюли с борщом, тарелки с котлетами, блюдо с пирожками и пирожными. Мы наедаемся до отвала, но остается всего очень много.

— Ничего, ничего, деточки, — утешает тетя Люся, — вы сейчас отдохнете, погуляете, а проголодаетесь — прибегайте опять: накормим.

После обеда оставшимся в лагере вожатым не до нас. Они собираются в штабе и о чем-то оживленно спорят. Генка Бессонов, убедившись, что мы можем заниматься чем угодно, предлагает:

— Айда на Икороть!

Икороть — речка в километре от лагеря. Она, конечно, не такая громадная, как та, что течет прямо под боком, но зато на Икороти нет сильного течения и на ней пятна мазута не плавают. Я люблю Икороть — она тихая, веселая какая-то, с серебристыми перекатами, с песчаными плесами, с душистой дикой черной смородиной по берегам. И хорошо, что не глубокая.

— Пошли! — кричу я. — Тонька, пошли купаться! Ребята! За мной!

— Не за тобой, а за мной! — поправляет Генка. Ему, наверное, очень хочется командовать нами, хотя наша Тонька его ничуть не младше.

И мы отправляемся на Икороть. Идем через лес, через широкий луг с недавно скошенной травой. Всюду тихо, облачка плывут высоко в небе. И кажется, что никакой войны нет, что произошла ошибка, что сейчас об этом объявят по радио, и все начнут возвращаться в лагерь, а мы их порции съели. «Может, и в самом деле понарошку объявили?» — думаю я. Но спрашивать об этом Тоньку не хочу: засмеет. Тонька очень доверчивый человек — раз объявили, значит, все верно.

Ошибки быть не может. К тому же так хорошо сейчас, что о войне просто не хочется думать.

Выйдя к берегу, мы валимся на горячий песок и начинаем строить крепости.

— Ты будешь немцем, — приказывает мне Генка, — а мы русские.

— Я не хочу, — обижаюсь я. — Чего это я немец. Сам играй в немца!

— Тогда уходи назад! — командует Генка. — Без сопливых обойдемся!

— Ты чего раскомандовался! — вдруг вмешивается Тонька. — «Вперед! Назад! За мной!» Тоже мне — Кутузов!

Я нагло смеюсь прямо в Генкину рожу — он и в самом деле как Кутузов: дня два назад его ужалила пчела и Генкин глаз заплыл так, что только щелочка видна. Очевидно, моя наглость перешла границы Генкиного терпения, потому что он запускает в меня комом мокрого песка. Пока я нагибаюсь за песком, чтобы ответить, Тонька размахивается и прямо рукой (так бьют только девчонки!) лупит Генку по шее. Тот, наверное, не ожидал от моей сестры такой прыти и отскакивает. Остальные смотрят выжидающе. Выручает поварихина дочка Нинка:

— Ну, что мы сюда драться пришли, что ли? Давайте купаться!

Все же мы с Тонькой демонстративно отходим в сторону, раздеваемся и начинаем загорать сами.

— Ты с ними не связывайся, — шепчет сестра. — Кулаками спор не решают. Надо действовать силой слова!

— Чем, чем? — удивляюсь я. — Какой силой?

— Слова! — повторяет Тонька. — То есть убеждением!

— Как это? — не понимаю я. — Как я его убеждо... или... это... убеждо... ну в общем, что я сильнее? Если он на турнике шесть раз подтягивается, а я ни разу.

— Физическая сила решающей роли не играет, — шепотом объясняет сестра. — В человеке главное — дух. Ну, еще воля. И ум!

— Так ведь Генка же не дурак. Он в шахматы знаешь, как здорово играет?

— Раз с тобой связался, значит, не очень умный, — замечает Тонька и, видя, что я подозрительно задумываюсь над последними словами, хлопает меня по спине. — Пошли поплаваем!

— Пошли, — неуверенно говорю я.

Дело в том, что Тонька уже довольно здорово плавает «по-собачьи» и даже «саженками», а я держаться на воде научился, а плыть не могу. Так, может, метр проплыву. Мы с Тонькой бежим в воду, брызгаемся, ныряем, изображаем «поплавок» и «звездочку», чтобы другие не думали, что нам без них неинтересно. Постепенно к нам присоединяются остальные. Только Генка лежит на берегу и даже отвернулся от реки, чтобы, наверное, нас не видеть.

— Поплыли на тот берег! — предлагает Тонька. — Все плавать умеют?

Выясняется, что плавать умеют все, кроме меня.

— А тебе мы полено дадим, — находит Тонька выход из положения. — Ты держись за него и бей ногами, вот и поплывешь. Ну-ка, давай попробуем.

На Икороти много поленьев — то ли их сплавляют иногда по реке, то ли просто где-то недалеко заготавливают и часть бревен и поленьев по недосмотру попадает в воду. Тонька бежит за здоровым поленом, лежащим у самого берега, подволакивает его к моим ногам и показывает, как я должен вести себя в воде. Крепко ухватившись за полено, боясь даже пошевелить головой, я делаю ногами несколько лихорадочных движений. Как ни странно, но я действительно плыву!

— Молодец! — поощрительно кричит Тонька. — Поплыли!

И мы плывем на другой берег. До него совсем недалеко. Напряженно глядя прямо перед собой, я изо всех сил бью ногами по воде.

— Не торопись! — отплеивается рядом Тонька. — А то я за тобой не успеваю.

Благополучно добравшись до противоположного берега, я гордо вытягиваюсь на песке: захотел — и не испугался, переплыл. Видали бы мама и папа! Похвалили бы, пожалуй!

— Тоньк, — говорю я. — А ведь если папа приедет, а нас не будет, мы потом его всю войну не увидим.

— Плохо! — вздыхает Тонька. — Я его так люблю, так люблю, как не знаю кто!

— Мама — больше! — не соглашаюсь я.

— Мама по-своему, а я — по-своему! — Тонькины глаза делаются грустными-грустными.

Я завидую Тоньке: она знает папу лучше, чем я. Потому что старше меня на целых два года. Я как подросток, так папу и не видел почти: то он на Халхин-Голе, то он в Западной Белоруссии, то в Ленинграде, то в летних лагерях. А когда поменьше был и папа никуда не ездил, так я этого времени почти не запомнил. А Тонька счастливая — папа ее и два раза в лагерь с собой брал, и на юг в военный санаторий с ней ездил, потому что мама боялась за Тонькины легкие.

— Если с папой что-нибудь случится, я этого не переживу! — вздыхает Тонька.

— И я тоже! — говорю я, плохо представляя, как вообще можно жить на свете без мамы и папы.

— У Кашниковых всегда какие-нибудь секреты! — раздается над нами. Тети-Люсина Нинка возвышается около нас с Тонькой. Ее загорелые в синяках и ссадинах ноги торчат прямо перед моим носом, и я делаю то, что, наверное, сделал бы каждый уважающий себя мальчишка на моем месте: дергаю Нинку за ноги. Нинка с визгом плюхается на землю и начинает колотить меня по спине и обсыпать песком. Тонька — великий борец за справедливость — присоединяется к Нинке, и через минуту я лежу весь обсыпанный песком.

— Иди обмойся, и поплывем назад, — говорит сестра.

— Зачем? — искренне удивляюсь я. — Зачем мыться, если все равно сейчас в воду полезем? Само собой и обмоется все.

— Как хочешь, — машет рукой Тонька, и мы лезем в воду.

Снова все уплывают вперед, снова я, судорожно ухватившись за полено, бью ногами по воде, снова Тонька плывет сбоку, сторожа каждое мое движение. Я вижу приближающийся берег, Генку, стоящего пря-

мо напротив меня, ребят, уже добравшихся до цели. И вдруг мое спасительное бревно выскальзывает из рук и, легко колышась, уплывает куда-то в сторону. Я беспомощно колочу освободившимися руками по воде, испуганно шепчу: «Тону!» — и иду на дно. Но дойти до него мне не дает чья-то сильная рука. Она хватается за волосы и тянет вверх. А когда я выныриваю на поверхность, подталкивает вперед. Я снова иду на дно, но оказывается, что оно уже совсем рядом — я стою на нем, хоть на цыпочках, но стою. И вижу Генку, вылезавшего из реки.

У Тоньки испуганные глаза. Она подплывает ко мне и начинает меня ощупывать, словно какая-то часть моего тела могла в воде от меня отвалиться и потонуть:

— Живой?

— Живой, — отплеиваюсь теплой речной водой. — Наглотался только.

Мы тут же договариваемся: в лагере ничего никому не говорить, а то взрослые переполошатся, и наша свободная жизнь кончится.

В лагере по-прежнему тихо. Все куда-то подевались, и я вдруг отчетливо понимаю, что случилось действительно что-то очень страшное, если ходят целый день по лагерю двадцать человек детей, а взрослым нет до них никакого дела. Настроение мое сразу портится, и мне даже не хочется думать про вечер и ночь, когда будет еще хуже.

— Деточки, идите, я вас покормлю, — кричит тетя Люся, заметив нас, и мы лениво бредем в столовую. Снова вырастают перед нами тарелки с котлетами, пирожками и пирожными. Появляется грустная Лариса Федоровна — ей тоже хочется в город, а Степан Филиппович оставил ее вместо себя. Оказывается, вожатые, посоветовавшись, тоже уехали: здесь, в лесу, как-то все неясно, а в городе хоть новости узнать можно.

— А по радио что? — спрашивает Генка.

— По радио только марши играют, — говорит Лариса Федоровна и вдруг начинает плакать.

— Вы не волнуйтесь, — утешает вожатую Генка. — Все обойдется. Ей-богу, обойдется. И война быстро кончится. А если уж вам очень нужно, то поезжайте в город вечерним пароходом. Мы переночуем одни.

— С мамой, — уточняет поварихина Нинка. — Она ж не уехала!

— Нельзя! — вздыхает Лариса Федоровна. — И плачу я не из-за того, что здесь сижу, а так... вообще... Из-за войны!

Мы утешаем нашу плачущую вожатую, наперебой угощаем ее сладостями, но Лариса Федоровна ест как-то неохотно, машинально, задумчиво. Глядя на нее, и мы заканчиваем ужин в молчании.

— Деточки! — всплескивает руками тетя Люся. — Да разве можно ж так плохо кушать? Вы ж ничего почти не съели! Скиснет же все, деточки! Ну хоть пирожные скушайте! Нет! Я никого из вас отсюда не выпущу, пока вы все пирожные не съедите!

Я так наелся, что даже мысль о необходимости снова жевать сладкие пирожные кажется мне ужасной. Наверное, и остальные чувствуют то же самое.

— Тетя Люся, — просит Генка, — вы нам дайте с со-

бой в палату, мы перед сном обязательно с ними справимся, а сейчас не хочется.

— Хорошо, — соглашается тетя Люся. Она накладывает в пять или шесть тарелок пирожные и сует их нам в руки:

— Идите, а перед сном покушайте.

С тарелками в руках мы плетемся к палате первого отряда, где решили переночевать все вместе (чтобы не так страшно было). В руках у нас тарелки с ненавистными пирожными.

— Стойте! — вдруг командует Генка, когда мы отходим подальше от столовой. — Сейчас устроим соревнование по стрельбе.

Он подходит к какому-то деревянному щиту, оглядывается, поднимает с земли кусок кирпича и рисует на щите неровные круги с красным центром посередине. Затем отмеряет десять шагов от щита и носком проводит на земле черту.

— Ставь тарелки! — приказывает Генка, и мы, наконец, понимаем, что он задумал.

— Я не разрешаю кидаться пирожными! — Тонька стоит перед Генкой, сжав кулаки.

— А я тебя и спрашивать не буду! — Генка отскакивает в сторону и запускает пирожным в щит. Белый крем залепляет красный кружок в центре. Здорово!

— Вы... вы... дураки! — кричит Тонька. — Нельзя хлебом кидаться!

— А это не хлеб! — азартно кричу я и запуливаю пирожным по щиту. У меня получается не так точно, как у Генки, но все же в круг я попадаю. — Ура! Смерть пирожным!

— Вы еще об этом пожалеете! — угрюмо говорит Тонька и гордо уходит.

Вместе с ней уходят несколько человек, а остальные лупят по щиту пирожными до тех пор, пока тарелки не пустеют, а щит не покрывается разноцветным кремовым месивом.

— Вот, — говорит Генка, — мы обещали тете Люсе расправиться с пирожными — и расправились! Правда, ребята?

Мы подтверждаем справедливость Генкиных слов, хотя, конечно, залепанный кремом щит нас немного смущает: придет завтра Степан, и мы можем погореть. Наверное, Генка думает о том же, потому что одному из нас он приказывает собрать тарелки и отнести незаметно в столовую, а других рассылает за лопухами. Когда лопухи сорваны, Генка добросовестно счищает крем и кирпичные круги.

— Порядок! — отходит он на два шага и любит своей работой. — Комар носа не подточит!

Грязные листья лопухов мы выбрасываем в кусты боярышника и, довольные, идем в палату. Тонька дует на нас не смотрит и не разговаривает с нами. А перед самым-самым сном, когда мы уже лежим в кроватях (девочки — налево, мальчики — направо), появляются Лариса Федоровна и тетя Люся. В руках они торжественно держат тарелки, укрытые марлей.

— Деточки, — улыбается тетя Люся, — чтоб вы не грустили утром, мы вам еще гостинцев принесли! Кушайте на здоровье!

Генка как-то странно взвизгивает и начинает

извиваться на кровати. Сначала мы все пугаемся, а потом видим, что он просто смеется так. Глядя на него, начинаем хохотать и мы. Только Тонька лежит молча и смотрит на тарелки с пирожными грустными глазами. Тетя Люся и Лариса Федоровна, конечно, не понимают, в чем дело. Они глядят на нас и на всякий случай улыбаются. Потом ставят тарелки на тумбочки возле кроватей.

— Поделитесь, чтоб всем досталось поровну! — строго говорит Лариса Федоровна.

— Обязательно! — весело орет Генка. — Расправимся с пирожными, будьте уверены!

— Бедные деточки, — вздыхает тетя Люся, — ешьте, пока еще есть, скоро ведь ничего не будет!

Она с Ларисой выходит, и Генка, вскочив и убедившись, что мы одни, пыгается тут же, в палате, начать новое соревнование на меткость.

— Только попробуй! — кричит Тонька, вскочив во весь свой рост на кровати и завернувшись в одеяло, отчего она очень похожа на древнюю статую (на картинках видел). — Только попробуй! Я тебя убью!

Наверное, в голосе Тоньки слышится нечто такое, что останавливает Генку. Недовольно бурча, он забирается под одеяло и затихает. А вскоре засыпает и вся наша палата...

Утром я просыпаюсь от громкого чавканья под ухом. Первое, что я вижу, открывши глаза, это широкий Генкин рот, жующий пирожное.

— Вкусно! — говорит он. — Ешь, а то уже мало осталось.

На тарелке от горки пирожных и впрямь осталось только три штуки. Я беру одно: вчерашний день стоит в памяти, и мне кажется, что ничего сладкого я теперь в рот взять не смогу. Однако начинаю есть, и все мои страхи проходят: пирожное оказывается вкусным и ничуть не надоевшим.

— Дураки мы, Генка, вчера были, — говорю я.

— Дураки, — соглашается Генка. — Надо было на утро все оставить — ничего бы с ними не случилось.

— Штук пятнадцать уничтожили, — прикидываю я.

— Двадцать одно, — поправляет Генка, — я считал. Вот дураки-то! Подъем что ли? Чего нас никто не будит?

Мы вылезаем из-под одеял, наскоро одеваемся и выбегаем на улицу. В лагере по-прежнему тихо и пусто, только от столовой доносятся чьи-то голоса. Мы с Генкой идем туда.

— Проснулись, деточки? — радостно встречает нас тетя Люся. — Сейчас я вас кормить буду!

Тетя Люся, сидя на скамеечке, чистит картошку. Рядом с ней стоит Степан Филиппович и что-то объясняет. Когда же он успел вернуться? А мама где? Я хочу спросить об этом, но стесняюсь Генки. Подумает, что я маленький и по мамке соскучился. Но Степан Филиппович, наверное, умеет читать мысли на расстоянии.

— Вчера вечером мне звонила Дарья Михайловна и просила передать, что придет к концу дня. Вам с Тоней придется ждать ее, — говорит он. — А лагерь наш закрывается. Всех, кто хочет, мы переводим в «Красные зори».

— А кто не хочет? — спрашивает Генка.

— Тех вернем в город. Даже если родители за ними не приедут. Впрочем, все родители уже оповещены.

— Да нас и так мало осталось, — сообщает Генка.

— Тем лучше, — говорит Степан Филиппович. — Значит, Людмила Ивановна, мы договорились: готовим завтрак и закрываем кухню.

— Ох, беда, беда, — вздыхает тетя Люся. — Пришла беда — отворяй ворота! И кто эту проклятую войну только выдумал?

— Гитлер! — говорю я.

— Вот его бы и... — тетя Люся размахивает ножом, показывая, как бы она расправилась с Гитлером.

Когда мы возвращаемся в палату с последними новостями, там уже все встали. Все радуются, что лагерь закрывается — значит, за ними сегодня приедут. Только мы с Тонькой не веселимся: папа уедет на фронт без нас, мама все равно отправит нас в «Красные зори», да еще неизвестно, поедет ли она туда сама — ведь там, наверняка, свой врач есть.

Так все и выходит. Мама приезжает последним пароходом, когда в лагере, кроме нас и Нинки, повариной дочки, никого не остается. У мамы заплаканные глаза и осунувшееся лицо. Выясняется, что от папы ничего нет, что вещи ему мама на всякий случай приготовила, что бабушку и дедушку, гостивших в Москве, к себе домой — на Украину — не пустили, что они будут жить у нас, пока война не кончится, что Павлик — тети-Танин сын, наш двоюродный брат, записался в ополчение, что сводки *пока что* неутешительные, что маме, видимо, придется *взять* поликлинику, так как главный врач уходит на фронт, что, поскольку лагерь закрывается, а маме в городе с нами некогда возиться, она уже договорилась с кем надо и нас переправляет в «Красные зори». На все лето.

Мы слушаем маму с хмурым видом, хотя понимаем, что спорить с ней бесполезно: все равно будет так, как она решила.

— Когда в «Зори»? — спрашивает Тонька.

— Завтра с утра, — решает мама. — Милое дело по утренней заре погулять по лесу. И всего-то десять километров. Вы же у меня молодцы? А?

Хлеб

— Гле-е-б! Гле-е-б! — разносится по двору.

Я узнаю бабушкин голос. Ничего хорошего он мне не сулит: опять пошлет за чем-нибудь. Так и есть!

— Глеб, — говорит бабушка, когда я подхожу поближе к раскрытому на втором этаже окну. — Поднимись домой, возьми хлебные карточки и сбегай их отоварь.

Ничего себе «сбегай»! Я знаю, что значит сбежать за хлебом. Это часа два простоять надо в очереди. Да еще неизвестно, достанется ли. А тут прятки. Самый разгар. Не пойду!

— Пусть Тонька идет! — кричу я. — Мне некогда!

— Тоня ушла в госпиталь, к раненым. У них там концерт. И придет скоро.

— Значит, Тонька пляшет, а ты отдувайся! Так, да?

— Ты же взрослый человек, Глеб? Не спорь!

— Никакой я не взрослый. Я маленький. И могу потерять карточки! И тогда все мы останемся без хлеба. Вот.

Бабушка, прищурившись, внимательно смотрит на меня сверху вниз.

— Ну, хорошо, — после некоторого раздумья говорит она, — я пошлю дедушку. Ты и в самом деле маленький.

— И ничего не маленький! — я уязвлен. — Ничего даже не маленький! Давай карточки — схожу!

— Поднимись! — командует бабушка.

И я бегу наверх. Еще чего не хватало, чтобы дед стоял в очереди за хлебом. Дедушка, которому и ходить-то трудно, а тут в тесной очереди стоять. Бабушка уже ждет меня у открытой двери:

— Вот сумка, вот карточки, вот деньги! Смотри не потеряй! Я тебя жду.

— Не маленький! — ворчу я. — Чего меня ждать? Не потеряюсь.

Пять разноцветных листочков летят в карман брюк. Размахивая сумкой, мчусь в магазин. Благо, он рядом. В магазине — первое разочарование: хлеба нет. Очередь человек в сто понуро извивается по двум небольшим зальчикам. Ждет хлеба. Говорят, привезут.

— Кто последний?

— За мной, мальчик, будешь, — говорит старуха, согнувшаяся в три погибели. Впечатление такое, что низко опущена ее голова. Но старуха не выпрямляется, и я понимаю, что какая-то неведомая сила скрутила ее и держит в таком неудобном положении.

Стою. Деваться некуда. Если сегодня не отоварить, дневные талончики пропадут. Так уже было, когда я или Тонька не хотели дожидаться привоза. А без хлеба плохо. Просто ужасно плохо. Он съедается весь до последней корочки. И когда он съеден полностью, я все равно с какой-то одержимостью шурую в шкафчике, где он обычно лежит. А вдруг хоть маленький кусочек завалился! Например, за тарелку. Однажды рука моя наткнулась за посудой на что-то мягкое. Мышь! Наверное, и она забралась в шкаф за тем же самым. Безжалостно вышвырнув мышь в окно (ни отращения, ни брезгливости я тогда не почувствовал — скорее, обида была, что объявился конкурент), я уныло выяснил, что хлеба — увьи! — нет.

А ведь совсем недавно его было так много. Небрежно нарезанный, он россыпью лежал в хлебнице, крошился, сох, выбрасывался, служил вместо тряпочки и совка, когда нужно было убрать обеденный стол. Я бросал хлеб в аквариум к рыбам и смотрел, как они им обжирались. Я кормил хлебом шумных ворон, в изобилье расселившихся на старых липах нашего двора. Я выбрасывал недоеденные куски, потому что видел, как мама, лукаво улыбаясь, доставала из буфета мой любимый торт «Полено» или нашпигованную изюмом буханку кекса. Я лепил хлебные шарики и исподтишка запускал ими в Тоньку, сидящую за обеденным столом напротив меня.

И вдруг все это исчезло — и торты, и кексы, и булки, и хлеб. Обыкновенный черный хлеб. То есть он, конечно, не исчез совсем. Но его стало так мало, что я сразу же это почувствовал. Кило шестьсот в день. На всех! Это было ужасно! Еда наша стала скудной и однообразной, нам все время хотелось есть, и хлеб

стал единственным продуктом, который у нас был ежедневно. Если, конечно, удавалось отovarить карточки.

Уже в сентябре я взбунтовался:

— Вы меня объедаете! — заявил я однажды за обедом в воскресенье, когда все были в сборе.

— Как это «объедаете»? — удивилась мама. — Тебе что, не достается?

— Достается, но мало, — объяснил я. — Мне полагаются 300 грамм хлеба. Это сколько?

— Куска четыре, — неуверенно сказала мама.

— Ну вот, а я больше трех не съедаю! Значит, кто-то съедает часть моей нормы. А я голодаю.

За столом стало тихо. Сестра молча в упор разглядывала меня, будто видела впервые. Дедушка, углубившись в себя, помешивал ложкой гороховый суп. Бабушка выжидающе смотрела на маму.

— Так, — сказала мама, — получается, что мы тебя объедаем. Ребенок голодает, но терпит, а мы бессовестно этим пользуемся. Так дальше продолжаться не может. У кого какие предложения?

— Я буду с Глебом делиться, — поспешно сказал дедушка. — Мальчик растет, ему надо больше есть. А мне и двух кусочков хлеба в день хватит.

— Так, — сказала мама, — еще есть предложения?

— Есть, — сказала молчаливая дотоле Тонька. — Я предлагаю иначе. Если мы Глеба объедаем, то пусть он ест отдельно.

— Как это отдельно? — испугался я. — Я же не умею готовить!

— Хлеб отдельно, а все остальное — общее. Давайте Глебу отдельно отovarивать его карточку!

— Правильно! — обрадовался я. — Отovarивайте мне отдельно.

— Прекрасно! — сказала мама. — Но чтобы ты никаких претензий к нам после этого не предъявлял! Товарищи! Все слышали? Глеб съедает свой хлеб самостоятельно. Сугубо самостоятельно!

Мне очень понравилось это мамино «сугубо». От него веяло какой-то взрослостью и значительностью. Это придавало мне вес в собственных глазах. Я — хозяин собственного хлеба. Хочу ем, хочу не ем! Я распоряжаюсь им сугубо са-мо-сто-ятель-но!!!

— Но прошу всех (к тебе, Глеб, это не относится) проявить сознательность, — закончила мама, — у Глеба хлеба не просить и своего не предлагать.

— Можешь на меня положиться, мамочка, — сказала твердо Тонька, — он у меня корочки не выпросит.

— Да, да, — кивнул дедушка, — вот мудрое решение вопроса. Ты слышишь, бабушка, вот мудрое решение вопроса.

— Я буду держать Глебов хлеб на отдельной тарелке, чтобы Глеб всегда видел — его порцию никто не ест, — предложила бабушка.

— И прекрасно, — потрепала меня мама по голове. — Ты доволен, Глеб? Как видишь, все единодушно решили пойти тебе навстречу.

Так я стал обладателем собственной дневной порции хлеба. Порция была невелика — четыре небольших куска. Кто бы ни отovarивал карточки, мою порцию бабушка держала особняком — открыв шкафчик, я всегда видел на отдельной тарелке четыре своих

куска. Я мог распоряжаться ими как хотел: мог съесть сразу, мог растянуть удовольствие на весь день, мог съесть за обедом два куска, а мог и три! Это был мой хлеб! Когда бабушка звала меня есть, я демонстративно гремел тарелкой, чтобы напомнить о своем праве распоряжаться собственным хлебом сугубо самостоятельно. Я, как бы раздумывая, доставал один кусок, потом разламывал его на две части и половинку оставлял себе, а вторую половинку куска откладывал назад, на тарелку. Затем я вставал и нехотя, словно исполнял тяжелую и неприятную обязанность, лез за второй половинкой, заодно прихватывая второй целый кусок. Я ел солидно и неторопливо, чтобы все видели: я ем свой хлеб, когда хочу и сколько хочу!

Впрочем, став хозяином своей порции, я все равно не ел хлеба вдоволь. Норма была мала, а есть хотелось почти непрерывно, и к концу первой недели моей «самостоятельности» я обнаружил, что уже к обеду на тарелке ничего не оставалось. Сначала я горяча решил, что это Тонькины козни: не приворовывает ли она потихоньку от моей порции? Но два дня строгого наблюдения и тайных замечок привели к печальному выводу: мои четыре куска съедаю я один. Съедаю почти весь хлеб сразу.

Тогда я стал хитрить. Утром, до школы (мы занимались во вторую смену), я стал поскорее убежать из дома. Подальше от тарелки с моим хлебом! Пусть он лежит, я всегда успею его съесть. Но перехитрить себя не удавалось. Неведомая сила влекла меня домой.

— Я сейчас! Мне надо! — шептал я Вольке.

И мчался домой.

— Ты чего? — удивлялась бабушка. — В школу опоздаешь! Или случилось что?

— И ничего не случилось, и никуда не опоздаю, — бурчал недовольно я. — Что же человеку уже и домой прийти нельзя?

И, улучив момент, прокрадывался к шкафчику. Мгновение — и кусок хлеба у меня в кармане.

— Я скоро приду! — кричу я бабушке уже с лестницы. — Разогревай обед!

В обед было хуже всего. Приходила из школы Тонька, собирался в школу я. Мы садились напротив друг друга, Тонька деловито расставляла четыре тарелки и раскладывала ложки. И доставала *общий* хлеб. Она отрезала от такой большой буханки (просто удивительно, какими большими бывают буханки!) три здоровых куска хлеба и изучающе смотрела на меня. И ничего не говорила. Ни-че-го! Лучше бы уж спрашивала. Например: «Глеб, почему ты ешь без хлеба?» Или: «Я так наелась сегодня в школе. Хочешь, Глеб, я дам тебе кусок *общего* хлеба?» Но Тонька молчала, а бабушка и дедушка (эгоисты и черствые люди!) просто не замечали, что их внук ест суп без хлеба и уйдет в школу голодный. Потому что весь хлеб он уже съел!

— Ешь с хлебом! — нейтрально говорила бабушка, но я-то знал, какой хлеб она предлагала мне есть!

— Спасибо, я сыт! — бодро говорил я и убежал в школу. Подальше от их хлеба, от пустой своей тарелки, от Тонькиного ехидного взгляда.

Однажды, придя из школы, я обнаружил на своей тарелке кусок хлеба. Я был уверен, что съел свой хлеб

еще утром, до ухода в школу. Я помнил, что стращивал немногочисленные крошки с тарелки и привычно заглядывал за нее — не обломился ли кусочек, не свалился с тарелки незамеченный. И вот — целый кусок. На *моей* тарелке мог лежать только *мой* кусок хлеба. Таков был уговор. Значит, я просто забыл. Конечно же, я просто забыл. Могут же быть у человека провалы в памяти. Я читал, что какая-то женщина проспала в Швеции пятьдесят лет, а потом проснулась. И ничего! А тут человек просто немножко забыл — съел он свой хлеб или не съел. Сначала казалось, что съел. А теперь выходит, что не съел.

— Ребята, идите ужинать! — позвала бабушка.

Мы сидим с Тонькой на своих местах, и меня мучают терзания: доставать хлеб или не доставать. Если бы это был *мой* хлеб, я бы его конечно же достал бы. Но я не уверен, что это хлеб мой. Правда, он лежит на *моей* тарелке. Раз хлеб лежит на *моей* тарелке, значит, он мой. Вон и Тонька, как всегда, достает *общий* хлеб. Его, как всегда, очень много. Значит, у *них* не убьют. Значит, на *моей* тарелке — *мой* хлеб.

— Ты, Глеб, последнее время почему-то норовишь без хлеба есть, — говорит бабушка. — Без хлеба сыт не будешь. А потом кусочничаешь. Вот и сейчас экономишь. Возьми свой хлеб и ешь немедленно. За ужином!

Она достает мою тарелку с моим хлебом и ставит рядом с общим. Я, как ни в чем не бывало, маленькими щепотками отщипываю от *своего* куска. Сестра подозрительно смотрит то на меня, то на бабушку. Но молчит.

На следующий день все повторяется. Снова я съедаю (теперь я точно знаю, что съедаю) весь свой хлеб и снова, вернувшись из школы, обнаруживаю на своей тарелке кусок неизвестно откуда взявшегося хлеба. Меня кто-то подкармливает. Но кто? Мама? Она целый день на работе и о том, что происходит с моим хлебом, вряд ли знает. Тонька? Это исключено. Тоньку я отвергаю сразу бесповоротно, зная ее вредный принципиальный характер. Бабушка? Бабушка может, но она не захочет ссориться с мамой. А мама строго-настрого запретила кому бы то ни было вмешиваться в «эту историю». Значит, дедушка? Дедушка добрый и не больно-то маме подчиняется. Он часто делает все по-своему. Ну, что ж, последим за дедушкой.

Но следить за дедушкой никак не удастся. Во-первых, я хожу в школу каждый день, а во-вторых, когда я дома, дедушка почти все время лежит, и мне скоро надоедает игра в сыщика. Еще пару дней я держусь, а потом не выдерживаю.

— Давайте все вместе есть наш хлеб, — предлагаю я, дождавшись возвращения мамы с работы. — Мы же одна семья. Я хочу быть со всеми.

— А потом опять скажешь, что мы тебя объедаем, — мама, кажется, непреклонна. — Нет уж, ешь свой хлеб один.

— Не скажу, — говорю я. — Честное слово, не скажу.

— Мам, — говорит Тонька, — пусть уж он будет с нами. А то совсем отобьется от рук.

— Ну, если отобьется... Тогда, пожалуй, — соглашается мама. — Но при одном условии: не пицать!..

Как давно это было! Почти год назад. Я стою в молчаливой безнадежной очереди и жду.

— Давеча в «шестнадцатом» пять часов стояла, а привезли триста буханок. Кончились передо мной, — слышится чей-то глухой голос.

— И-и, голубка, пять часов — не время. Вчера яичный порошок давали, так я впогьмах пришла, впогьмах и ушла.

— Яичный порошок — это вещь! — надтреснутый стариковский голос кажется мне знакомым. Ну да, так и есть: дядя Коля. Он стоит куда ближе к прилавку. Хорошо бы перебраться к нему! Но как? Очередь бдительно следит за движением внутри магазина.

— Порошок-то? — отвечает женщина. — Еще бы! Яичницу можно жарить. Блинцы. В супец опять же.

Яичный порошок — новинка. Поэтому вся очередь прислушивается к разговору. Меня же интересует другое: как бы перебраться к дяде Коле. Топчусь, не зная, что предпринять.

— Не елози, не елози! Шило у тебя што ли? — хлопают меня сзади. — Стоишь — и стои!

— Я стою! — обидчиво тяну я, рассчитывая, что дядя Коля меня услышит, обернется и позовет к себе. Но дядя Коля не оборачивается. Его вообще не видно в полутемном зальчике за спинами ожидающих.

— О, господи! Война разве разбирает — всем плохо. И дитям плохо, и старикам плохо, и мужикам плохо, и бабам! — вздыхает тетка, объяснявшая, как пользоваться яичным порошком.

— Ну уж, баб не равняй, — возражает кто-то. — Кому плохо, а кому и нет. У меня соседка припеваючи живет. Мужика ее мобилизовали, он ей аттестат выправил, а она на этот аттестат гуляет. Отработает — и гуляет. Цельные вечера гуляет.

— Молодая — вот и гуляет, — слышится дяди-Коллин голос. — Факт, конечно, прискорбный, но вполне объяснимый.

— Объясни, объясни, мил человек, — говорит тетка. — Просвети нас, необразованных, как это при живом муже гулять можно.

— Естество, — коротко говорит дядя Коля. — Естество, уважаемые, требует своего. Природа! Война — свое, а человек — свое. Война — «умри!» А человек — «жить хочу!» «Любить хочу!» Еще Горький писал...

— Горький... сладкий, — бормочет недовольно тетка. — Слишком уж все учено. Учено — да верчено! Не в войне дело, а в вере! Вера должна быть!

Последние слова тетка почти кричит, и все обращаются на ее крик.

— А я так скажу, — тетка, видать, распалилась, — война не война, а себя соблюдай! И мужика своего жди! И дитям не дай помереть! Костьми ляжь, а не дай!

— Ты, Марусь, нервы-то понапрасну не трепи! — успокаивает тетку кто-то, видимо, знающий ее. — И Колька твой вернется. И дети будут здоровы!

Магазинчик у нас маленький, давний. И район старый, почти без новостроек. Все давно друг друга знают.

— Кольке-то моему возврата нет, — тихо говорит Маруся. — Убили моего Кольку. Под городом Харьковом убили. Две недели как убили. А только все равно ждать мужиков надо. Я не дождалась, другие пуцай дождутся. А естество тех, дед, подождет! Ничего с ним не случится.

За окнами слышится громоханье колес. Мелькает синий облезлый фургон.

— Хлеб привезли! — кричит кто-то, и сразу очередь оживает — она, как гусеница, переваливается, то сжимаясь, то разжимаясь. Витки ее, уложенные лентой в двух залах, начинают колыхаться. Мы стоим спина в спину так плотно, что выйти теперь из очереди просто невозможно.

Я вытягиваю шею, приподнимаюсь на цыпочки, пытаюсь увидеть, что там впереди.

— Четыреста буханок привезли! — передают по цепочке. — На всех не хватит.

Скрюченная старуха, стоящая передо мной, что-то шепчет — считает что ли. Не поймешь. Задние напирают на нас, мы подталкиваем впереди стоящих. Шаг за шагом я двигаюсь к прилавку. «Если дойду до поворота к одиннадцати, то в школу успею», — загадываю я. — Лишь бы хлеба хватило». От поворота до продавщицы, ловко орудующей огромным ножом, человек двадцать пять, не больше. Но до поворота!..

В магазине пахнет теплым хлебом, разгоряченными телами, еще чем-то, не пойму никак, чем. Духотища! Но все медленно и мерно движутся кругами, завистливо поглядывая на тех, кто уже отоварился.

— Ой! — раздается вдруг крик. — Что ж это такое, бабоньки!

Шумная Маруся медленно оседает на пол. Даже не оседает, а как-то боком вываливается из очереди и падает внутри витка. И без того землистое одутловатое лицо ее сереет. Рот то сжимается, то разжимается. Рука, вытянувшись вперед, вдруг падает, и Маруся замирает.

К Марусе бросаются сразу несколько человек.

— Воздух! — кричит кто-то. — Двери откройте!

Двери открываются настежь, нас окатывает прохладой весеннего дня. Продавщица бакалейного отдела бежит со стаканом воды. Кто-то пытается влить эту воду через плотно сжатые губы женщины.

— Есть тут кто-нибудь из медперсонала? — кричит Марусина знакомая. Она стоит перед Марусей на коленях и пытается подложить под голову скомканный платок.

— Если позволите, я медсестра, — говорит скрюченная старуха, стоящая передо мной. — Я, правда, давно уже не практикую. Но, может, я чем-нибудь помогу гражданке. Мальчик, не забудь, я перед тобой.

Старуха выполняет из очереди и щупает пульс лежащей на полу женщины. Потом, закрыв глаза, медленно возвращается назад.

— Ну что? — кричит знакомая. — Куда же вы?

— Я бессильна, — шепчет старуха. — Ее больше нет.

— У нее же четверо детей! — кричит знакомая. — Этого не может быть! Она же здоровая баба! Ей и сорока нет!

— Сердце! Слабое сердце! Проклятая война! — старуха говорит еле слышно, но вдруг становится так тихо, что слова ее, сказанные шепотом, слышат все. — Надо вызвать карету скорой помощи. Пусть отвезут.

Мне кажется, что сейчас вся очередь разбежится: покойник же рядом. Но никто никуда не разбегается.

Крестятся старухи, плачет Марусина знакомая. А другие даже не плачут. Не смотрят друг на друга, молча стоят в своей очереди. И даже поругиваются, потому что в суматохе многие потеряли свои места.

Что-то подкатывает к горлу. Я стараюсь не смотреть туда, где лежит Маруся. Откуда-то из магазина приносят три стула. Их ставят рядом и укладывают женщину, закрыв лицо платком. И пока машина скорой помощи не приходит, вся очередь медленно движется кругами вокруг умершей, словно прощаясь с ней.

...В одиннадцать с минутами я оказываюсь у поворота. Так, впереди сколько... Раз... два... восемь... одиннадцать... восемнадцать... двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь. Я двадцать восьмой. А буханок сколько? Считаю буханки, лежащие на полках за спиной у продавщицы: восемь... десять... пятнадцать... В каждой буханке — два кило. Значит, тридцать килограммов. Хватит или не хватит? Если каждому по килограмму — хватит. А если больше? Пытаюсь пересчитать карточки. Куда там. Каждый зажал их в руках так цепко, что их и разглядеть-то невозможно. Пятнадцать человек... четырнадцать... десять... На полки лучше и не смотреть — буханок семь или восемь осталось. Достанется — не достанется?

— Граждане! Не занимайте больше! Хлеб кончается! — кричит продавщица. — Осталось семь буханок. Всем все равно не хватит.

— А привоз будет? — требует ответа очередь.

— Почем же я знаю, — пожимает плечами продавщица. — Я не завмаг. У нее спрашивайте.

Очередь снаряжает добровольцев к завмагу, а я подталкиваю старуху вперед.

— Мальчик, ты очень торопишься? — оборачивается моя соседка. Она не столько, видимо, спрашивает, сколько иронически пытается меня усовестить.

— Очень, — говорю я. — В школу опаздываю.

Старуха неожиданно предлагает:

— Тогда давай поменяемся. В школу надо приходить вовремя. А мне спешить некуда.

Я гляжу на старуху с сомнением: она что, не понимает что ли? Хлеба-то может не хватить. Уступит очередь — а хлеба не достанется.

— Ничего, я постою, — говорит старуха, словно угадывая мои мысли. — Мне уже совершенно некуда спешить. А хлеб я отовариваю только по одной карточке. Триста грамм. Становись вперед, слышишь? Становись!

Старуха заговорщически подмигивает мне и пытается пропустить меня вперед.

— Спасибо, — отбрыкиваюсь я. — Уже близко. И я успею. Мы оба успеем.

Пять человек... четыре... три... два... Старуха протягивает свою карточку продавщице и внимательно следит за тем, как та отрезает ломоть теплого хлеба и бросает его на весы.

— Ваши триста, — говорит продавщица и протягивает руку к моим карточкам, — все, граждане, хлеба больше нет. Отовариваю последнего.

«Хоть бы достался довесок», — с надеждой слежу я за тем, как размахисто отрезает продавщица на гла-

зок нашу норму. Довесок — это плата за трехчасовую очередь. За страх, что не хватит. За духоту и ругань. Довесок — он же *ничей*. Он как бы не существует. Его могло бы не быть. Ведь запросто можно не довесить. Если бы недовесили, я бы и спорить не стал. Но раз есть довесок, не нести же его домой. Он совсем маленький рядом с такой большой буханкой...

— Твои кило шестьсот, — говорит продавщица, снимая с весов хлеб. — Все, граждане.

— А довеска не будет? — спрашиваю я. — Все ровно?

— Довеска не будет. Глаз — ватерпас! — смеется продавщица.

Я вижу, как стоявшие сзади рассаживаются прямо на пол — витками по всему магазину — «возможно, хлеб будет», — обнадежил завмаг. Я вижу неубранные стулья посреди зальчика, я рад, что постоял не зря и хлеб мне достался, я поворачиваюсь и иду прочь — мимо сидящих людей; мимо продавщиц, шепчущихся в углу за прилавками; мимо сбившихся в кучку стульев, на которых лежала женщина, так и не отоварившая свои хлебные карточки — я ухожу отсюда, и в сумке у меня лежит хлеб. Хлеб на сегодня. Я приду сюда и завтра, и послезавтра. Я ежедневно хожу сюда. За обыкновенным черным хлебом.

Павел Пономарёв Забытая повесть, или Завещание Льва Кройчика

Лето прошлого года. Горячее, пыльное, душное. Вечер.

Рита Николаевна по обыкновению хлопочет на кухне, заваривая чай. В такую духоту? (Пусть уже вечернюю, но еще не спавшую.) Конечно — горячий (почти кипяток), крепкий, черный. После работы — самое то.

— Павлик, я наконец-то нашла рукопись Льва Ефремовича «В ста километрах от войны».

Я слышал о ней совсем немного — от той же Риты Николаевны: что писалась в середине семидесятых; что это — о родных, о войне; что Рита Николаевна постоянно подгакивала: «Лёвушка, пиши — пока есть время и ты не так занят. Пока все помнится».

— Рита Николаевна, а что это по жанру? По форме? — спрашиваю.

— По жанру — кажется, повесть. А по форме — ну вы же знаете Льва Ефремовича — он все — о себе. О себе, о том, как жили в войну...

— То есть детские воспоминания?

— Ну почти...

1

Конечно, это не воспоминания. Вернее, воспоминания, но не по форме. Да, автор — ребенок войны (в 1941-м Льву Ефремовичу Кройчику было семь лет) — пишет о своем детстве. Пишет из 1977-го — уже сорокалетним зрелым мужем — отцом двух детей. Конечно, функция памяти в данном случае — первостепенная. Она играет главную роль. Она — ключевой механизм в создании повести. Но ведь — повести.

Об авторе: Павел Пономарёв – аспирант факультета журналистики ВГУ.

Повесть — жанр произведения художественного. То есть предполагающий художественную обработку материала: создание образной картины авторского мира — мира произведения. Опора на созерцательное начало. Быто- и живописание. Воплощение авторского замысла в систему, элементы которой — сюжет, фабула, персонажи и др. (кстати, наличие всех элементов в одном произведении совершенно не обязательно) — взаимосвязаны. Наконец, вымысел, который тоже имеет место в художественном произведении.

Все это в забытой (или напротив — обретенной) повести Льва Кройчика «В ста километрах от войны» есть.

Правда, пропорции порой несоразмерны.

Я имею в виду следующее: в повести Льва Кройчика нет четкой границы между двумя форматами — художественной прозой и публицистической мемуаристикой. Линейное движение неясного сюжета держится на переходе от одной главы к другой, где каждая глава — отдельная самостоятельная история из военного (не фронтового, а военного) детства автора, вспоминаемая и описываемая им.

А сюжет прост: десятилетний мальчик, живущий со своей семьей в городе, удаленном от боевых действий, но каждодневно могущем попасть под них, превращается в маленького взрослого человека, воспитываемого войной. Он не видит ее, но понимает; он не знает ее, но ощущает.

Сам автор, кажется, не может провести эту границу между художественным и мемуарным форматами. По той лишь простой причине, что в 1977 году еще не в полной мере овладел инструментарием прозаика.

В 1977 году Лев Кройчик — доцент кафедры журналистики филологического факультета, кандидат филологических наук, уже громко заявивший о себе фельетонист и теоретик газетного фельетона, актив-

но пробующийся в литературоведении и критике, наконец, журналист большого стиля — публицист, формирующий в литератора. И — бывший худрук Театра миниатюр ВГУ, пробывший на этом посту без малого пятнадцать лет.

Опыт театрала позволил Кройчику испробовать себя в разных ипостасях: сценариста и постановщика; автора стихов, зонгов, песен; идейного вдохновителя и лидера. Кройчик не только узнал театр, литературу, искусство — он узнал людей искусства. Людей в принципе. На то работал и организаторский, и педагогический опыт: Кройчик — куратор ученических и руководитель так называемых «проблемных» групп, работающих над книгами по истории университета. Кройчик — их составитель и редактор. Кройчик — всегдашний ведущий университетских праздников; Кройчик постоянно — со студентами на картошке.

Надо еще знать специфику учебного процесса на отделении журналистики того времени. Одной из форм студенческих дипломных работ была так называемая творческая работа: диплом представлял собой полноценное художественное произведение (как правило, в жанре повести). И Лев Ефремович активно «эксплуатировал» данную форму — большинство дипломников Кройчика защищали именно творческие работы. Я думаю: а не закралась ли в голове учителя в тот момент мысль — чем он хуже своих учеников? Не пришло ли, наконец, и его время — время (для) большой литературы?

И появилась «В ста километрах от войны».

Она не могла не появиться именно тогда — она не могла не быть о войне.

Пять лет спустя в знаменитых «Покровских воротах» герой Леонида Броневского поет сатирические куплеты: «Эйзенхауэр болен войной».

В семидесятых войной уже, кажется, переболели. Но была необходима новая прививка — взамен начинающей ослабевать старой: сменилось поколение — достигли опыта, зрелости дети фронтовиков — те, кого впоследствии назовут «детьми войны». Лев Кройчик — из их поколения.

Отметили тридцатую годовщину Победы.

Советские писатели в своих произведениях то и дело обращаются к теме ребенка военных лет. Воронежские авторы — в их числе. Вспомним «Я жду отца» Юрия Воищева, воспоминания Валентина Семёнова.

Наконец, не обходит военную тему тот же Театр миниатюр: война в его постановках начала — середины семидесятых «Память», «Была бы Родина» — масштабная, объемная, священная и поистине — отечественная.

Как бы подсознательно, по наитию, по настроениям в воздухе Лев Кройчик обращается и к своим воспоминаниям военных лет.

2

«В ста километрах от войны» — повесть автобиографическая.

Сегодня, когда издана книга воспоминаний Л. Е. Кройчика «Тогда...», я не перестаю то и дело обращаться к ней. И — невольно — сравнивать эти две работы. Что не вполне правильно, поскольку оба произ-

ведения — самодостаточны и независимы друг от друга.

«В ста километрах от войны»:

— *Поплыли на тот берег! — предлагает Тонька (старшая (но ненамного) сестра главного героя повести — мальчика Глеба. — П. П.). — Все плавать умеют?*

Выясняется, что плавать умеют все, кроме меня.

— *А тебе мы полено дадим, — находит Тонька выход из положения. — Ты держись за него и бей ногами, вот и поплывешь. Ну-ка, давай попробуем.*

<...> Тонька бежит за здоровым поленом, лежащим у самого берега, подволакивает его к моим ногам и показывает, как я должен вести себя в воде. Крепко ухватившись за полено, боясь даже пошевелить головой, я делаю ногами несколько лихорадочных движений. Как ни странно, но я действительно плыву!

<...>

И мы плывем на другой берег. До него совсем недалеко. Напряженно глядя прямо перед собой, я изо всех сил бью ногами по воде.

<...>

Благополучно добравшись до противоположного берега, я гордо вытягиваюсь на песке: захотел — и не испугался, переплыл. Видали бы мама и папа! Похвалили бы, пожалуй!

«Тогда»:

Однажды вся ватага решила переправиться с одного берега на другой.

А я плавать не умею.

— Ничего страшного, — успокоил меня вожак стаи. — Видишь бревно?.. Возьмем его. Ты за него ухватишься, а мы с Танькой (сестра Л. Е. Кройчика Татьяна. — П. П.) будем плыть рядом.

Порешили. Поплыли.

Я старался преодолеть страх, держась за бревно, глядя прямо и работая ногами.

Река неширокая — оказался на том берегу.

Был доволен собой.

«В ста километрах от войны» относительно этого биографического эпизода — детальнее, подробнее, шире.

И все же «Тогда...» — произведение завершенное. Чего не скажешь о «Ста километрах от войны». Хотя формально повесть доведена до сюжетного конца.

Формально — да.

А структурно?

Логически?

Идейно?

Не задаваться этими вопросами нельзя, поскольку процесс погружения, вчитывания в повесть заставляет обращаться к ним.

Видимо, задавал их себе и сам автор. Об этом может косвенно говорить тот факт, что рукопись в течение сорока с лишним лет оставалась неопубликованной.

Но попытки были. Об этом свидетельствует чернильная отметка на титульном листе рукописи: «Вх. 316 (15)». Это говорит о том, что рукопись все-таки поступила в редакцию какого-то издания. (Д. С. Дьяков предполагает, что это был «Подъём» — логичное предположение, поскольку в 1977 году в Воронеже принять рукопись крупного художественного произведения могли только в «Подъёме» — единственном тогда литературном толстом журнале на все Черноземье.)

И зоркий редакторский глаз оставил на рукописи свои замечания, правки, пометки. Судя по ним, глаз обладал хорошим художественным вкусом и литературным профессионализмом. И видимо, решение редактора оказалось не в пользу рукописи.

Современники и ближний круг мастера не припоминают случаев, в которых тот в последующие сорок лет обращался к своей «неудавшейся» повести или хотя бы упоминал о ней. Даже в период работы над книгой воспоминаний, первые главы которой тесно перекликаются с повестью, Лев Ефремович умолчал о ней. Как будто вычеркнул из собственной памяти и биографии. Почему? Не думаю, что он планировал вернуться к повести — для этого прошло достаточно времени. Неужели действительно считал ее неудачной? Тогда почему не уничтожил — почему столько лет держал в домашнем архиве? Может, попросту о ней забыл? Но такое не забывается — что-то, а творческие успехи и паче — неудачи — помнятся всегда. Остается единственное предположение: надеялся на торжество произведения над его автором. На то, что «часть меня большая / От глени убежав, по смерти станет жить».

И этот момент настал.

3

С точки зрения истории литературы (пусть и региональной) «В ста километрах от войны» интересна еще и тем, что ее автор не тот иронично-мудрый и лаконично-образный Кройчик, известный современному воронежскому литпроцессу. Телеграфные интонации и назывные предложения, нарратив откровения и диалог по Бахтину — все это будет у Льва Кройчика потом. А в 1977-м «В ста километрах от войны» только намекала на «Сто строк в конце недели», которые родятся в 1990-х.

Хотя нечто неизменное — кройчиковское — конечно, уже есть.

Сцена детской драки (война уже началась, но дети еще не поняли, что она значит).

Тонька размахивается и прямо рукой (так бьют только девчонки!) лупит Генку по шее. Тот, наверное, не ожидал от моей сестры такой прыти и отскакивает. Остальные смотрят выжидающе. Выручает поварихина дочка Нинка:

— Ну что, мы сюда драться пришли, что ли? Давайте купаться!

«Тонька», «Генка», «Нинка» — это обращение — небрежно-панибратское и вместе с тем дружелюбное, теплое — всегда было свойственно Льву Ефремовичу.

Девочка Тоня — старшая сестра Глеба — говорит брату, проигравшему в драке со своим задиристым ровесником Генкой, оказавшимся сильнее: «Физическая сила решающей роли не играет... В человеке главное — дух. Ну, еще воля. И ум!»

А это на что похоже?

«На свете счастья нет, но есть покой и воля».

А может даже: «В человеке все должно быть прекрасно...»?

Переключка с любимыми Пушкиным, Чеховым уже началась.

«В ста километрах от войны» характерна тем, что

писалась, когда автору было сорок три года. Детские воспоминания и ощущения пусть и притупились за тридцать лет, но еще остры и не стары. Один из самых ярких эпизодов повести, выше уже обозначенный, — «форсирование» реки. Глеб, не умеющий плавать, держится руками за полено, не дающее ему утонуть, и бьет ногами по воде, двигаясь, таким образом, по реке.

И вдруг мое спасительное бревно выскальзывает из рук и, легко колышась, уплывает куда-то в сторону. Я беспомощно колочу освободившимися руками по воде, испуганно шепчу: «Тону!» — и иду на дно. Но дойти до него мне не дает чья-то сильная рука. Она хватает меня за волосы и тянет вверх. А когда я выныриваю на поверхность, подталкивает вперед. Я снова иду на дно, но оказывается, что оно уже совсем рядом — я стою на нем, хоть на цыпочках, но стою. И вижу Генку, вылезавшего из реки.

У Тоньки испуганные глаза. Она подплывает ко мне и начинает меня ощупывать, словно какая-то часть моего тела могла в воде от меня отвалиться и потонуть:

— Живой?

— Живой, — отплываюсь теплой речной водой. —

Наглотался только.

Эпизод заканчивается благополучно, как и полагается в детской прозе: договорились, что взрослым — не рассказывать.

В книге воспоминаний этот же эпизод упомянут как бы вскользь, а, между прочим, в биографии автора он мог стать последним. Но мы все-таки — о повести, а не о биографии. А в повести ребенку еще неизвестно, что такое смерть — он и не понимает еще, что может умереть. Детская небрежность к себе: «Словно какая-то часть моего тела могла в воде от меня отвалиться и потонуть».

Впрочем, это детское чувство неосознанности и неизвестности смерти относится не только к себе, но ко всем, живущим и живым.

4

Брат и сестра делят любовь родителей и к родителям — с по-детски искренними наивностью и ненавистью.

Я завидую Тоньке: она знает папу лучше, чем я. Потому что старше меня на целых два года. Я как подрос, так папу и не видел почти <...>. А когда поменьше был и папа никуда не ездил, так я этого времени почти не запомнил. А Тонька счастливая — папа ее и два раза в лагеря с собой брал, и на юг в военный санаторий с ней ездил...

Дети рассуждают о папе, который (человек военный и постоянно отсутствующий в жизни детей) теперь, когда началась война, точно попадет на фронт — он ведь офицер и военный врач.

— Если с папой что-нибудь случится, я этого не переживу! — вздыхает Тонька.

— И я тоже! — говорю я, плохо представляя, как вообще можно жить на свете без мамы и папы.

Правда, последнее суждение — вряд ли из детской жизни. Слишком по-взрослому звучит. Вряд ли ребенок в своей нормальной детской жизни задумывается о том,

как жить без мамы и папы. Как вообще такое может быть. Да и может ли.

Но вот повод задуматься: война.

...Случилось действительно что-то очень страшное, если ходят целый день по лагерю (куда мама отправила на лето Глеба и Тоньку. — П. П.) двадцать человек детей, а взрослым нет до них никакого дела.

Да, самостоятельность — признак взросления. Именно так дети во время войны превращались во взрослых людей — когда взрослым до них не оставалось времени и дела.

Идем через лес, через широкий луг с недавно скошенной травой. Всюду тихо, облачка плывут высоко в небе. И кажется, что никакой войны нет, что произошла ошибка, что сейчас об этом объявят по радио, и все начнут возвращаться в лагерь, а мы их порции съели.

Так работает детское сознание — и ему веришь. И сам начинаешь рассуждать похоже (все мы были детьми — все мы помним и понимаем, как это). Чувство, похожее на то, когда теряешь человека и еще не можешь осознать его смерть, а только скорбишь (что тебе еще остается?).

Хотя вопрос: думали ли дети в начале войны именно так, как об этом пишет Лев Кройчик? Какой механизм работает в данном случае — авторская память, воссоздающая ощущения, или воображение, воссоздающее авторскую память?

Радио, по которому вот-вот объявят об ошибке (так думают дети), — признак приблизившейся беды. Об ошибке так и не скажут.

— А по радио что? — спрашивает Генка.

— По радио только марши играют, — говорит Лариса Федоровна и вдруг начинает плакать.

— Вы не волнуйтесь, — утешает вожатую Генка. — Все обойдется. Ей-богу, обойдется. И война быстро кончится.

Вспоминаю себя весной 2014-го — Крымской весной: украинский Майдан, Одесса, Донбасс... Мимоходом разговорился с гардеробщицей в детско-юношеском центре (до сих пор у нас зовут его «Дом пионеров»).

— Лишь бы не было войны, — говорит гардеробщица, ловя настрой в весеннем воздухе.

— Войны не будет! — отвечаю уверенно-глупо, как и положено семнадцатилетнему — с навязчивой, может даже наигранной верой в лучшее.

Прошло восемь лет. Настроив в воздухе не переменялись — напротив даже, весенняя вера, тогда еще не выветрившаяся окончательно, сегодня стала милитаристским зноем, от которого нечем дышать. Откатываемся на восемьдесят-девятисто лет назад, с каждым днем все острее и обостреннее...

В этом, быть может, ключевое значение повести Л. Е. Кройчика. В этом — ее актуальность и созвучность дню сегодняшнему. Сам не предполагая того, Лев Кройчик, ухватившись за вечные темы войны и мира, детскости и взрослости, из 1977-го заглянул в 2022-й. Нет уже свидетелей тех событий (в том числе автора) — а читатель XXI века, обретая повесть, написанную в веке XX-м, переводит ее на свой сегодняшний язык. Переводит успешно — и к счастью, и к сожалению. К счастью — потому что автору удалось выдохнуть в вечность; к сожалению —

потому что язык сегодняшнего дня остается — как и пятьдесят, и сто, и пятьсот лет назад — языком войны.

В июне-июле сорок первого случившееся еще не ощущалось трагедией, но события, накатываясь друг на друга, не давали возможности поспевать за ними и осознавать их, а потому автоматически оборачивались медленно надвигавшейся паникой.

Выясняется, что от папы ничего нет, что вещи ему мама на всякий случай приготовила, что бабушку и дедушку, гостивших в Москве, к себе домой — на Украину — не пустили, что они будут жить у нас, пока война не кончится, что Павлик — тети-Танин сын, наш двоюродный брат, записался в ополчение (речь, конечно, о поэте-фронтовике Павле Когане, учившемся в ИФЛИ и погибшем в 1942 году, — авторе «Бригантины». — П. П.), что сводки пока что неутешительные, что маме, видимо, придется взять поликлинику, так как главный врач уходит на фронт, что, поскольку лагерь закрывается, а маме в городе с нами некогда возиться, она уже договорилась с кем надо и нас переправляет в «Красные зори». На все лето.

Так выглядит хроника первых дней частной жизни в состоянии общей войны.

5

Было ли начало войны таким сытно-наивным, каким оно предстает в детской повести Л. Е. Кройчика? («Я так наелся, что даже мысль о необходимости снова жевать сладкие пирожные кажется мне ужасной. Наверное, и остальные чувствуют то же самое».)

Может быть, в детском сознании и памяти оно, начало войны, именно такое.

Но мы привыкли представлять его несколько иным. Почему же в таком случае не довериться автору — свидетелю и современнику тех событий?

С тарелками в руках мы плетемся к палате первого отряда, где решили переночевать все вместе (чтобы не так страшно было). В руках у нас тарелки с ненавистными пирожными.

— Стойте! — вдруг командует Генка, когда мы отходим подальше от столовой. — Сейчас устроим соревнование по стрельбе.

Он подходит к какому-то деревянному щиту, оглядывается, поднимает с земли кусок кирпича и рисует на щите неровные круги с красным центром посередине. Затем отмеряет десять шагов от щита и носком проводит на земле черту.

— Ставь тарелки! — приказывает Генка, и мы, наконец, понимаем, что он задумал.

<...> Генка отскакивает в сторону и запускает пирожным в щит. Белый крем залепляет красный кружок в центре. Здорово!

Для нас все это — неестественно-кощунственно. Но таков и замысел: показать другую цену войны — бытовую и близкую условному «сегодня».

— Вы... вы... дураки! — кричит Тонька. — Нельзя хлебом кидаться!

— А это не хлеб! — азартно кричу я и запуливаю пирожным по щиту. У меня получается не так точно, как у Генки, но все же в круг я попадаю. — Ура! Смерть пирожным!

Это потом будет «Смерть фашистским оккупантам!»
Потом «Смерть шпионам!»

А пока масштаб катастрофы еще не ясен, поэтому так — можно. Можно...

Еще не познано чувство голода, типичное для тыла.

Две главы повести — «Самый сладкий день» и «Хлеб» — сосуществуют, и тем любопытнее рассматривать их в единстве. Хотя и друг без друга они самодостаточны. А вместе — работают на контрасте.

Стою. Деваться некуда. Если сегодня не отovarить, дневные талончики пропадут. Так уже было, когда я или Тонька не хотели дожидаться привоза. А без хлеба плохо. Просто ужасно плохо. Он съедается весь до последней корочки. И когда он съеден полностью, я все равно с какой-то одержимостью шурую в шкафчике, где он обычно лежит. А вдруг хоть маленький кусочек завалился! Например, за тарелку. Однажды рука моя наткнулась за посудой на что-то мягкое. Мышь! Наверное, и она забралась в шкаф за тем же самым. Безжалостно вышвырнув мышь в окно (ни отвращения, ни брезгливости я тогда не почувствовал — скорее, обида была, что объявился конкурент), я уныло выяснил, что хлеба — увы! — нет.

Современным людям не понять это чувство ожидания хлеба, это ныне загадочное и неопределенное явление «очередь». Но некогда все это было, и автор пишет без злобы на время и обстоятельства, без ненависти к воспоминаемому — вернее, описываемому — «здесь и сейчас»: все происходит естественным — «само-собойным» — образом, потому что голод, очередь и война — естественные процессы, однажды вошедшие (вернее, вмешавшиеся) в детскую жизнь.

Естественные?

Нет!

Война не должна быть естественным — привычным — процессом. Но естественная реакция на него — борьба. Глеб противится голоду, нехватке еды и, как следствие, — нарушившемуся укладу семейного быта; введенным нормам и талонам на хлеб. Но мудрая и опытная семья педагогически тонкими ходами воспитывает мальчика: ответом на его бунт, обращенный против семьи («Вы меня объедаете!»), становится коллективное решение — откладывать хлебную часть Глеба от общей дневной порции семьи на отдельную тарелку.

...Я стал обладателем собственной дневной порции хлеба. Порция была невелика — четыре небольших куска. Кто бы ни отovarивал карточки, мою порцию бабушка держала особняком — открыв шкафчик, я всегда видел на отдельной тарелке четыре своих куска. Я мог распоряжаться ими как хотел: мог съесть сразу, мог растянуть удовольствие на весь день, мог съесть за обедом два куска, а мог и три! Это был мой хлеб! <...> Я ел солидно и неторопливо, чтобы все видели: я ем свой хлеб, когда хочу и сколько хочу!

Впрочем, став хозяином своей порции, я все равно не ел хлеба вдоволь. Норма была мала, а есть хотелось почти непрерывно, и к концу первой недели моей «самостоятельности» я обнаружил, что уже к обеду на тарелке ничего не оставалось. Сначала я сгоряча решил, что это Тонькины козни: не приворовывает ли

она потихоньку от моей порции? Но два дня строгого наблюдения и тайных заметок привели к печальному выводу: мои четыре куска съедаю я один. Съедаю почти весь хлеб сразу.

Война заставляет страдать самых безвинных представителей человечества — детей. Страдать и не обращать внимания на эти страдания, воспринимая их как данность, как быт.

В обед было хуже всего. <...> Тонька деловито ставляла четыре тарелки и раскладывала ложки. И доставала общий хлеб. Она отрезала от такой большой буханки... три здоровых куска хлеба и изучающе смотрела на меня. И ничего не говорила. Ни-че-го! Лучшие бы уж спрашивала. Например: «Глеб, почему ты ешь без хлеба?» Или: «Я так наелась сегодня в школе. Хочешь, Глеб, я дам тебе кусок общего хлеба?» Но Тонька молчала, а бабушка и дедушка (эгоисты и черствые люди!) просто не замечали, что их внук ест суп без хлеба и уйдет в школу голодный. Потому что весь хлеб он уже съел!

Вдруг привычные для мальчика вещи становятся делом исключительным, и мальчик начинает бороться — противиться нарушению, обрушению привычного мира, который в том мире — довоенном — назывался «порядок».

Хлеб — единый и общий для всех — вдруг стал собственностью каждого. Съедобной, но несправедливо малой собственностью.

Или все-таки — справедливо?

6

— Ешь с хлебом! — нейтрально говорила бабушка, но я-то знал, какой хлеб она предлагала мне есть!

Привычная и надоевшая ребенку фраза «Ешь с хлебом» становится призывом.

Призывом невыполнимым — не потому, что он кажется ребенку бытовой рутинной (как в той жизни), а потому, что хлеба — мало!

Призывом издевательским — потому, что хлеба — нет.

Война обижает, принижает, унижает человека, делая его голодным. Человека-ребенка — в первую очередь.

— Спасибо, я съел! — бодро говорил я и убежал в школу. Подальше от их хлеба, от пустой своей тарелки, от Тонькиного ехидного взгляда.

Глеб уверен, что съедает свой, как он подчеркивает, хлеб весь. Хотя сомнения изначально присутствуют. Но так работает человеческое сознание — пытается обмануть само себя, когда его хозяину так выгодно.

И Глеб съедает этот хлеб — оказывается, не-свой. Хотя отдает себе отчет в том, что поступает неправильно. Война обостряет моральные устои человека — прав или нет? И — лишает этого права.

Лишает человека человечности.

Так — в случае с Глебом.

Хотя, конечно, с точки зрения жизни — слишком строгий подход: не виноват мальчик (насколько бы сознателен он ни был) в том, что в прямом смысле ест чужой хлеб. Приказано выжить? Ребенку никто не приказывал — а выжить все равно хочется.

Но повесть — не об этом даже. Она проще, легче, чем может показаться изначально.

Лев Кройчик — опытный педагог (такие всегда — хорошие психологи, особенно детские) — сумел сакральную и в некотором роде табуированную (в частности, в нашем — советском и постсоветском обществе) тему войны сделать доступной и понятной не столько читателю взрослому, сколько читателю детскому. Согласитесь, это зачастую сложнее, чем в случае с серьезной художественной прозой, где можно спрятаться за своими героями и их масками. Ребенок же просит тебя в первую очередь быть честным. Поэтому автор в нашем случае до предельности (то есть не всегда, а до определенного момента) прост: во-первых, он и главный герой — одно лицо; во-вторых, повествование идет от этого — 1-го — лица; и в-третьих, главный герой — сам ребенок.

Я не зря обратил внимание на это «до предельности»: повесть начинается с того, как мальчик лет десяти сидит на теплом ковре в теплой квартире и играет в солдатиков — играет в войну. Звуки выстрелов забавляют его, потому что он никогда их не слышал — он пытается их воспроизвести...

За игрой мальчика наблюдает отец (кстати, на титульном листе повести стоит посвящение автора: «Моим детям — Наташе и Сереже»). И что-то внутри сопротивляется этой мирной — на первый взгляд — игре. Всего лишь игре. Отец обращается к сыну и начинает вспоминать...

Ребенок и взрослый соединяются в одного — взрослого ребенка. Он — свидетель войны, заставившей его повзрослеть. Но он же — и наш современник, несмотря ни на что сохранивший в себе детскость.

Все это — наивный и мудрый Лев Кройчик.

«В ста километрах от войны» — повесть не столько о войне, сколько о мире. В котором есть место очередям

за хлебом, яичному порошку, плоти и вере, смерти наконец, которая — не от пули, не от осколка, а от голода. Но эта смерть, привычная для всех, кто ее свидетель (разве что для мальчика непривычная) — все равно на войне, от войны. Но несмотря на это, жизнь в ста километрах от войны — привычнее смерти. Привычнее этой войны. Хотя что такое сотня километров?

От Лебедяни, где я родился, до Ельца по стандартному маршруту — девяносто километров. В декабре сорок первого советские войска провели Елецкую наступательную операцию, позволившую перейти Красной армии в контрнаступление под Москвой.

Когда отступить было совсем уже некуда, лебедянский Казенный мост через Дон — один из первых железобетонных мостов в России 1910 года постройки — заминировали.

А на следующий день под Ельцом советские войска переломили ход войны.

Мост и сегодня стоит. Недавно его наконец-то отпустили на пенсию — запретили проезд автомобилей и сделали пешеходным. А рядом построили новый мост. Там — в том месте, что было некогда «в ста километрах от войны» — по-прежнему ходят люди. По-прежнему — мир.

«В ста километрах от войны» — это все-таки о мире.

О мире, который пытаются сохранить все члены семьи, жертвуя своими потребностями и отдавая хлеб самому младшему.

О мире, который вдруг можно нарушить.

P. S. Считаю, что повесть Льва Ефремовича Кройчика «В ста километрах от войны» заслуживает того, чтобы быть опубликованной отдельным изданием — в частности, для детей. С соответствующим оформлением. В нынешнем году исполняется три года, как нет с нами Льва Ефремовича, — достойный повод, чтобы почтить память нашего учителя этим событием — изданием его очередной книги.

Айрат Еникеев Вино для одуванчиков

Сегодня мы завершаем публикацию рассказов Айрата Еникеева, который, помимо их, прислал еще и небольшое резюме. Редакция «Акцентов» с удовольствием знакомит с ним своих читателей. Итак, автор о себе:

«Зовут Еникеев Айрат Марсович.

Родился в Уфе в 1959 году в качестве Козерога. Этот знак Зодиака сродни первой группе крови с положительным резусом — ее можно переливать всем, а ей только такую же. С тех пор всю жизнь страдаю.

Но везет. Повезло с детским садом, в который взяли по блату, повезло со школой, которую закончил без троек, повезло с курсом в Башгосуниверситете, потому что попал в группу к Владимиру Васильевичу Тулупову. Даже в Афганистане повезло, куда поехал в командировку в 1986 году — там слегка тюкнуло, но не насмерть. С тех пор вздрагиваю, когда мальчишки на улице швыряют хлопушки.

За жизнь перепортил тонны бумаги, работая в республиканских газетах Башкирии — «Ленинец», «Советская Башкирия», «Вечерняя Уфа», «Уфимская неделя» и в других менее значимых изданиях типа окружной газеты Приволжского военного округа. Благодаря старшим коллегам по перу стал называть себя журналистом, хоть что-то умеющим.

Капитализм встретил главным редактором глянцевого журнала «Банзай», после чего глянца в моей неглянцевой жизни было как янтаря в янтарной комнате, которую так и не нашли. Последний глянец — замечательный Санкт-Петербургский научно-популярный журнал «Машины и механизмы» (рекламный директор), откуда вежливо, но настойчиво проводили на пенсию. Хобби — шахматы, прогулки вдоль канала Грибоедова и коньяк с лимоном.

Живу, как вы поняли, в Санкт-Петербурге. Имено четверых детей разного возраста и от разных жен. Всех их, детей то есть, очень люблю. С ними повезло, как и с друзьями, которые дают деньги в долг, а вернуть пока не просят. Но верну обязательно. Вот выпущу три книги и верну, честное слово! Потому что кроме журналистики пишу стихи, прозу, сценарии для кино. Публикуюсь в основном в Фейсбуке. Автор нескольких книг, которые в силу ограниченного тиража мало кто читал.

Данную публикацию рассматриваю как первое крупное издание моих новелл и рассказов. Знакомьтесь. Удовольствие гарантирую».

Висячка

Если сойти на остановке «Горсовет», миновать гостиницу «Россия», пройти мимо пятиэтажек, на торцах которых навечно написано «Пусть всегда будет мама...» и т. д., пересечь улицу Блюхера, углубиться в лес, держа направление в сторону реки Белой, услышать стук вагонных колес, — то обязательно отыщется скала, нависающая над железнодорожными путями. Это и есть знаменитая «Висячка», место, овеянное бытовыми легендами, и просто достопримечательность тамошнего кусочка Уфы.

Нам, бывшим блюхеровским пацанам, она так же дорога памятью, как, например, черниковским мальчишкам — «Восьмизтажка». Это место, где проходило наше детство, и, стало быть — место сакральное. Были мы тогда всяко пионеры и комсомольцы и ни в какую мистику не верили, но если иметь в виду, что человек за последние пару тысяч лет мало изменился, то ясно: «Висячка» была для нас идолом, мегалитом, словом, местом, куда мы приходили, ну, молиться что ли...

Даже не знаю, как и сказать.

Так вот, о легендах. Ну, рассказы о том, как очередной бухарик, приняв с друзьями пузырь-другой «Рубина» (яд, изобретенный советской властью для уничтожения собственного народа), свалился с двадцатиметровой высоты и разбился в пыль, — это само собой. Очередное такое падение мгновенно обрастало подробностями типа: «Он упал на рельсы, а тут поезд проходил, и его — на части. А пацаны голову нашли, спрятали и теперь всем ходят показывают, сам видел...»

Очень ярко вспыхнула и угасла только спустя многие годы легенда о десятикласснице (тогда десять классов заканчивали), которая влюбилась в солиста с танцплощадки парка им. Гафури. Тот ее соблазнил, сотворил с ней всякий шахсей-вахсей, а поскольку высшего позора для советской девушки, чем забеременеть в семнадцать лет, тогда не было, бедняжку прокляли родители, а одноклассники заклеямили на комсомольском собрании. Соблазнитель, ясное дело, отрекся от своей любви, и тогда эта то ли Наташа, то ли Айгуль отправилась на «Висячку», написала посмертное письмо и прыгнула прямо вниз. Уф-ф-ф...

Вы думаете, это все? Ни фига! Письмо якобы нашли прибежавшие спустя десять минут после падения подружки, переписали в несчетном количестве экземпляров, а потом всем ходили и показывали. «Сама читала...» Более того, письмо это попало в руки грязного

соблазнитель, тот в одночасье понял, чего лишился, и написал песню, которую исполнял всякий раз, когда на танцплощадке объявляли последний тур. Тогда он, абсолютно бледный, выходил на подиум и со слезами на глазах пел эту песню. Танцплощадка, естественно, вся рыдала. Даже крутые пацаны, обнимая подруг, еле сдерживали слезы. Со временем солист, преисполненный сознания собственной ничтожности, запил горькую, шароебился по пивным, наконец, совсем опустил и исчез в бытовом историческом тумане. Песня (не ручаюсь за точность) звучала примерно так:

*А мы с тобой любили так друг друга!
Зачем ушла из жизни ты так рано?
Я плачу о тебе, я плачу о судьбе,
Я плачу, я рыдаю, дорогая!..*

Детство и юность — это пора язычества, пора многобожия. Бог-папа, бог-школа, бог-любовь, бог-улица и еще не знаю чего бог. Знаю только, что бог-деньги тогда отсутствовал в этом пантеоне. Нет, не потому, что нас не интересовали деньги, а потому что мы им не молились. Я не могу себе представить, чтобы на «Висячке» кто-нибудь «забил стрелку» по поводу невозврата кому-нибудь энной суммы. Дралась по-страшному, но из-за другого.

«Висячка» и ее окрестности были местом многочисленных кровавых побоищ. Бились, как правило, из-за девчонок и представлений о какой-то абстрактной дворовой чести. Именно в те годы, исподволь стал складываться крепкий понт территориальных уфимских банд, которые в начале девяностых вмиг переросли в устойчивые преступные сообщества. Родоначальники российского капитализма бросили в ямку четыре сольдо, посыпали это место солью, произнесли «крекс, фекс, пекс», и появилось то, с чем раньше практически в одиночку справлялась районный инспектор по делам несовершеннолетних Венера Абдуллоевна, а сегодня не в силах одолеть гигантское министерство внутренних дел.

Каиль, Чапа... О, это были имена, знаменующие путь от «дай-ка, пацан, пару копеек» до солидного бандитского бизнеса. Но «Висячка» тогда не ведала, какое явление берет начало у ее поросших кустами склонов. Засеянная пустыми бутылками и окурками, но еще не презервативами и использованными шприцами, она принимала всякого, кто приходил сюда подышать воздухом свободы и сырого от дождя леса.

Странно, но влюбленным и просто блудливым парочкам казалось, что это прекрасное место для их специфического уединения. Знали бы они, сколько горящих мальчишеских глаз порой наблюдало за их спорадическими действиями! И как потом пацаны, облизывая слюни, делились между собой впечатлениями от первого в их жизни эротического шоу.

Помню, как автор этих строк, его одноклассники Салаватка Султанов (нынче врач «скорой помощи»), Сержка Барышников (известный музыкант) и Колька Бобко (царствие ему небесное) спугнули такую парочку в самый ответственный момент, и разъяренный мужик погнался за нами, размахивая подобранный корягой и изрыгая коллекционные ругательства. Что уж говорить о том, что мы легко оставили его позади, откликаясь в ответ не менее витиевато.

И еще я помню, как, возвращаясь с тогда девственно чистого бельского пляжа, мы увидели у подножия «Висячки» сорвавшегося лосенка, который сучил переломанными ногами и пускал кровавые пузыри. Мы связали какие-то жерди и потащили детеныша в ближайшую больницу. По дороге попался мужик, предложивший купить животину на мясо, но, посмотрев в наши страшные глаза, тут же отступился. И я помню, как санитарка орала, что это человеческая больница и телят здесь не лечат, а потом вышел врач, склонился над нашей ношей и сказал: «Вы, конечно, молодцы, ребята, но лосенок-то умер...» И я помню, как мы отчаянно плакали, как будто понимая, что вместе с лосенком умерло наше детство. И если до сих пор в этом разорванном мире я еще во что-то верю, то потому только, что в моих легких остался чистый и холодный ветер «Висячки»...

Ворота в сад

Сцены из театра социалистического абсурда

После третьего курса меня направили на практику в районную газету. Как я сегодня понимаю, работа в «районке» крайне необходима и очень многому учит будущего журналиста — от умения написать элементарную «информашку» до готовности пить водку утром, теплую, из мельницы и с удовольствием. Это та самая непридуманная, настоящая жизнь, которую, как говорил товарищ Саахов, видишь не из окна персонального автомобиля.

От Уфы до райцентра было час езды в жаркой электричке. Я вышел из по-змеиному шипящих дверей, сжимая в руке отличающий меня от провинциалов никелированный дипломат, в котором вместе с запасом белья лежал размноженный на ротопринте роман «Мастер и Маргарита». На перроне дрались два алкаша за право завладеть пустой пивной бутылкой. Я прошел мимо этого стукта ярости и мата, чтобы оказаться на пустой привокзальной площади, граничащей с густым, как лес, городским садом.

Эта гордость райкома партии начиналась с триумфально величественных ворот, которым было место где-нибудь на Бранденбургской площади, а не в далекой башкирской провинции. То были не ворота, нет — это был вход в райские кущи, в царство коммунизма и в ботанический шедевр одновременно. Единственное, чего на них не хватало, так это инкрустации из яшмы и лазурита. Все остальные художественные излишества присутствовали на воротах в изобилии. Особенно потрясала центральная часть гигантского панно, на которой краснорожий рабочий так стискивал руку колхозницы, что та сдавленно улыбалась ему фиолетовыми губами. Как я потом узнал, банда заезжих оформителей из Худфонда содрала за сей шедевр сумму, равную бюджету трех разоренных колхозов.

Под величественным входом в лесную тишь стояла небольшая толпа милиционеров, явно включающая в себя весь состав районного отдела внутренних дел. Возглавлял толпу жирный до безобразия подполковник, оравший так, будто вся привокзальная площадь была усыпана трупами. И не чьими-нибудь, а расстре-

лянных царем питерских пролетариев. Между тем все дело заключалось в том, что на белоснежных брюках рабочего где-то в районе гульфика было начертано слово из трех букв русского алфавита. Честно говоря, если бы не возмущенные крики подполковника, я не обратил бы на это никакого внимания. Всю дорогу от Уфы я имел возможность лицезреть данное слово на проплывающих мимо зданиях бойлерных, котелен и водонапорных башен. И что теперь, портить себе нервы из-за такой ерунды?

Но подполковник был крайне возмущен, и на мой вопрос, как пройти в редакцию районной газеты, заорал так, что на животе у него отлетела пуговица форменной рубашки. Меня сдуло с площади, словно тополиный пух. К счастью, редакция «районки» находилась неподалеку, и после пяти минут легкого бега я влетел в кабинет ее главного редактора. Здесь я застал своего будущего шефа, совершенно опухшего от пьянства, и заведующую отделом писем — сорокапятилетнюю молодящуюся тетку, все еще считающую себя первой районной красавицей. Она уставилась на меня с видом опытного сексопатолога, изучающего эрогенные зоны нового пациента. Редактор с трудом прочел мое университетское направление и, блеснув заплывшими глазами, спросил:

— У тебя деньги есть?

— Да, — сказал я честно, о чем потом неоднократно пожалел.

— Машину водишь?

— Да, — уже соврал я, в чем потом также горько раскаялся.

— Рухаба Мухарямовна, — сказал главный, обращаясь к тетке, — объясните практиканту, в чем состоят его обязанности.

— Значит так, мой сладкий, — сказала заведущая, — сейчас выйдешь в приемную, там на диване спит водитель. Возьмешь у него из кармана ключи и пойдешь во двор. Там стоит «уазик». Доедешь на нем по улице направо до магазина. Там купишь две...

— Три, — сказал редактор.

— ...Да, три бутылки водки и вернешься обратно. Понял?

— А водитель отдаст мне ключи? — спросил я.

— Он ничего не почувствует, — ответила Рухаба Мухарямовна и плотоядно облизнула свои ярко напомаженные губы.

Я сделал все, как было велено. Водитель, издавая резкий запах какого-то алкогольного суррогата, храпел так, что дрожала стеклянная пробка в графине. Я вышел во двор, завел «уазик» и задумался. Дело в том, что мой опыт вождения ограничивался уроками школьного кружка автомобилизма, где мы десять минут ездили по двору на трофейном «студебеккере», а остальное время изучали его материальную часть. Но отступать было некуда, и через некоторое время весь райцентр стал свидетелем того, как в сторону магазина резкими рывками движется легковушка с надписью «Вперед».

Казус состоял в том, что до магазина было ровно десять минут медленным шагом, и «уазик» в очередной раз заглох как раз напротив толпы милиционеров, изучавших надпись на брюках рабочего. От толпы

отделился младший лейтенант и подошел ко мне, застывшему от страха в кабине.

— Вы, я вижу, из редакции? — спросил он.

— Да, — ответил я, в ужасе закрывая глаза.

— Небось, за водкой едете, — улыбнулся «младшой».

— А откуда вы знаете? — раскололся я, отчетливо понимая, что меня сейчас расстреляют.

— Да не первый год здесь живу. Подвинься, — сказал лейтенант и уселся за руль. Он довез меня до магазина, взял деньги, вынес полную бутылок сетку и доставил в редакцию.

— А я думал, вы меня арестуете, — сказал я, счастливый тем, что все обошлось.

— Всех за это арестовывать — работать некому будет, — сказал милиционер. — Мы прессу уважаем. Передай редактору: я через полчаса зайду.

Я поднялся в приемную, где по сдвинутому столу с нарезанной закуской понял, что меня с нетерпением ждут. Здесь же, под звон граненых стопариков, я получил первое редакционное задание: написать о вандализме каких-то подонков, осквернивших райцентровскую святыню — те самые ворота в городской сад.

— Заметка должна быть беспощадной! — рубил воздух редактор после третьего тоста. — И заголовок поставим мощный — что-нибудь типа «Обыкновенный фашизм».

— Какой же это фашизм? — спросил я, поражая коллег своей наивностью. — Мелкое хулиганство...

— Ты не понимаешь! — взвилась Рухаба Мухарямовна, направив на меня свой хищный бюст. — На торжественное открытие этих ворот...

— ...И забора! — добавил редактор.

— ...И забора приезжали из обкома партии!

Здесь Рухаба снизила голос до громкого шепота и сказала, пачкая мое ухо помадой:

— Район на последнем месте в республике по сдаче молока и мяса. И эти ворота — единственная радость для первого секретаря райкома.

— Короче, — стукнул по столу шеф и перевернул тарелку с огурцами, — иди и работай. Заметка — в номер!

Кажется, даже шариковая ручка краснела, пока я выводил фразы типа «под покровом ночи», «кулацкие недобитки» и «обрушим народный гнев». Уже спустя годы я понял, что именно так и зарождается подлость: не в закоренелом преступнике дьявольского обличия, а в маленьком, незаметном человеке, который послушно говорит и пишет то, что приказано.

Заголовок я придумал стеснительно-мягкий: «Распоясавшиеся хулиганы». Главный зачеркнул слово «хулиганы» и написал «молодчики». Вечером, уже пьяный от вранья и водки, я бегал в типографию, чтобы в очередной раз поверить своим глазам — «Распоясавшиеся молодчики», фамилии которых мне назвали в РОВД, шли в номер. Если бы про меня, а не про этих неизвестных мне людей, написали подобное, я бы бросился с водонапорной башни.

Через день молодого практиканта как автора публикации пригласили на заседание комиссии по делам несовершеннолетних. На стульях у стенки расселись

представители РОВД, роно, райкомов партии, комсомола и народного контроля.

— Обвиняемые, встаньте! — сказала толстая особа в майорских погонах. В дальнем углу кабинета поднялись два лопухих пацана лет десяти, как оказалось, третьеклассники местной школы. Один был весь в синяках и с неестественно раздувшимся лицом. Рядом с ним сидел отец, не зная, куда девать темные механизаторские руки. Глядя на мальчиков, я вдруг понял, что сейчас умру, и встал со стула.

— Корреспондент районной прессы, — представила меня майорша. — Вы что-то хотите сказать?

— Извините, я выйду на секунду, — пробормотал я пересохшим ртом, выскочил на гранитное крыльцо и достал из пачки полусломанную сигарету. Курил, не чувствуя вкуса табака и уставившись в густые, темные липы городского сада, обрамленные трехметровой высоты ярким забором. Не помню, что думал тогда, но сегодня, с одуряющей периодичностью, гляжу, как Прокуратор на Луну, и бормочу: «Ребята, если вы еще живы, простите, простите меня, простите меня ради Бога!»

Гулянка

Провинциальные зарисовки

Жора Петров обрушился на школу, как штормовой шквал. Вместо пяти лет учебы в университете Жорик учился девять и к моменту получения диплома являлся собой зрелую, крепко сложившуюся личность с традициями и привычками, которые в одночасье погребли под собой моральный климат преимущественно женского коллектива. Впрочем, по порядку...

Он появился в кабинете директора Полины Сигизмундовны (в деревню, где располагалась школа, в конце тридцатых сослали репрессированных поляков), по-военному щелкнул каблуками и, отточено поклонившись, доложил: «Георгий Петрович Петров, преподаватель русского языка и литературы, прибыл в ваше распоряжение, о чем имею честь доложить».

Полина Сигизмундовна, далеко не пожилая вдова, являла собой образ томной интеллигентной пани, безвозвратно погибающей в глухой уральской провинции. Супруг оставил ее два года назад, прислав с севера телеграмму: «Погиб спасении рыбацкого сейнера. Не жди. Люблю. Вечно твой Кшиштоф».

В школе, по-деревенски надежной и крепкой, было троє мужчин.

Уставший от жизни учитель труда, который в день полочки имел обыкновение засыпать в углу мастерской, забросав себя пахучими сосновыми опилками. Чуть позже две его уже довольно взрослые дочери укладывали отца на детские санки, если зимой, а если летом — на скрипучую коляску и, не по-детски матерясь, увозили домой.

Был еще преподаватель начальной военной подготовки (НВП) с вечно взъерошенной полулысой головой, обожавший разыгрывать сценарии исторических баталлий. Однажды под его командованием триста спартанцев в лице пацанов младших классов, обороняя Фермопильский проход между сараем и туалетом, отказались сдаваться персам. В итоге, игнорируя

историческую правду, они дооборонялись до того, что поколотили окна в директорском кабинете. Прибывший участковый под угрозой применить табельное оружие разогнал не на шутку развернувшееся побоище, а учителю под угрозой увольнения настрого запретили устраивать эти дурацкие исторические реконструкции.

Третьим мужчиной с натяжкой считался завхоз Ханиф, убежденный в том, что, если экономить металлические скрепки и сдавать во «Вторчермет» пробки от бутылок, можно сберечь прорву денег, дабы, наконец, отвезти в область на починку скелет микроцефала из кабинета биологии. Даже вечно и непонятно от кого беременная биологичка Татьяна Ивановна не обращала на Ханифа никакого внимания. Да и кому нужен старый толстый татарин в шароварах и рубашке навыпуск, который вечно ходит по деревне в поисках своей козы и орет диким голосом: «Кязя-я — сыбулощ — сабинья-я!..».

И вот в этот изголодавшийся по мужскому вниманию коллектив вступил Жорик, о котором в общаге целые поколения студентов передавали по эстафете: «Внимание, в общежитии пьяный Петров!».

Из университета Жорку изгоняли два раза. Первый — после третьего курса на экзамене по марксизму-ленинизму, где он на глазах преподавателя съел бюст Энгельса, им же самим вылепленный из хлебного мякиша. Во второй — уже за месяц до получения диплома, когда на офицерских сборах он подпрыгнул и дал по морде двухметровому полковнику за то, что тот обозвал его недомерком. Намеки на свой невысокий рост (метр шестьдесят четыре в каракулевой папаше и привстав на бордюры) Жора не любил. После первой истории он загремел в армию, после второй научился пить спирт в обществе воркутинских геологов. Но, всякий раз восстанавливаясь, университет все же окончил. Провожали его всем факультетом и с гармошкой. Две разбитные бабенки несли плакат: «Развалим школу за два года!».

Полина Сигизмундовна посмотрела на крохотные ножки, элегантно сложенные одна на другую, на птичий хохолок, благодаря начесу превращенный в высокий шиньон, на донельзя обуженный пиджак ядовито болотного цвета и поняла, что погибла. В тот же вечер, лежа в необъятной вдовьей кровати, Петров устало оглядывал новые апартаменты и думал о том, как свою жизнь в этом медвежьем углу сделать максимально комфортной. И в голову не приходило ничего, кроме организации веселых коллективных вечеринок. Избыток женского пола и провинциальная наивность местного контингента предоставляли для этого самые широкие возможности.

Повод для первого застолья был железный — «простава» вновь прибывшего учителя. Сегодня Жора успел осмотреть школу и нашел для гулянки замечательное место. Конечно же, это был кабинет биологии, традиционно разделенный на два помещения — собственно класс, где проходили занятия по гетерозиготности двух аллелей, и небольшую лаборантскую, заставленную наглядными пособиями. Школа, в которую Жора принес свое доброе и вечное, в изобилии располагала чучелами птиц, заспиртованными квакшами, черепами и окаме-

нелестями. Гордостью биологички Татьяны Ивановны был уже упомянутый скелет микроцефала, подаренный школе коллективом районного морга на «последний звонок». Расшалившиеся старшекласники, как водится в такой день, после двух стаканов кислушки установили скелет в школьном скверике в обнимку с памятником Чернышевскому. Получилась абсолютно аполитичная композиция: классик держал в руке книгу «Что делать?», а микроцефал табличку с надписью «Вот что со мной сделали». Ханиф, по приказу взбешенной директрисы снимавший скелет с постамента, упал вместе со скелетом. В итоге один из зачинщиков акции остался без золотой медали, а микроцефал без тазовых костей. Ханиф отделался легкими ушибами.

С тех пор починить микроцефала стало навязчивой идеей завхоза. В школе текли трубы, с потолка сыпалась штукатурка, учителей плохо снабжали дровами, но хранитель драгоценных костей мечтал привести скелет в первоначальное состояние и свято берег его от прикосновений малолетних вандалов.

Словом, в этом закутке вечером и предполагал Жора собрать коллег, тем более что Полина Сигизмундовна идею одобрила. Она лишь попросила придать мероприятию вид дружеского коллоквиума, на котором коллеги обменялись бы мнениями об учебном процессе, послушали старинные романсы и исполнили пару туров вальса. И лишь в последнюю очередь пригубили бы по бокалу благородного вина.

Под благородным вином подразумевалась гадкая водка, по карточкам продававшаяся в местном сельпо. На дворе лютвала перестройка, и для того, чтобы вдоволь повеселиться в дружеском кругу, следовало либо жениться, либо умереть. Некоторые особо алчущие получали ящик водки под фиктивные справки о смерти еще вполне здравствующих родственников. Известен случай, когда некий гражданин заочно схоронил всю родню до седьмого колена, прежде чем обман раскрылся. Словом, чтобы организовать следующую вечеринку, Жора предполагал жениться на Полине Сигизмундовне, а пока обошлось звонком будущей невесты в исполком, где трудилась секретаршей ее бывшая выпускница.

К вечеру назначенного дня все было готово: женщины застелили столы в лаборантской старыми географическими картами и расставили принесенные из дому нехитрые, но очень аппетитные закуски. На очертаниях Антарктиды Татьяна Ивановна разместила свой фирменный холодец, Америку накрыли огурцы и помидоры учителя НВП, а всю территорию России, как баллистические ракеты, заставили обтекаемые бутылки с прозрачной жидкостью.

Чтобы пронести их незамеченными в школу, Жора проявил чудеса изобретательности, припомнив армейский опыт. Однажды, будучи сержантом зенитно-ракетного взвода, Петров пронес через КПП восемь бутылок портвейна, выдавая их за батарейки от штабной рации. Нес он их завернутыми в знамя части, и все мимо проходившие офицеры отдавали ему честь. Поэтому ни один поселковый житель не обратил внимания на его манипуляции с ящиком водки, ловко замаскированным под грудку торфобрикетного компоста.

Наконец Ханиф с криками «сыбулощ, сабинья!» выгнал последнего ученика из школы, и все уселись за стол. Началось очень мило. Выпили по первой, и Полина Сигизмундовна произнесла легкий спич, представив нового члена коллектива. Жора встал, поклонился и выступил с презентацией, изобиловавшей цитатами из Пушкина, Есенина и Баркова. После каждого апокрифа он требовал налить и выпить, лично контролируя опустошаемость рюмок. Учительница химии после пятой призвала выполнить указания очередного пленума ЦК КПСС по повышению химизации сельского хозяйства за счет реактивов, сэкономленных во время школьных опытов. После шестой официальные речи прервал романс Татьяны Ивановны «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Биологичка, выставя беременный живот, очень мило картавила, сглатывая букву «б», и вместо «брожу» пела «рожу», что привело аудиторию в умиление. Ханиф прослезился и запел озорные татарские частушки: «Возле рещка, возле мос липовый березка рос, хочешь левый, хочешь правый — оба одинаковый!»

Народ высыпал из лаборантской, растолкал парты по классу и пустился в пляс. Полина Сигизмундовна, распахнув свою темно-вишневую шаль, выступила в центр круга и пошла, поводя плечами: «Я одену кофту пестру, рябую-прерябую, кто мово Петрова тронет, морду покарябаю!»

Учитель НВП ринулся впрыскадку, посколькунулся на раздавленной помидорине и упал глазом на батарею отопления. Когда его перевязывали, он кричал: «Трафальгар! Трафальгар! Я чувствую себя адмиралом Нельсоном! На колхозном пруду можно разыграть грандиозное сражение!»

Постепенно гулянка стала обретать причудливые формы. Физичка с математичкой принялись фехтовать на указах за право потанцевать с учителем труда. Физручка села на шпагат и разорвала любимые колготки. Учительница иностранного языка объясняла Ханифу, как материться по-французски. Особенно удавались завхозу слова «сыбулощ» и «сабинья».

Но тут внезапно закончилась выпивка. Жора диву дался, с какой быстротой полтора десятка светочей культуры и образования выпили ящик водки. Сей факт возмутил присутствующих до глубины души. Учитель НВП, перепутав происходящее с советом в Филях, вообразил себя Кутузовым и заорал: «Еще дюжину шампанского, и Москва спасена!» Полина Сигизмундовна взглянула на Жору сквозь стекла запотевших очков и стукнула кулаком по ободранной парте: «Георгий Петрович, сделайте же что-нибудь, пся крев!»

За окном догорал теплый сентябрьский день. О том, чтобы достать выпивку в разгар борьбы с алкоголизмом и самогонарением, даже думать не приходилось. И тут в Жоркиных глазах сверкнул металлический блеск, как на лезвии казацкой пашки, доставаемой из ножен. Он поднялся, сказал «Никому не расхотиться!» и вышел вон. Через пятнадцать минут вернулся, нагруженный пятью бутылками вишневого сироба, который тогда в изобилии стоял на пустых магазинных полках. Затем Жора заперся в лаборантской и десять минут звенел там стеклянной посудой.

— Шерри-бренди! — воскликнул Петров, появляясь с огромной бутылкой, наполненной жидкостью цвета шали Полины Сигизмундовны. Сладкий напиток, пахнущий жженной вишневой косточкой, и крепкий, как домашний первач, привел всех в восторг. Веселье возобновилось с новой силой. Ханиф танцевал в обнимку со скелетом микроцефала, уронил его и сказал «пардон» рассыпавшимся костям. Учитель труда признался, что будущий ребенок Татьяны Ивановны от него. Полина Сигизмундовна размахивала картой Восточной Европы и убеждала всех, что «еще Польша не згинела».

Расходились за полночь, кто как мог. Сестры увезли отца на скрипучей коляске. Женщины ушли, обнявшись на ширину улицы и распевая срамные частушки. Поселковые обыватели выглядывали из-за занавесок и шептались: «Школа гуляет». Жора остался на полу в лаборантской, но даже в полубесчувствии снял свой драгоценный костюм и аккуратно повесил его рядом с чучелом болотной выпя. Ночь пролетела как миг.

В шесть утра в калитку Татьяны Ивановны заколотила школьная сторожиха. Заикаясь, она сообщила, что в лаборантской вот уже несколько часов подряд душат человека, и к тому же оттуда доносится запах разлагающейся плоти, как в тот год, когда на свиноферме случился массовый падеж. Татьяна Ивановна как была, в ночнушке, бросилась в школу, успев только набросить на себя демисезонное пальто. По дороге ей попались Ханиф и учитель НВП, которых сторожиха оповестила еще раньше. Сделать это было легко, поскольку обоих домашние не пустили ночевать, и мужчины спали на скамейках возле палисадников.

Дверь лаборантской пришлось срывать с крючка, накинутого изнутри. Когда педагоги ввалились в тесную комнату, их взорам предстало ужасающее зрелище. На полу в черных сатиновых трусах спал Жора, поразительно напоминая собой скелет микроцефала. Он храпел, издавая звуки, которые мнительная сторожиха приняла за сцену убийства. Вокруг Петрова валялись банки из-под заспиртованных животных. Экспонаты, аккуратно сложенные на полках, за ночь протухли и источали чудовищную вонь.

Жору с трудом растолкали и спросили «Где спирт?»

— Как где, — удивился Петров, даже не пытаясь подняться, — вы же его сами выпили. А что вы думаете я вчера сиропом развлекал?

— А где моя уникальная восточная квакша? — спросила биологичка, бледнея всем телом.

— А кто вчера орал: «Хочу под бренди изысканной закуски!» Вот я ее на плитке и сварил. И не надо на меня так смотреть — всем очень понравилось.

Татьяна Ивановна сказала «ой» и стремглав умчалась из кабинета.

— А где моя микроцефал? — спросил Ханиф и пошел пятнами, увидев там и сям валяющиеся кости.

— Вы кончайте на меня всех собак вешать! — возмутился Жора. — Ты же сам с ним вчера танцевать пошел, когда объявили дамский танец. А потом еще ругался, что она тебе на ноги наступает.

— Уй-уй-уй! — тонко запричитал завхоз, беря в руки череп, как Гамлет в одноименной пьесе Шекспира.

Тут дверь лаборантской распахнулась и в нее впа- ла Полина Сигизмундовна, окруженная учительским активом.

— Матка Бозска, — сказала она, оглядывая присутствующих. — Кто надел трусы на скелет микроцефала? — и указала пальцем на лежащего Жору. — Это, во-первых. А во-вторых, почему Татьяну Ивановну в одном белье рвет в мальчиковом туалете?

Когда Жора сбивчиво объяснил происходящее, все женщины, за исключением директрисы, массово присоединились к биологичке. Полина Сигизмундовна, напротив — осталась хладнокровной и стала отдавать отрывистые указания.

— Сегодня уроков не будет, объявляем санитарный день. Вы, — она ткнула в учителя НВП, — займите детей какой-нибудь зарницей.

— Мы разыграем битву при Сомме, — воодушевился педагог, — когда немцы впервые применили отравляющие газы.

— Разыгрывайте, что хотите, но чтобы ни один ребенок в школе не появился. А ты, курва вшистка, — повернулась она к Жоре, который безуспешно пытался натянуть брюки, — одевайся и пошли со мной.

Через день ядовитый костюм Петрова видели на автостанции, где с треском уволенный педагог пытался выменять чучело болотной выпя на билет до областного центра. Больше он в эти места не возвращался, но в школе еще долго вспоминали дружеский коллоквиум и «шерри-бренди» с квакшей на закуску.

«Дринк» по-русски

Вместо эпиграфа.

Лежит американец в ванне московской гостиницы и звонит жене в Нью-Йорк.

— Дарлинг, вчера мы с русскими обмывали наш контракт, и я чуть не умер. А сегодня утром они пришли меня опохмелять. Но лучше бы я вчера умер.

Над аэропортом имени Кеннеди стояла глубокая ночь, когда мы спустились по трапу комфортабельного «Дугласа» и забрались в тесный «Додж», который должен был отвезти нас в отель. Комфорт, конечно, комфортом, но двенадцать часов лету, пусть и с короткой посадкой в Хельсинки, да восемь из них над океаном — это испытание даже для тертых жизнью башкирских журналистов. Если иметь в виду смену часовых поясов и прощальный банкет в Москве, то мы толком не спали двое суток. Словом, я и мой друг и коллега Галямыч не могли дождаться, когда доберемся до постелей.

В номере, где мы оказались вдвоем, выяснилось, что заснуть не получается. Напряжение, копившееся два дня, не покидало, а потом переросло в характерную дрожь, которую невозможно перепутать ни с чем. Мы сбросили одеяла, уселись на кроватях, секунд десять молча смотрели друг на друга, а потом принялись лихорадочно одеваться. Все было ясно и без слов.

52-я «стрит» встретила ярким светом, шумом проносящихся автомобилей и криком зазывал у входа в различные заведения.

— Куда? — спросил Галямыч, нетерпеливо шурша в кармане новенькими долларами, обменными еще в Москве.

— Да их тут чертова туча, — ответил я, теряясь в названиях вывесок, плакатов и световых панно.

— Кто из нас говорит по-американски — ты или я? — воскликнул Галямыч. — Ориентируйся быстрее, сдохну а то...

После того, как в самолете я перебрался парой фраз со стюардессой, и она нас стала чаще других одаривать спиртным, а в ответ на переведенное мной предложение Галямыча продолжить знакомство засмеялась и кивнула, коллега утвердился в мысли, что мой английский безупречен.

Прямо напротив через улицу ярко горела надпись «Бар Смита» — единственная, которую мне удалось прочитать. Я решительно направился туда. У стойки к нам подошел усталый бармен, видимо, тот самый Смит. Чуть-чуть наискосок сидели два последних на этот час посетителя — негр и белый. Они различались цветом кожи, но носы у обоих были одинаково сизюлевого цвета. Это переполнило меня чувством ехидной гордости за отечество: ну вот, а говорят, только в России алкаши живут.

— Ту водка! — громко сказал я, демонстрируя свой безупречный английский. Дальше произошло невообразимое. Бармен привычными движениями плеснул в стаканы из огромной яркой бутылки, неожиданно выхватил из-под стойки конструкцию в виде бензозаправочного крана и, не успев я глазом моргнуть, нафуфырил до краев наши стаканы содовой.

— Это чего он, гад, наделал? — спросил Галямыч, глядя на меня расширенными от ужаса глазами.

— Воды налил, — ответил я упавшим голосом.

— И что, мне теперь это пить? — прошептал Галямыч, в гнев закрывая глаза.

Я отхлебнул из стакана — пить это было действительно невозможно. Жидкость по вкусу напоминала содержимое кухонной раковины, в которой сполоснули десять бутылок из-под водки, перед тем как нести их в пункт приема стеклопосуды. Потом Галямыч пять минут сдержанно говорил о том, что он думает об этой стране, об этом городе, об этом баре, об этом Смите и обо мне с моим знанием английского.

— Ладно, Галямыч, — примирительно сказал я, — я заплачу за обе порции, и мы закажем по новой. Только куда бы это вылить?..

И тут мой взгляд упал на разноцветных соседей. Я подвинул им оба стакана и, подмигнув, сказал: «Презент фром раша (Подарок из России)». Ошарашенные нашей щедростью мужики залопотали что-то про дружбу народов, международную взаимопомощь и нищее американское житье. А я вновь подозвал бармена и, раздельно выговаривая каждое слово, произнес: «Ту дабл водка. Ноу айс. Ноу вотор. (Две двойных водки. Ни воды, ни льда не нужно). Ту сингл глаз, плиз (И в один стакан, пожалуйста)».

— Правильно, — сказал Галямыч. — Еще раз не так нальет, в глаз получит.

Нужно заметить, что одна порция выпивки, или так называемый «дринк», в питейных заведениях

Нью-Йорка составляет что-то около пятидесяти граммов. Поэтому Смит закатил глаза под лоб и надолго задумался, подсчитывая, сколько же водки ему нужно налить в двухсотграммовый «глаз». Оказалось, что почти до краев. Желая помочь ему, я установил мизинец у стакана, дабы обозначить примерный уровень жидкости. Смит замороженно медленно лил водку из бутылки, а я кивками головы подбадривал его — мол, лей-лей, не бойся.

Когда стакан наполнился, я пододвинул стакан Галямыча и произнес: «Репит, плиз. (Повторите, пожалуйста)». И тут американские алкоголики замолчали, словно по команде, и в наступившей тишине стало слышно, как под потолком жужжит американская муха.

— Вау, — выдохнул бармен, понимая, что один стакан предназначен только для одного человека. И так же замороженно медленно стал наливать второй.

— Ну вот, — сказал Галямыч, — теперь другое дело. А закуска у них есть?

— Ты что, в пельменной, что ли? — пристыдил я его с видом знатока. — Здесь закуску не подают. Вон спички лежат, ими и занюхаем.

Мы звонко чокнулись и выбулькали в себя содержимое стаканов. Соседи-алкоголики дружно зааплодировали. Один из них, негр, стесняясь и краснея, насколько это возможно будучи афроамериканцем, спросил, а не могли бы мы повторить то же самое на бис.

— Что этим алкашам надо? — спросил разомлевший Галямыч, вальяжно облокотившись на стойку.

— Да этой «снегурочке» уж больно понравилось, как мы с тобой «замахнули», — сказал я. — Просит повторить.

— Ишь ты, — усмехнулся мой друг с заметно теплеющей интонацией. — Хотя и пьянь, а в искусстве понимает. Спроси его: он за повтор заплатит?

Мужики дружно завертели головами: откуда, дескать, деньги у простых американских бомжей.

— Ну тогда хрен им, а не шоу, — сурово отрезал Галямыч, — Бог подаст... Ладно, пошли спать, а то завтра рано вставать. Как думаешь, у них на завтрак «соточку» заказать можно?

Путь до номера занял минут семь. А раздеваясь, мы с Галямычем уже пели про черную шапку, которую ветры злые сорвали с буйной головы.

— Чувствую, намучаемся мы тут с ихними «дринками», — ворчал Галямыч, укрываясь одеялом. Потом повернулся к стенке и захрапел.

«Хороший он все-таки, — подумал я о друге, глядя на его поблескивающую в свете удличных огней лысину, — только совершенно не умеет себя вести за границей». И провалился в счастливый теплый сон.

Послесловие

Через две недели мы летели обратно. Стюардесса, как две капли воды похожая на предыдущую, везла вдоль кресел столик с журналами и книгами. Я высмотрел для себя прекрасно изданную каким-то русскоязычным нью-йоркским издательством «Энциклопедию ядов и отравляющих веществ». Потратив на нее последнюю оставшуюся валюту, я углубился в увлекательное чтение. И вдруг среди яда курарэ, рыбы фугу и цианистого калия обнаружил знакомое

название. Спиритус виниус, было написано в разграфленной строке, смертельная доза в крови — 12 промилле. И в скобках, где примечание — «ноу фо рашенз». (Не для русских).

«Все-то у нас не как у людей», — подумал я, захлопнул книгу и заскучал по родине.

Приключения «зачки»

Печальные истории из мужского быта

У каждого мужика есть свой фирменный способ образования зачки. Он обязан своим возникновением массе разнообразных факторов. Начнем, как говаривали древние, ab ovo, то есть от яйца.

Если верить злобной, насквозь лживой эмигрантской литературе, описывающей нелегкие женевские годы вождя мирового пролетариата, Владимир Ильич был мастером конспирации, в силу чего преданная Надежда Константиновна так никогда и не узнала, куда уходила часть партийных денег, с риском для жизни добытых Сталиным и Камо при ограблении поездов и банков. Буржуазные щелкоперы и злопыхатели утверждают, что Ульянов был большой любитель женевских жриц любви, для оплаты услуг которых «ховал» сотню-другую франков то в трость, то в канотье, то в потайной карманчик жилета. А потом за кружкой прохладного пивка со смехом рассказывал местным бюргерам, как ловко облапошил Наденьку.

Оставим жриц на совести буржуазных наймитов. А то, что ничем, касающимся зачки, из ленинского опыта сегодня не воспользуешься, это точно. Выйди на улицу с тростью — тебя сразу повяжут как скинхеда, решив, что у тебя в руках дубинка. Шляпы уже почти никто не носит, а спрятанные в жилетке деньги жена обязательно обнаружит, потому что она не подслеповатая Крупская, а очень даже глазастая современная женушка. И, наконец, главное: где найти Камо, который ограбит для тебя банк? В наше время банки грабят вкладчиков, а не наоборот. Словом, классический опыт устарел и выщвел, как подшивка газеты «Искра» в женевской библиотеке.

Поэтому сегодня каждый выкручивается, как может. Один мой приятель прятал зачки в несезонную одежду. Ну, то есть летом — в зимнюю, зимой — в летнюю. Вроде бы верно: какой жене придет в голову жарким июльским полднем шарить по карманам дубленки, которая висит в шкафу обсыпанная нафталином. Или расстегивать молнии лыжного комбинезона, который в скатанном виде покоится на антресолях. Но это исходя из нормальной мужской логики. Однако же женская логика требует в момент твоего отсутствия достать все меховое барахло и отнести его в химчистку. И вот мой приятель возвращается с рыбалки, гордо вываливает в раковину полведра бельской мелочи и, пока жена думает, чистить ей этих головастиков или отдать коту, тихонько открывает гардероб. И приходит в ужас: все его манто исчезли, а вместе с ними то, на что он с друзьями собирался посидеть в тени ближайшего кафешантана. В химчистке приемщица делает большие глаза и, облизывая губы, испачканные дорогим шоколадом, трясет головой: пятьсот рублей? одной

бумажкой? еще на уголке надорвано, да? и три купюры по сто? Нет, не находила...

Другой мой знакомый прятал зачки в книги. Казалось, риска не было никакого: пожелтевшие фолианты под названием «Каталитический крекинг», «Матанализ», «Л. И. Брежнев. Речи и статьи», «Порошковая металлургия», «Вспученный вермикулит — будущее советского домостроения» стояли на полке где-то под потолком и любопытства ни у кого не вызывали. Приятель мой был человеком бережливым, и вскорости его бывшие институтские учебники превратились в небольшой «филиал» Сбербанка, на средства которого можно было дважды выдать замуж единственную дочь, если бы ее личная жизнь не удалась с первого раза.

Однажды, вернувшись домой, он с содроганием застал супругу за генеральной уборкой. Эта сумасшедшая женщина пропылесосила все книги, а те, что, по ее экспертному мнению, не представляли никакой ценности, отдала племяннику-студенту — тот, по счастью, стечению обстоятельств, учится в том же вузе, который окончил его любимый дядя. Любимый дядя со вспученными, как вермикулит, глазами помчался к племяннику и застал компанию юношей и девушек, обставленных дорогим виски и коньяком, банками с черной икрой и еще какими-то немислимими деликатесами. Рыгая семгой и авокадо, возбужденная молодежь внимательно перелистывала учебник по дифференциальному исчислению. Спасти удалось немного. Хватило только на новый пылесос, потому что старый мой приятель разобрал в поисках «высосанных» зачек и заново собрать уже не смог.

Но самый тяжелый случай произошел с одним жителем уфимского пригорода, приехавшим с женой в город продать собственноручно выращенный картофель. Картошка уродилась отменная, и к супругам тут же выстроилась приличная очередь. Деньги, разумеется, принимала жена, а наш герой таскал мешки и орудовал ведром. Через пару часов нелегкой (кроме шуток!) работы под ложечкой у мужика засосало, но о том, чтобы выпыгнать у хозяйки полтинник на «мерзавчик» и перевести дух, даже думать не приходилось. Вдруг жена, на мгновение отвлекшись, поскандальничала с какой-то бабкой по поводу двух недорешенных клубней, перестала контролировать сумочку с деньгами. Этих секунд было достаточно, чтобы выудить оттуда несколько чумазных купюр. Супруг свернул их в трубочку и сунул за пояс.

Наконец картофель закончился. «Ну, ты тут прибирайся», — сказал наш герой жене, уже чувствуя, как первые сто граммов скользят внутри его небритого кадыка, — а я в кусты сбегая». — «Ты давай недолго», — крикнула обворованная женщина, подозрительно глядя вслед убегающему мужу. — «Я мигом!» — откликнулся он, практически не кривя душой, потому что на спор с деревенскими мужиками выпивал «чекушку» за четыре секунды.

У винного прилавка ближайшего магазина он вдруг вспомнил, что забыл, куда положил деньги. А купюры между тем от многочисленных телодвижений выскользнули из-под ремня, свалились в трусы и запутались там, как неопытный путешественник

в джунглях. Изучение карманов, швов и складок верхней одежды ничего не дало. При этом мужику приходилось снимать вещь за вещь, чтобы в десятый раз подряд не залезать в один и тот же карман. К тому моменту, когда он остался в трусах и майке, в винном отделе собрался весь коллектив магазина во главе с заведующей. Когда продавец картофеля полез в трусы, публика, на сто процентов состоящая из женщин, šťastливо завизжала.

Между тем заждавшаяся мужа жена начала проявлять активное беспокойство. Она уже десять минут лихорадочно оглядывала окрестности, когда из дверей ближайшего магазина выскочила тетка в синем фартуке и заорала, обращаясь к какой-то своей знакомой: «Клавка, иди скорей, тут мужик за чекушку стриптиз показывает!».

Супруга, движимая каким-то смутным женским чувством, подхватила мешки с ведром и ворвалась в магазин, словно русская конница в пылающую Казань. Она как раз застала мужа, роющегося в трусах. На лице ее спутника жизни была нарисована счастливая улыбка, потому что он, в прямом и переносном смысле слова, наконец обнаружил деньги. Этот счастливый миг совпал со звоном, который создает цинковое ведро, соприкоснувшееся с человеческой головой. Супруг рухнул на холодный кафель, купюры выскользнули из разжавшейся руки и упали к ногам разъяренной супруги.

Я так никогда и не услышал финала истории, потому что рассказчик, он же главный герой, всякий раз, доходя до этого места, начинал плакать и просил налить. А выпив, замыкался в себе и замолкал, глядя в пространство своими грустными и совершенно беззащитными глазами.

Баллада о пропавшем знамени

Из времён комсомольской юности

Первый секретарь горкома ВЛКСМ Толя Козлодоев давно уже перерос свою должность как морально, так и физически. Сидя в президиуме какой-нибудь очередной конференции, посвященной военно-патриотическому воспитанию, он, двухметровый и седой, казался себе маршалом Жуковым среди детей, играющих в «Зарницу». Ему уже давно пора было занимать кресло директора какого-нибудь завода со всеми протекающими отсюда возможностями. А здесь что? Ну провели недавно городской конкурс молодых парикмахеров, ну закупили импорт для призов, ну оказался японский фен у Толиной жены. И все. Даже путевку в Варну приходилось выпрашивать в финхозотделе горкома партии, не говоря уж о персональной даче и мощном окладе, которые ему не были положены по ранжиру. А годы шли...

Вот и сейчас он сидел и с нескрываемым раздражением читал справку о заготовке веточных и подножных кормов. Это означало, что несколько тысяч студентов, набрав дешевого вина, выезжали гулять на природу, где, между игрой в волейбол и готовкой картошки в костре, уродовали окрестные деревья и кустарники. Молодежь помладше, то есть школьники, собирала желуди. Затем плоды этих праведных трудов

на нескольких самосвалах свозили в какое-нибудь пригородное хозяйство, где добро благополучно стнивало под снегом. В итоге рождалась победная справка для горкома партии, которую в данный момент и читал Козлодоев с нескрываемым отвращением.

Наконец, он поставил подпись под бумагой и вызвал секретаршу. Девочка, специально подобранная для загородных мероприятий, уже не связанных с заготовкой кормов, взяла справку и понесла ее этажом выше, где располагался горком КПСС. Подумав немного, Толя отправился туда сам, чтобы узнать у заворготделом, дошли ли до обкома документы о рекомендации его, Толи, на учебу в общественно-политическую академию при ЦК КПСС. Окончание указанного учебного заведения, как правило, открывало перед его выпускниками самые радужные карьерные перспективы. Оказалось, что документы дошли, и в уже приподнятом расположении духа Козлодоев спустился к себе, вызвал водителя и уехал домой обедать.

Через минуту делавшие вид, что изнемогают под тяжестью возложенных на них задач, сотрудники горкома комсомола рванули к выходу. Даже самый зеленый инструктор знал, что раньше пяти Козлодоев на работу не явится, и до того времени можно было делать что угодно или не делать ничего вообще. Лидеры городского комсомольского движения обычно выбирали последнее. Словом, в считанные минуты горком опустел, и даже секретарша, вихляя бедрами, убежала к знакомой маникюрше.

В это время заворготделом этажом выше вспомнил, что забыл рассказать Козлодоеву анекдот про то, как Леонид Ильич, целуясь с Чаушеску, чуть не проглотил его вставную челюсть. Анекдот привез инструктор ЦК вместе с московскими сплетнями о чудачествах Галины Брежневой и расстреле директора Елисеевского гастронома. Страна стагнировала, и народный юмор становился все злее и беспощаднее. Заворг спустился на комсомольский этаж и застал пустые кабинеты, покинутые, словно по объявлению воздушной тревоги: в пепельницах дымились незатушенные сигареты, в стаканах подрагивал еще теплый чай, и даже гипсовый Ленин на трибуне стоял с открытым ртом, потому что аудитория куда-то разбежалась.

«Прямо день открытых дверей», — усмехнулся заворг, подрисовал Ленину усы красным фломастером, написал в лежащем на столе блокноте несколько коротких русских слов и фланирующей походкой вошел в кабинет Козлодоева. Здесь также сохранялся эффект присутствия: раскрытая ручка на листе бумаги, пиджак, висящий на спинке стула. Казалось, хозяин кабинета, отлучившийся на секунду, сейчас войдет в распахнутую дверь. Но заворг хорошо знал этот иллюзорный мир, знал, что Козлодоев в сей секунд храпит у себя дома после окрошки и пельменей. Впрочем, позвони ему сейчас, и жена ответит, что он выехал на предприятие.

Заворг прошелся по кабинету и уже было хотел оставить на столе телефонограмму на фирменном бланке с содержанием типа «Срочно направьте лучших комсомольцев чукотскую тундру заготовки пуха полярной совы и мяса леммингов», но вдруг его осенило. В углу кабинета стояло красивое знамя горкома

ВЛКСМ из тяжелого бордового бархата. Его раз-два в год выносили на какие-нибудь конференции и слеты, а остальное время оно торчало в специальной тумбочке с дыркой. Расхотавшись своей затее, заворг вынул знамя и унес в свой кабинет, где спрятал в шкаф и завесил наглядной агитацией, призывающей высоко нести знамя будущей победы коммунизма. Затем он посвятил в свой замысел первого секретаря горкома партии. Тот горячо поддержал идею как следует отчитать Козлодоева за расхлябанность, когда он хватится пропавшего знамени, и предложил подождать до вечера. Все оставшееся до конца работы время соратники подмигивали друг другу в предвкушении развязки, а заворг каждые пятнадцать минут бегал ниже этажом за удовольствием увидеть испуганные лица младших товарищей по борьбе. Но в тот день знамени не хватились. Не хватились его и на второй, а когда пошли уже третьи сутки, первый вызвал комсомольского вожака и под разговоры о текущих делах стал задавать ему наводящие вопросы: все ли у них в порядке, не случилось ли чего или, может, чего-то недостает. Козлодоев отвечал в том духе, что благодаря неусыпной заботе партии и правительства всего у них в достатке, а если чего и недостает, так это подвигов и свершений во славу любимой Родины. Присутствовавший при этом разговоре заворг исповедовал другую тактику, стараясь почаще употреблять в речи слова «знамя» и «флаг». Козлодоев кивал, в особо торжественные моменты беседы поднимался со стула и в ответ сыпал аналогичной терминологией: типа, не посраим заветы отцов, партия — наш рулевой, если что, то всегда, а если потребуется, то никогда. Через два часа вспотевшие от напряжения старшие товарищи, так ничего и не добившись, отпустили Козлодоева восвояси.

— Ну, шутник, — обратился первый к заворгу, — что будем делать?

— Да, — почесал тот в затылке, — этак они еще месяц святыни не хватятся. Надо что-то придумать...

Ближе к вечеру первый вновь вызвал Козлодоева к себе и сообщил, что завтра в город приезжает делегация из ГДР, в связи с чем состоится факельное шествие, которое должен возглавить Анатолий со знаменем в вытянутой руке.

— Короче, — сказал первый, — иди неси знамя, будем репетировать.

Козлодоев, теряясь в догадках, спустился к себе и наконец обнаружил отсутствие святыни. Пройдясь по кабинетам и расспросив подчиненных, не брал ли кто знамя для каких-либо нужд, Толя пожал плечами и отправился к первому сообщить, что знамя куда-то подевалось. Первый, собрав в кулак всю волю, чтобы не кричать «ура», заорал на Козлодоева в тональности до-диез третьей октавы: «Что значит куда-то подевалось?» и орал еще минут десять, не останавливаясь. Козлодоев услышал о себе все: и что он зажавшийся бюрократ, и что распустил подчиненных, как резинку на женских рейтузах, что нужно не жрать дома жирные беляши, а обедать со всеми в простой советской столовой, что де отъел себе будку, которую за два дня не объедешь, что как его еще самого не украли вместе с этой размалеванной профурсеткой и так далее. Ко-

нечно же, был приведен классический пример о том, что в военное время, если соединению не удавалось сохранить боевое знамя, часть расформировывалась, а командиров расстреливали.

— Короче, — закончил первый, переводя дух, — я собираю бюро. И если через час знамя не найдется, положишь на стол партийный билет. — Потом набрал на селекторе несуществующий номер и сказал в про-странство: «Пригласите ко мне городского прокурора. И милицейский наряд. С наручниками».

Облившись холодным потом, Козлодоев ссыпался по лестнице на свой этаж и стал орать на подчиненных уже в режиме ультразвука. Весь состав горкома и еще с десяток привлеченных активистов перевернули здание от чердака до подвала. При этом была обнаружена масса любопытных вещей: полное собрание сочинений Сталина в нераспечатанной упаковке, куча почетных вымпелов, превратившихся в выцветшие тряпки, несколько бюстов Карла Маркса с отбитыми носами, помятый пионерский горн и даже совершенно ржавый револьвер с одним патроном в барабане. По ходу дела из столов сотрудников выгребли книги Солженицына, подарочное издание «Камасутры», запрещенный альманах «Метрополь» и кипу зарубежных журналов порнографического содержания. Но знамя как сквозь землю провалилось.

Во время поисков в качестве активного наблюдателя присутствовал заворг. Его активность заключалась в том, что он со скорбным лицом отпускал фразы, от которых Козлодоева бросало то в жар, то в холод. Заворг говорил, что про учебу в академии следует забыть, как про мечту о коммунизме, что как бы вместо ордера на обещанную четырехкомнатную в центре не получить ордер на арест, а если после всего и возьмут на работу, то максимум инженером в ЖЭУ, слесарям наряды выписывать. А дальше — только смерть от запоя, и то если денег на водку хватит. В довершении ко всему заворг рассказал реальную историю о том, как в 1937-м году в Уфу приехал Жданов и расстрелял весь местный партактив до единого человека. И случись подобное в том далеком 37-м, Толю прибили бы прямо на рабочем месте. Наконец сверху каждые пять минут звонил первый и сообщал, сколько времени осталось до заседания бюро.

В одночасье Козлодоев из румяного сытого функционера превратился в сушеный комок нервов, вздрагивающий при каждом резком звуке. Ближе к концу дружеской экзекуции ему, последний раз болевшему в детском саду свинкой, стало плохо с сердцем. Старшие по классу поняли, что слегка перегнули палку, и решили завершить истязания. Козлодоева пригласили в высокий кабинет и вручили знамя с советами запомнить преподанный урок на всю жизнь.

Позже Толя признавался себе, что никогда не был так счастлив — ни когда ему вручали ордер на новую квартиру, ни когда он таки уехал учиться в Москву, ни когда получил назначение помощником посла в Германскую Демократическую Республику. И что истинное счастье он испытал именно в тот момент, когда старшие товарищи вручили ему до поры до времени припрятанное знамя борьбы за светлое будущее человечества.

После этого для хранения священного стяга отделили отдельную комнату с крепкой железной дверью и выставили там почетный комсомольский пост. Исполненные сознанием своей высокой миссии комсомольцы даже не догадывались, что охраняют святыню не от посягательств буржуазных наймитов, а от старших товарищей по партии. Впрочем, мы тогда еще очень многого не знали.

Искусство кройки и житья

Российская женщина на службе капитализму

Аниса считалась одной из лучших портних в Уфе. Кроме тихой восточной красоты, она обладала талантом кутюрье и покладистым характером. Клиентки, которые выстраивались к ней в очередь за два месяца, могли быть уверены — платье, сшитое Анисой, в городе единственное по фасону и цене: в том смысле, что фасон уникальный, а цена очень даже божеская. Еще несколько модных уфимских портних были не менее мастеровиты, но драли за свой эксклюзив втридорога и обшивали в месяц не более одной клиентки, остальное время посвящая личной жизни.

У Анисы личной жизни не было вовсе, потому что ей приходилось содержать дочь и мужа. Дочь ходила в ясельки, а муж рисовал двуногих лошадей, целующихся с фиолетовыми русалками. Стиль этот назывался субъективный конъюнктивизм, и муж Анисы был единственным субъективным конъюнктивистом в Европе. Но несмотря на отсутствие конкуренции, картины никто не покупал, поэтому в перерывах между рисованием шедевров гений либо лежал пьяным на кушетке, либо подглядывал за переодевающимися клиентками Анисы. Провал последней выставки в отделении гнойной хирургии республиканской больницы подкосил его окончательно. У больных, лежащих в коридоре, где были развешены картины, резко поднялась температура, и шедевры грубо выставили за дверь. Оскорбленный художник шесть дней находился в запое, а в воскресенье утром, как был в пижаме и тапочках, ушел за пивом. С тех пор Аниса его не видела.

Годы мелькали, как сантиметры на портновской ленте. Малышка, опекаемая бабушкой, незаметно подросла, окончила школу и стала студенткой инфака. Потом нэнэйка умерла и оставила их, дочь и внучку, вдвоем. И тут Аниса словно впервые подняла глаза от швейной машинки. На следующий день после поминок по маме она подошла к зеркалу, сдернула с него черное покрывало и посмотрела на свое отражение. На нее глядела стройная симпатичная брюнетка, которой можно было дать максимум тридцать, но никак не сорок два. За спиной брюнетки угадывались очертания двухкомнатной «хрущевки», заваленной обрезками разноцветного сукна, бумажными выкройками и модными журналами. У окна стоял измазанный мелом манекен, словно нарочно подчеркивая нелепое одиночество красивой женщины.

Да, так и не случилось в жизни Анисы нормально-го мужчины, если не считать мимолетных, ни к чему не обязывающих встреч, оставляющих на губах вкус горького шоколада. Попытки подруг выдать ее замуж ничем не заканчивались, а то и вовсе оборачивались

какими-то дурацкими историями. Последний кандидат в мужа, например, поначалу оставил впечатление очень серьезного состоятельного человека и даже подарил швейную машинку «Хуксварна» с программным управлением. Но однажды, вернувшись от заказчицы, Аниса застала его вертящимся перед зеркалом в бальном платье, сшитом для жены местного олигарха. Состояние, в котором находился претендент на руку и сердце, не оставляло никакого сомнения в его сексуальной ориентации. Но больше всего обидело Анису не то, что ее почти что избранник совершал непотребные манипуляции в отношении самого себя, а что ее авторская работа подверглась такому осквернению. «Мне не смешно, когда маляр негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля», вспомнилось ей из школьной программы, и она ударила извращенца сумкой с продуктами по голове. Тот унесся из квартиры, путаясь в кружевах и рюшах и роняя с ушей вьетнамскую лапшу. Наряд пришлось шить заново и уже за свой счет.

После этой истории Аниса совершенно забросила личную жизнь и полностью отдалась запоздалому воспитанию дочери. Но девочка была уже не той пухлощечкой лапой, не успевающей проснуться, когда ее в полвосьмого утра несли на руках в детский сад, и уже успевающей заснуть, пока мать наносила последний стежок на срочном заказе. Дочь уже свободно говорила по-английски и французски и прекрасно знала цену себе и своей матери. Аниса и пикнуть не успела, как оказалась в рейтинговых списках ведущих брачных агентств.

Через две недели она совершенно запуталась в названиях континентов, стран, имен-фамилий, цветах волос и телесных размерах. Дочь, напротив, прекрасно во всем ориентировалась, и спустя месяц выбор пал на канадца Патрика, роскошного толстяка пятидесяти лет с идеально круглой лысиной и собственной автотранспортной фирмой. Про трехэтажный дом с бассейном и говорить не приходилось.

А еще через два месяца Аниса растерянно сидела в центре гигантской кухни, где от плиты до битком набитого холодильника размером с Бранденбургские ворота можно было добежать только с одышкой. Патрик с удовольствием знакомил избранницу с коллекционным набором вин и погребом, наполненным копченостями, соленостями, немислимым запасом консервов, фруктов, овощей и продуктов, о которых Аниса никогда не слышала. Но больше всего ее потрясло то, что при этом изобилии Патрик шел обедать в придорожное кафе, где жевал мерзкие бутерброды, а вечером тащил ее в ресторан, чтобы заплатить шестьдесят долларов за кусок полусырого мяса, горку овощей и фаршированную лягушку.

На следующий день Аниса вооружилась разговорником и позвонила мужу в контору. Мешая татарский с английским, она потребовала у секретарши, чтобы Патрик не травился в ихней поганой столовой, а шел обедать домой. Примчавшийся супруг застал дымящуюся куламу, истекающие жиром чебуреки, «тутырылган таук» и баклажаны с орехами и медом. Еще несколько порций этого кулинарного изыска были уложены в судки, дабы муж мог угостить сослуживцев.

Канада — страна практичная. Утром на туалетном столике Анисы лежал список заказов от сотрудников патриковской конторы с указанием ассортимента и цен. Приготовить для тридцати человек ей было так же легко, как накормить отца, вернувшегося с сенокоса. По подсчетам Патрика получалось, что ежедневная выручка жены равнялась еженедельному заработку менеджера средней руки. И все равно у Анисы оставалась еще уйма свободного времени.

Первой ее клиенткой стала соседка по участку, сбросившая после очередной диеты больше тридцати кило. Платьям, превратившимся в яркие парашюты, грозило полное забвение. Аниса так ушла наряд, что на ближайшей вечеринке в городском клубе Патрик разнимал женщин, дерущихся за право первыми сделать заказ известной российской кутюрье. Местные газеты написали о «русском чуде», заменившем собой целое кафе и небольшой швейный бутик. Анису узнавали на улице и просили автографы. А когда десант городских холостяков с пафосом укатил в Россию в поисках русских невест, Патрик не на шутку встревожился. Он подсчитал доходы от кулинарного и пошивочного бизнеса, а когда на всякий случай включил туда стоимость сексуальных услуг по среднемировым ценам, понял, каким сокровищем обладает. Между тем поклонники значительно моложе его по возрасту оказывали Анисе усиленные знаки внимания. С этих пор Патрик ни на шаг не отпускал жену от себя. А тут как раз Аниса пришла пора ехать в Уфу распорядиться скромной недвижимостью и забрать дочь на постоянное место жительства в Канаду.

— Я поеду с тобой, иначе ты оттуда не вернешься, — заявил Патрик. И никакие уговоры, что это дорого, что придется на месяц оставить работу, что Аниса его очень любит и не собирается бросать, не помогали.

В Уфе, пока решались формальности, молодые ходили по гостям. Последний визит перед отъездом был в Нижегородку к тамошним родственникам. На протяжении всего шумного застолья Патрик сидел, крепко вцепившись в Анису и зорко оглядывая подвыпивших мужиков. Вдруг жена поднялась, накинула чью-то телогрейку и направилась к двери. Патрик поспешил за ней.

— Патрик, — прошептала Аниса, — останься за столом, я только на минутку...

— Куда ты? — заволновался наивный канадец.

— Уф, алла, — воскликнула Аниса, — в туалет я иду, в туалет. Это приват проперити, понимаешь, частный дом. Здесь нет канализации, и женская комната находится на улице. Вернись на место, не смейся людей...

Но Патрик был неумолим, выскочил во двор и застыл в позе королевского гвардейца возле дощатого домика, в котором скрылась Аниса.

— Странный народ эти русские, — думал он, пожевываясь на пронизывающем февральском ветру, — тратить столько денег на спиртное и не оборудовать дом элементарным биотуалетом...

В это время дверь кабинки заскрипела, и навстречу Патрику шагнула заиндевелая старуха в телогрейке с торчащими кусками ваты.

— А-а-а! — заорал канадец, хватаясь обеими руками за лысину. Откуда же ему было знать, что «удобства»

в России обычно бывают рассчитаны сразу на несколько пользователей.

— Астагафирулла! — заверещала бабуля и сиганула через двухметровый сугроб.

— Дарлинг! — заорал Патрик на всю Нижегородку, — что они с тобой сделали?! — и упал в обморок. Через минуту пятеро мужиков, руководимые Анисой, с трудом заволокли зятя обратно в избу.

После нескольких оплеух и стакана самогона заморский гость открыл глаза. Над ним склонялась плачущая сквозь смех Аниса и гладила мужа по запрошенной снегом лысине.

— Любимая, — сказал Патрик, беря жену за руку, — с этих пор я буду рядом, куда бы ты ни пошла, и никакой дьявол не сможет тебя у меня отобрать... Когда наш самолет?

— Завтра, мой хороший, завтра.

— Finally to home, — вздохнул Патрик и еще крепче вцепился в любимую женщину.

Кобра

— Слушай, ты, мандибула африканская, — орала Ирка на мужика, который пришел разбираться по поводу ее очередной публикации о преступлениях сталинского режима, — если ты не перестанешь хамить, я тебя порву, как газету!

После этих слов диалог сразу принял цивилизованный характер, а когда мужик ушел, сосед по кабинету Юрка Домбровский спросил:

— Ирка, а что такое мандибула?

— Если по-научному, то это челюсть некоторых видов африканских термитов.

— А если по-простому? — продолжал настаивать Юрка.

— А по-простому — это такой вид придурка, которому нужно объяснять то, что другим и так понятно. Широко распространен в России. Особенно высокой концентрации достигает в дни выборов на избирательных участках.

Домбровский, единственный человек, не обижавшийся на Иркины приколы, счастливо заржал и бросился записывать очередной перл. Ирка сыпала ими, как пескоструйная машина в гололед. Талантливая от Бога, она была лучшим пером редакции, за что коллеги, естественно, ненавидели ее всеми фибрами души. Ирка, щедрая на эмоции, отвечала тем же: злыми шутками, розыгрышами и обидными прозвищами. Например, главбухше редакции, пережившей трех главных редакторов, белобровай бесцветной женщине с маленькими злыми глазками, было подарено прозвище Ева Браун. Жестокость, с которой та в союзе с шефом обворовывала редакцию, усиливала историческое сходство. А когда благодаря накопленному бухгалтершей компромату начальник уходил в политическое небытие, фаворитка с арийским жаром бросалась любить следующего.

Уволить Ирку с боями и оскорблениями не позволяя ее высокий статус матери-одиночки. Более того, она пользовалась всеми льготами, в которых разбиралась лучше любого Падвы. Пособия, о которых большинство российских женщин даже не догадывались, бесплатные санаторные путевки, беспроцентные

сруды, дополнительные дни к отпуску — все это Ева Браун подписывала ей, скрежеща червивыми зубами. Подписывала, потому как ничего поделывать не могла.

Последний Иркин демарш особенно возмутил редакционных дам. Дело в том, что бухгалтерия в союзе с отделом рекламы тайным образом посещала халявную сауну, за которую контора расплачивалась газетной площадью. Прознав о сем, Ирка, как ни в чем не бывало, стала являться туда со своим девятилетним сыном. Тот расхаживал по сауне, как хозяин гарема, оглядывая свою голую собственность с видом умудренного знатока. А однажды, поймав на себе внимательный взгляд стареющей матроны, ухмыльнувшись, спросил: «Что, бабушка, соскучилась?». Сынулю, под непреодолимым давлением общественности, пришлось оставлять дома, за что Ирка при удобном случае намеревалась отомстить. Удобный случай представился накануне первого апреля.

Нужно сказать, что Ирка, будучи натуральной блондинкой, кроме литературного таланта, обладала недурной внешностью. Не Бриджит Бардо, конечно, но такая миловидная наглая пампушка, от которых у истосковавшихся в браке мужиков едет крыша. С первых же дней работы в редакции Ирка предложила сослуживцам спрятать свои далеко торчащие намерения, ибо собиралась связать судьбу с серьезным человеком, любящим детей и простую русскую кухню. Ну, чтобы встречал поздно вернувшуюся жену уже спящим ребенком и богато накрытым столом. Только трижды разведенный Домбровский после этого строил на ее счет какие-то планы. Ирка крутила им, как хотела. Вот и на сей раз масштаб задуманного ими розыгрыша поражал воображение. Кто же знал тогда, к чему это приведет.

Началось все с заметки, которую Юрка якобы откопал в Интернете. Озаглавленная «Слона или яд? Женщина или змея?», заметка сообщала, что норвежские ученые подвергли сложному химическому анализу слону нескольких тысяч женщин. Произошло это после того, как в реанимацию одной из клиник города Осло поступил мужчина, укушенный собственной женой. Налицо были все симптомы общего заражения крови, и когда последнюю подвергли тщательному анализу, оказалось, что в крови содержатся вещества, один к одному напоминающие змеиный яд. После этого у трех тысяч ословчанок под благовидным предлогом была изъята слюна и тщательно изучена. Результаты экспертизы потрясли ослов, то есть мужчин города Осло: оказалось, что в моменты острых стрессов, а также в критические дни подъязычковая железа некоторых женщин вырабатывает сложное молекулярное соединение, аналогичное яду шипастых гадюк и аспидных кобр. Норвежские ученые призвали братьев по полу быть осторожнее с женщинами в указанные периоды и, может быть, даже ограничить число поцелуев, поскольку неизвестно, как слюна раздраженной женщины поведет себя в организме мужчины.

Вместе с тем, отмечали норвежские ученые, открытие, по своим масштабам тянущее на Нобелевскую премию, способно произвести переворот в фармакологии. Змеиный яд является ценнейшим и, к сожалению,

дефицитным сырьем для изготовления множества лекарств. Его добывание связано с риском, а ограниченное число змей делает яд еще и очень дорогим. Запасы же женской слюны неисчерпаемы и практически ничего не стоят. «Научите свою жену плевать в мирных целях! — заканчивал заметку Домбровский. — И вместо того, чтобы погубить одну жизнь, она спасет тысячи!»

Главред, прочитав заметку, катался по столу, не стесняясь присутствия многолюдной планерки.

— Дорогие дамы, — сказал он, немного успокоившись и вытирая слезы, — даю слово, что мы не станем подвергать анализу вашу слюну. Уверен, кобр и гадюк среди вас нету.

— Ну почему же, — сказала главбухша голосом Фаины Раневской в пору ее расцвета, — одна есть.

В наступившей тишине стало слышно, как бурчит в желудке у ответственного секретаря, пожилого язвенника, привыкшего питаться по расписанию.

— Это вы меня имеете в виду? — спросила Ирка, сворачивая в трубку журнал «Кроссворды и головоломки».

— Странно, что вы приняли невинную шутку на свой счет, — ответила бухгалтерша, блистая остроумием.

— Ну, что ж, госпожа Браун, ой, простите, Татьяна Александровна, чтобы вас не разочаровывать, я готова предоставить свою слюну на анализ. Андрей Сергеевич, — повернулась Ирка к редактору, — могу я от имени газеты обратиться в институт микробиологии? Вы подпишете такое письмо?

— Ирочка, — разулыбался шеф, — но ведь это действительно шутка. Впрочем, если вы так настаиваете...

В городе Ирку знали все приличные люди, в том числе и в институте микробиологии. Ребята из отдела токсикологии, умирая со смеху, написали требуемую справку. На следующее утро она легла на стол редактору.

Тот вчитался и обомлел. «Исследованная субстанция, сообщил документ, подписанный для солидности известным ученым, представляет сложное химическое соединение и состоит из альбуминов, глобулинов, ферментов, воды, солей и др. Но в первую очередь обращает внимание присутствие в суспензии такого вещества, как геморагин, вызывающего при попадании под кожу обширные кровоизлияния. Кроме того, исследованная жидкость богата нейротоксином, способным серьезно поразить нервную систему и вызвать паралич дыхательного центра. Спектральный анализ и сравнение с образцами токсинов, уже имеющихся в лаборатории, показали, что предоставленное редакцией вещество близко к яду аспидной кобры, обитающей в джунглях Юго-Восточной Азии. Для человека смертельно».

Пока редактор переваривал прочитанное, замурлыкал телефон. Звонил доктор химических наук, тот самый ученый, подписавший документ.

— Андрей Сергеевич, — спросило светило встревоженно-заинтересованным голосом, но еле сдерживая смех, — вы что там у себя, змей разводите?

— Каких змей? — спросил редактор, ослабляя узел галстука.

— Это я вас должен спросить. Мы змеиный яд

для экспериментов по большому благу через Москву достаем, а ваша сотрудница принесла вчера чуть не ведро...

Через пять минут известие о жутких свойствах Иркиной слюны облетело редакцию. Новоявленная кобра со своим подельником сидели в своем кабинете и ржали над озадаченными сослуживцами. Оставалось эффектно завершить комбинацию, и Ирка пошла по отделаам.

— Так вот, — сказала она, войдя в кабинет бухгалтерии, — если еще раз с вашей подачи журналистов лишат премии, я вас укушу. — И не дослушав высказывания типа «Под суд пойдешь, тварь!», хлопнула дверью.

— Вам не кажется, — спросила она, впорхнув к ответственному секретарю, — что вы в последнее время занижаете мне гонорары? Будьте, пожалуйста, внимательнее, а то у меня вот-вот начнутся критические дни... — И смачно поцеловала ветерана в губы.

В кабинете редактора к тому времени собрались все члены редколлегии, там же торчал и Домбровский. Ирка вошла в кабинет и обвела присутствующих холодным взглядом беспощадного убийцы.

— Ирка, кончай прикалываться, — заржал Домбровский, — шутка чересчур затянулась. И вообще, ну какая ты кобра?

— Хочешь проверить? — воскликнула Ирка и, схватив Юрку за руку, впилась в нее своими белыми зубами.

— Ой, мля! — взвился Домбровский, — ты что, совсем ошизела? Ведь до крови же прокусила. Нет, тебя точно нужно в серпентарий закрыть...

Теперь по замыслу, минут через сорок, Юрка должен был изобразить дыхательные спазмы и отпроситься в больницу, а на следующий день посмеяться над разыгранными коллегами. Но тут случилось непредвиденное...

Дело в том, что Домбровский был не дурак выпить. И вот, перед финалом розыгрыша, он решил сбежать в соседний магазин, дабы было чем обмыть удачную шутку. Но он так спешил, что поскользнулся на мраморных ступенях и со всего размаха грохнулся на жесткую поверхность. Прохожие вызвали «скорую»...

Тем временем ответственный секретарь, расстроенный странным Иркиным визитом, перепутал время приема пищи и отправился в столовую на целый час позже. Мало того, вместо положенной овсянки он взял суп харчо и сожрал его, заедая прогорклыми беляшами. Через полчаса старика скрючило, как кусок засохшего сыра. Аналогично усиливали желтый цвет кожи и круглые дырки на его сандалетах. Перед тем, как «скорая» увезла старика с диагнозом «острая интоксикация», он успел прошептать редактору что-то о роковом поцелуе и заниженных гонорарах.

Только улегся шум вокруг ответственного секретаря, как в приемную позвонили из центральной городской больницы. Усталый голос медсестры сообщил, что, судя по служебному удостоверению, к ним поступил журналист Домбровский, что находится он в реанимации, что состояние его тяжелое, и хорошо бы

предупредить родных, а то мало ли что. Повторный звонок в больницу подтвердил — это правда. И тут редакция встала на уши.

Мужики шарахались от Ирки на три метра и просили не помнить плохого. Женщины звонили по телефону и либо говорили гадости, либо со слезами требовали назвать адрес лаборатории, поскольку мужья грозят разводом, пока жены не сдадут слюну на анализ. Редактор вызвал журналистку по селектору в кабинет и, прячась за креслом, кричал, что обладание столь уникальными способностями не дает ей права губить лучшие кадры редакции, а если у Ирки есть какие-то проблемы, то их нужно решать мирным путем, а не заниматься ядовитым шантажом. И кто теперь ответит за изуродованную дверь бухгалтерии, которую пришлось взломать, потому что бухгалтерша заперлась там и категорически отказывалась открыться, пока Ирку не застрелит бригада по отлову диких животных.

Ирка бегала по кабинетам и убеждала людей, что все это дикое совпадение, что она действительно хотела пошутить, но ей уже никто не верил. Вдобавок ко всему местная желтая газетенка живописала историю в самых ярких красках, добавив к происходящему пару-тройку выдуманных трупов.

Последней каплей стал визит уборщицы Фени. Она пришла к Ирке в кабинет, поставила на стол банку соленых груздей и сказала голосом, полным неподдельного трагизма:

— Прости, дочка, нету больше ничего, все остальное он, сволочь, пропил... Как кто, муж, конечно. Меня бьет, детей колотит, а от милиции какая защита. Я его гада, сначала сама кусала, да у меня, видать, такого таланта нету, как у тебя. Ты уж его укуси, зверя, пока он в отрубе лежит. Детьми клянусь, никто не узнает, а уж мы за тебя всю жизнь будем Бога молить. Только кусай не раз, а несколько, а то он, аспид, проспиртованный, вдруг яд не подействует...

Кто-то из сослуживцев подслушал разговор, и по Дому печати поползли слухи, что бабы ходят к Ирке заказывать своих постылых мужей.

К счастью, ситуация довольно быстро разрешилась, и все потихоньку улеглось. Ирка все три месяца, пока Домбровский лежал в гипсе, бегала к нему в больницу, и через неделю после его выписки они поженились. На свадьбе гуляла вся редакция, бухгалтерша широкой рукой оплатила ресторан, и даже ответственный секретарь, несмотря на язву, позволил себе рюмочку коньяку.

Ирка стала лауреатом престижной журналистской премии в номинации «Ни хрена себе шуточки!». После всего ее пригласили на телевидение, и теперь она работает руководителем редакции развлекательных программ, получает кучу денег и собирается то ли купить квартиру, то ли рожать второго ребенка.

Юрка Домбровский бросил пить и по-прежнему строчит репортажи в родную газету. А когда редактор грозит за какую-нибудь провинность лишить его премии, он обещает привести жену для нескольких контрольных укусов. Шеф в ответ смеется, но премию все же дает. Так, на всякий случай.

Легенда о черном «мерседесе»

Эта история произошла в глухом городе Чувьрлинске в промежутке между закатом застоя и расцветом перестройки. Народ хранит ее в своей памяти, как мечту о счастье, рядом со сказкой о волшебной щуке, заветном кольце и лампе Аладдина, а командировочные часто ее рассказывают друг другу в поездках дальнего следования.

У простого чувьрлинского бурильщика Е.К. Загуделова, гласит легенда, после трех дочерей наконец родился сын. Загуделов, пока жена была в роддоме, радостно гудел. Все три дня крестин отец с помощью корешей придумывал парню имя, но им всякий раз не хватало.

Пробудившись на четвертый день и обнаружив себя в родной коммуналке, Загуделов потянул со стола газету «Чувьрлинские зори» с остатками закуски, но тут его рассеянный взор упал на заметку в том месте газетной странички, которого еще не коснулась копченая сардинелла. Корреспондент ТАСС из Одной Очень Богатой Арабской Страны (сокращенно ООБАС) сообщал о шейхе Али-Оглы бей Обуглы, который ездил на автомобиле из чистого золота, а путешествовать опралялся на яхте, оснащенной вертолетной эскадрилей.

«Еще совсем недавно, — писал журналист, — шейх со своими ста пятьюдесятью женами и наложницами жил в глинобитной сакле, а вместо транспорта имел только верблюдов, но обнаруженная в ООБАС нефть сделал его и его народ сказочно богатыми». В качестве доказательства под заметкой помещалась фотография тамошнего нищего, который просил милостыню из собственного «мерседеса» и меньше сто долларов бумажки брать брезговал.

Прочитанное потрясло Загуделова до глубины души. Решение пришло само собой: назвать сына в честь удачливого шейха, авось ребенок не разделит участь несчастного отца (тут Загуделов заплакал), набурившего за свою жизнь тысячи тонн нефти, но так ни хрена и не имеющего. Прибывшие кореша горячо поддержали идею друга и, пропустив тройного, предложили ему тут же отправиться к стенам роддома и сообщить жене о своем решении.

Зоя (так звали супругу) идею категорически отвергла. Загуделов принялся ее горячо убеждать. — «Вот я Егор Кузьмич, а что толку? — орал он в узкую больничную форточку. — двести на руки, коммуналка и геморрой с радикулитом?» — «Не ври, — вскинулась Зойка, пытаясь оторвать младенца от разом опустевшей груди. — Нам мама «Запорожец» подарила!»

Конечно, ей бы об этом не говорить. Егор за два года владения этой чудо-техникой один раз проехал на ней по двору, а остальное время хранил в багажнике картофель. Как раз неделю назад корнеплоды украли, оставив на стекле несколько слов, говорящих о том, что авторы надписи близко осведомлены о родственниках хозяина машины по материнской линии.

— Знаешь, где я имел ваш подарок?! — спросил Егор, мгновенно расвирепел от обидного напоминания. Он еще хотел добавить что-нибудь про умственные способности тещи, но тут новорожденный наконец выпустил изо рта источник питания и зашелся в сиплюм младенческом писке.

— Уйди, сволочь, ребенка зайкой сделаешь! — взвизгнула Зойка и запустила в мужа пакетиком сметаны. — Все равно не дам сына дурными именами называть!

Побить окна в роддоме Егору не дали кореша, оттащившие приятеля в ближайшие кусты. — «Все равно парня красиво назову, — плакал Егор, размазывая по лицу сметану. — Назло этим стервам. Вот сейчас прямо пойду и назову...»

Заведующая Чувьрлинским загсом всем завидовала. С ненавистью глядя на толстые книги о регистрации смертей и рождений, она загибала наманикюренные пальцы: предгорисполкома берет, замы его берут, про завторготделом и говорить нечего. Даже секретарша из приемной, эта лахудра крашенная, имеет свой магарыч духами и конфетами. А ей, можно сказать, жрице жизни и смерти, никто ничего не преподносит. Как раз в этот момент в ее лохматый от пыли кабинетик и вошел Загуделов с намерением зарегистрировать сына под именем Али-Оглы бей Обуглы. Легенда умалчивает о содержании разговора, который состоялся между бурильщиком и заведующей загсом. Лишь из появившегося позже уголовного дела можно узнать, что гр-ка Прочуханкина (фамилия заведующей) приняла в качестве взятки от г-на Загуделова три флакона одеколона «Тройной» и беретку ношеную производства фабрики «Большевичка». Вечером того же дня, допив остатки одеколона, Егор Кузьмич написал письмо шейху ООБАС, где сообщал, что назвал в его честь сына, чем признается ему в нижайшем почтении и выражает свое искреннее восхищение экономическими успехами руководимого им государства.

Потом все потихоньку забылось. Зойка вернулась из роддома, ребенка переименовали в Кольку (за это заведующая взяла сороковник), вышедший из запоя Егор, чувствуя вину, о происшедшем не заикался, и только теща в сердцах иногда величала его «африканцем».

Минуло месяца три. И вот в один прекрасный день в обшарпанную дверь Загуделовых требовательно постучали. Вошедший оказался смуглым, но с иголки одетым иностранцем, говорившим через переводчика. Гостей сопровождали три русоголовых парня с одинаково каменными лицами. Один из них подошел к Егору и сунул ему под нос лист бумаги в ученическую клетку. — «Ты писал? — спросил парень, поправляя под мышкой какой-то увесистый предмет. — «Я», — ответил Егор, с ужасом узнавая в замызганной бумажонке свое письмо к шейху. — «Ну что ж, — процедил парень, обдавая бурильщика профессиональным холодом. — Считаю, что письмо дошло до адресата». — «Дописался, алкаш, — уронила теща в наступившей тишине и пошла на кухню варить яйца вкрутую.

Зойка завывала в голос, вслед заорали дочери, запищал маленький Али-Колька. — «Спа-кой-на!» — профессионально гаркнул белобрысый, и тут же стало тихо, а смуглый иностранец что-то залопотал. Из слов переводчика выяснилось, что смуглый — посол ООБАС в стране и выполняет поручение шейха Али-Оглы бей Обуглы. Оказывается, в ООБАС существует строгий и нерушимый обычай: если в честь мужчины назвали мальчика, мужчина обязан преподнести отцу ново-

рожденного очень дорогой презент. Поэтому де шейх благодарит господина Загуделова за оказанную честь и просит принять в подарок автомобиль марки «мерседес».

Посол пожал окостеневшую Егорову руку, сунул в нее ключи, попрощался. Кавалькада машин отъехала, оставив возле дома неземной красоты черный «мерседес». Два местных гаишника отгоняли от него многочисленных соседей и прохожих.

Новость о небывалом чуде мигом облетела городок, и маленький Чувьрлинск встал на уши. Заведующая Прочуханкина, прикинутая в соболя и ламу, уже никому не завидовала, ибо за неделю чувьрлинский загс зарегистрировал пятьдесят два младенца по имени Али-Оглы бей Обуглы. Через три месяца железнодорожный эшелон, забитый «мерседесами», прибыл на ближайшую станцию. И тут город совершенно ошалел. Волшебным, приносящим богатство именем шейха бросились называть уже не только мальчиков, девочек, собак, скотину и птицу. Имя легендарного шейха присвоили двум пионерским дружинам, детскому дому, недостроенному дворцу культуры и вновь открытому нефтепромыслу. На нефтепромысле работало пятьсот шестьдесят пять человек, и каждый из них поставил под письмом, адресованным шейху, свою фамилию.

Шейх, обремененный строгим и нерушимым обычаем родины, все дарил, дарил и дарил. «Мерседесы» приходили с исправностью почтовых бандеролей. Те, у кого рождалась двойня, продавали второй автомобиль налетевшим, как туча, кавказцам и приобретали многочисленные предметы роскоши. Когда население Чувьрлинска увеличилось вдвое и резервы рождаемости были исчерпаны, началось массовое усыновление и удочерение детей. И когда, наконец, в городе не осталось ничего, что бы ходило, летало, ползало и сопело, не названное именем шейха, и на сессии горсовета встал вопрос о переименовании Чувьрлинска в Обуглинск, в ООБАС, похоже, начались сбои в экономике.

Началось с того, что те пятьсот шестьдесят пять рабочих нефтепромысла вместо «мерседесов» получили холодильники. Дальше — больше. Жителям улицы имени шейха (бывшая улица Ленина) пришли швейные машинки. Потом шейх опустил до соковыжималок и мясорубок.

Но больше всех не повезло пенсионерке Фефелкиной, которая в свои шестьдесят два родила от проезжего грузина. Грузин долго сопротивлялся, но, выпив пять бутылок коньяка, на который ушла старушкина пенсия, сделал все необходимое. И вот в ответ на фефелкинский подвиг из ООБАС пришел яркий пакет с комплектом бикини тайваньского производства.

Терпение горожан лопнуло, и они собрались на майдан, где приняли решение писать в ООН о цинизме арабского шейха, который вот уже год как издевается на мирным Чувьрлинском, присылая вместо по закону положенных «мерседесов» всякую дрянь.

И письмо, конечно же, ушло бы в ООН, если бы не дипломатическая нота, адресованная президенту страны. — «Господин президент, — писал шейх, — Умоляю вас спасти мое маленькое государство от полного разорения. Наши нефтепромыслы истощены, экономи-

ка разорена. Если вы не предпримите ряд политических мер, моему народу грозит смерть от голода».

В ту же ночь президенту приснился страшный сон. Как будто у него родился сын, которого он назвал Бараком. В ответ из США прислали огромный «мерседес», в который влезло все население страны. И будто сидит президент за рулем, а мотор не заводится. Сидящие в машине сначала ропщут, а потом все громче и громче требуют: «Шофера в отставку». И вдруг президент с ужасом понимает, что это вовсе не «мерседес», а «Запорожец». Он выходит из машины, открывает капот, но вместо мотора обнаруживает картошку...

Здесь президент проснулся и отдал ряд отрывистых указаний. В Чувьрлинск вылетела представительная комиссия. Арестовали за взятки заведующую загсом Прочуханкину, перевели на другую работу предисполкома, запретили называть новорожденных иностранными именами. И все улеглось.

Что было дальше, никто не ведает, однако известно, что «мерседес» Загуделова стал по причине отсутствия запчастей, и Егор теперь хвалит его просторный багажник, в который уместается аж триста кило моркови.

Ловля сыскарей в Грузии

— Вы здесь все, что хочешь, делай, да, — говорил мне Автандил, директор черноморского молодежного лагеря ЦК ВЛКСМ, — сациви — кушай, саперави — пей, девчонка — люби, лодка — гребь. Но только, я тебя умоляю, из окошка не падай, ладна? Танцы-жманцы ночью? Пажалуйста! Экскурсий-жмурсий? На здоровья! Парашют-марашут? Сколько нада! Но только, дарагой, сильно прошу, не падай из окошка, будь человек!

За этим немножко смешным монологом директора лучшей тогда молодежной базы страны стояла горькая правда жизни. Все дело в поручнях балконов многоэтажного корпуса, в котором жили парни и девушки со всех концов Союза. Эти самые поручни почему-то сделали очень низкими, и два-три раза за сезон посланец какого-нибудь московского, тамбовского или якутского комсомола, перебрав коварного грузинского вина, перекувыркивался через них и летел вниз, ломая сучья стройных кипарисов и магнолий. Заодно ломал что-нибудь и себе. Но, видимо, благодаря пышной кавказской зелени, каким-то чудом эти полеты обходились без летальных исходов. Автандил понимал, что «исход» рано или поздно может произойти, и тогда его, отца пятерых детей, попрут с «kozyрного» места. Потому боролся с летунами как мог. Натягивал сетки, заколачивал балконы решетками, развешивал всюду плакаты угрожающего содержания, но тщетно — сетки рвались, решетки ломались, на плакатах появлялись скабрзные надписи, а комсомольцы продолжали падать с одуряющей периодичностью. Поэтому со всяким вновь прибывшим Автандил вел долгую пронзительную беседу, приводя дикие подробности каждого отдельного падения.

— Прошлый смена девушка — красивый, умный — сначала чача пиль, потом коньяк пиль, потом хванчкара пиль, на балкон выходил, свой друг целовал-любил, головка кружился и падал. Ну ладно, ну случился беда,

упал и лежи, как человек. Так ведь нет: она голый упал! Мильтон-шмильтон приехал, стоит, смотрит. Я говорю: «Вай ме! Грузи скорей машина — больница везти», а он: «Падажди, дай сначала полюбоваться!». Тут с верхний этаж эта друг кричит: «Катя, ты свой трустик забыл! Лови!»

Излишне говорить о том, что все упавшие и причастные к падению люди изгонялись из лагеря, а «телега», которая отправлялась вслед, по месту работы, была даже страшнее самой возможности убится. Но, несмотря на это, убедительности директора хватало лишь на первые два дня пребывания в солнечном раю. Сиганье с пирса в бирюзовое море, которое ты до этого видел только в фильме «Акваланги на дне», изнуряющие ночи в объятиях крепкогрудых комсомольских богинь, смачные персики пополам с ледяным «Ахашени», стекающий по подбородку сок розового мяса, насмерть пронзенного шампуром, тугая наглая форель из шумной горной речки, футбол с местными на ящик коньяка, сон в жару под вентилятором, обманчиво близкие снежные пики за окном — вся эта лавина счастья опрокидывала в тебе любые опасения и запреты, и ты жил, как за минуту до падения в пропасть.

В комнате, где я обосновался, подобралась великолепная компания. Длинный, как жираф, Олесь, бригадир звена комбайнеров из Белоруссии, и пузатый узбек Рафшан, школьный учитель из Самарканда. Вот мы спим, манкируя завтраком, в позах, в которых застала нас минувшая бурная ночь, и вещи наши разбросаны и развешаны по спинкам стульев и кроватей. В комнату входит уборщица, бабушка Падишат, держа в одной руке ведро с «лентяйкой», в другой — пятилитровую канистру с вином. Она, кряхтя, заталкивает канистру в холодильник, извлекает из первого попавшегося пиджака первый попавшийся бумажник, достает оттуда пять рублей и заталкивает бумажник обратно. Потом начинает прибираться, ворча и звеня пустыми бутылками.

Первым поднимается Рафшан и говорит традиционную утреннюю фразу: «Эй, дехкане, кончай консистусия нарушат, идом завтрак кюцат». «Хде взять силов?» — стонет Олесь, треща всеми своими длинными мослами. «Не силов, а сил, бестолочь нерусский», — укоряет его Рафшан, соскакивает с кровати и распаивает холодильник. Он наливает вино и подносит прохладный стакан к лицу Олесь. Тот жмурится от удовольствия, перехватывает край стакана губами и в два глотка выпивает его податливое содержимое. В эти мгновения слышно, как внутри Олесь что-то счастливо екает. Через десять минут мы все на ногах, и начинается день, не раздробленный в крошку заточенным словом «режим», а наполненный активным бездельем, от которого бронзовеет кожа и крепнут наши молодые бессовестные мускулы.

Делайте со мной, что хотите: нарежьте, застрелите, утопите в Сутолоке, оставьте в час пик на центральной улице Багдада с плакатом «Да здравствуют США!», мелко расчленийте на партийном собрании регионального отделения партии «Лигачев — за демократию!», но и угасая, как лампочка Ильича во мраке Чубайса, я буду кричать: «Да здравствует Советский Союз, луч-

шая страна на земном шаре!» И никто меня не убедит в том, что либеральные ценности типа свободной торговли китайскими колготками на территории бывшей швейной фабрики лучше, чем возможность получить орден Дружбы народов за уборку урожая и по бесплатной путевке поехать в молодежный лагерь ЦК ВЛКСМ.

Сегодня у Олесь день рождения. По этому случаю он достает из шкафа моднучий по тем временам белый пиджак, к которому прилагаются не менее моднучие белые брюки — все безупречного болгарского пошива. На пиджаке сдержанно звенят ордена и медали в количестве, достаточном, чтобы отметить трудовые заслуги небольшого колхоза-миллионера.

— Ты не щеловек, — в восхищении произносит Рафшан, глядя на вертящегося перед зеркалом Олесь, — ты ВДНХ ходящий!

— Страна щедро награждает своих героев, — скромно отвечает Олесь и из внутреннего кармана пиджака достает среднюю пачку сторублевок, перетянутую черной аггечной резинкой.

— Это тоже страна? — спрашиваю я, сглатывая слюну.

— Трошки — мои, трошки — батькины, — поясняет Олесь, пересчитывая наличность, — он у меня пасечник... Ну что, на сегодня должно хватить. Айда, браты, зараз на рынок!

Парная телятина, словно сбрызнутый росой сулугуни, снопы душистой зелени, по-африкански черные баклажаны, помидоры, ткемали, виноград, горы другой снеди, названия которой я так и не выучил, все это за изнурительных два часа мы перетаскали с рынка в пляжное кафе, где предполагался званый банкет. Картину завершали несчетное количество вина в плетеных бутылках и два ящика коллекционного грузинского коньяка из личных запасов Автандила. Польщенный приглашением на именины, директор ласково пел нам свою вечную песню:

— Мукузани — пей, сациви — кюцай, лодка — любви, девчонка — греби, только с балкон не падай, ладна?

— Автандил Георгиевич, — в тон отвечал ему Олесь, держа под мышками ящички с коньяком, — вы уж поварам скажите, чтобы ужин сегодня не готовили. Чего зря продуктам пропадать...

День рождения удался на славу. Дальний конец длинного ряда столов, ножки которых утопали в горячем послеполуденном песке, терялся в сумраке сладкой грузинской ночи. Олесь, обвешанный орденами и девчонками, возвышался над застольем, как фаросский маяк. После тридцатого по счету тоста, когда мерцающий Алголь рассыпался на пять звездочек с этикетки и пересек небесный экватор, а именинник назвал советских пограничников славными позвоночниками, оставшиеся на ногах гости принялись разбредаться по палатам.

Мы покидали праздничный корабль последними. Несгибаемый Олесь левой рукой поддерживал меня, держащегося из последних сил, а на правом плече нес сладко сопящего Рафшана. В палате посланник солнечного Узбекистана вдруг очнулся и потребовал продолжения банкета. Обещания завтра начать все

сначала и угрозы дать телеграмму бабушке в Самарканд результатов не принесли. Рафшан выскочил на балкон и в знак протеста стал обильно цитировать Омара Хайяма, все ближе приближаясь к опасно низким поручням.

— Перед смертью батыр пригубляет винцо, выходя на высокое смерти крыльцо, перед смертью батыр обнимается с девой, сохраняя тем самым лицо и яйцо! — вещал Рафшан, уже раскачиваясь над бездной. Под балконом еще не уснувшие любители восточной поэзии рукоплескали каждому рубаи.

— Олесь, он же упадет! — заорал я, трезвея, как в уфимском вытрезвителе.

— Я здесь! — воскликнул мой белорусский друг и прошел сквозь широкое балконное стекло. Звон разлетевшихся осколков гармонично совпал с треском рубашки Рафшана, за которую Олесь схватил его в момент падения...

Через час приехала быстрая грузинская милиция. Дебоширов погрузили в тесный воронок, где для нас с Рафшаном осталось место только между коленями Олеса, и отвезли в отделение.

«Начальнику РОВД В. М. Габуня, — писали мы с Олесем еще час спустя. — Объяснительная. Уважаемый Варган Михайлович! Я, знатный белорусский комбайнер, кавалер орденов Дружбы народов, Знак Почета, Красного Знамени и медалей, воин-афганец, член ЦК ЛКСМ Белоруссии, депутат Верховного Совета БССР, и я, Айрат Еникеев, инвалид умственного труда и посланник славного башкирского комсомола, докладываем, что сего дня сего года на дне рождения одного из нас персонально съели и выпили каждый:

1) коньяка «Эльбрус» грузинского производства — 3 бутылки;

2) водки «Посольская» производства г. Москва — 2 бутылки;

3) вина грузинского в ассортименте и в количестве, не поддающемся счету, а также потребили продуктов питания, сколько приняла душа и наша комсомольская совесть.

Глубоко сожалеем о случившемся и обязуемся вставить стекло в балкон и в очки вашему нечаянно подвернувшемуся сотруднику за свой счет. В чем и подписуемся». Фамилии, адреса — неразборчиво.

Майора Габуню документ потряс. Он офонарел не от количества нами выпитого, не от нашей бесшабашности и звона героических регалий на Олесиной груди. Божечки мий! Впервые в его богатой милицеевской практике задержанные гости не называли его непотребными словами, не гасили тапочкой лампочки в камере, не доказывали свою кристальную трезвость, а письменно признавались в содеянном.

Растроганный Габуня на глазах у нас порвал объяснительную и приказал своим орлам отвезти дорогих гостей обратно. В палате сержанты уложили нас на кровати и подоткнули одеяла. Браты! Может ли кто-нибудь из вас похвастать, что «хмелеуборочный» мент отвозил вас домой, укладывал спать и подтыкал одеяло? Жду писем...

Поздним утром мы с Олесем, прихватив баллон вина бабушки Падишат, пришли в отделение за Раф-

шаном. На вопрос, почему вчера нашего товарища не выпустили из зиндана, Габуня сказал:

— Эта русский экстремист меня плохими словами называл, тапошкой лампочка гасил, трезвый претворялся. Значит, пусть три сутка сидит, — отрезал майор и достал из сейфа сыр и зелень.

Уже никогда не будет в моей жизни такого, чтобы обожженного самаркандским солнцем узбека обожженный кахетинским солнцем грузин называл русским экстремистом. И кажется мне, что мы, жители бывшего Советского Союза, когда-то споткнулись о чересчур низкие поручни и падаем вниз в надежде, что останемся живыми.

Мои конфеты

История погибшей любви

Марина была фантастически хороша. Воздушно-прозрачная, как суфле, она пахла корицей и миндалем. Я прикасался к ее бархатным щекам, на которых в свете подвездной лампочки можно было разглядеть тончайший пушок, и меня било током, как неопытного электрика. Ежевечерне, проводив ее до «Восьмиэтажки»¹, я забирался в засушенный кокон троллейбуса и застывал там в позе третичного эмбриона, чтобы разорвать кожуру на своей остановке. Потом следовало, ничего не видя и не слыша, доплестись до дому и под ехидным взглядом все понимающего отца забраться в постель, чтобы утром вновь родиться человеком, который ни минуты не может прожить без любимой. Сказать, что я был влюблен, это значит, ничего не сказать. Четыре года, с первого по четвертый курс института, я измерял время ударами сердца по ней и только в промежутках между ударами говорил, двигался, сдавал зачеты, пил с пацанами мутное пиво в замусоренном баре, ездил в стройотряд, играл на гитаре, дрался с географами в общаге, писал стихи, не обращал внимания на однокурсниц, которые сохли по мне пачками, проваливал экзамены и защищал курсовые. Словом, вел стандартную биологическую жизнь, которая не имела ничего общего с жизнью настоящей. Ибо, как сказал Франсуа Вийон, только влюбленный имеет право на существование.

Рваное корпускулярное движение этого процесса лишь иногда нарушали досадные мелочи вроде отсутствия денег. Хотелось делать любимой подарки, которые Марина благосклонно принимала, но стипендия в сорок рублей не позволяла купить весь мир или хотя бы парфюмерный отдел ЦУМа и бросить к ее ногам. Клянчить деньги у родителей было совестно, социалистическое настоящее не позволяло обзавестись богатым приятелем, который бы щедро давал займы, поэтому я подрабатывал как мог. Сотрудничал в газетах, занимался переводами, писал в юбилейные сборники о трудовых победах труженников села, и стоило в кармане джинсов «Райфл», привезенных мамой из загранпоездки, завестись хотя бы червонцу, мы с Мариной отправлялись в ресторан, в кино, в театр, где я «сорил» деньгами направо и налево.

¹ Центральный квартал Черниковки — окраинно-промышленного района Уфы. — Авт.

Представьте себе, были в истории нашей страны времена, когда на десять рублей позволительно было так погудеть в «кабаке» с друзьями, что участковый потом полгода здоровался с тобой за руку. Истекал тот краткий период брежневизма, когда на полках магазинов еще было кое-что из импортного барахла и съестного, по большей части болгарского, а в лучшем случае — финского производства, поэтому, отстояв полвечности в петляющей очереди, еще можно было что-то, как тогда говорили, «взять». Это сегодня, с высоты двадцати лет капиталистического опыта, понимаешь: нынче даже самый захудалый магазин на уфимской окраине по ассортименту превосходит все тогдашние гастрономы Москвы вместе взятые. А в далекую эпоху тотального дефицита по счастливой случайности купленная коробочка «Птичьего молока» открывала дорогу к любому девичьему сердцу.

Марина обожала сладкое. Вижу, как сейчас: мы готовимся к экзамену. Я читаю вслух что-то про аспекты анализа лексической сочетаемости французских глаголов и гляжу на ее профиль в свете багрового черниковского солнца. Она кивает головой, усваивая текст, а ее бархатные щеки шевелятся, участвуя в пережевывании печенья, покрытого шоколадной глазурью. Мне абсолютно плевать на всю Францию вместе с ее глаголами, на стремительно убывающее в хрустальной вазе печенье, за которым я выстоял час и чуть не подрался с какой-то нахальной бабкой, мне плевать на заходящее светило — потому что я касаюсь Маринкиного плеча через шифон платья и думаю, что вот сейчас — умру. Умру от любви и нежности, ощущаемой в виде миллионов мурашек, перекачивающихся под кожей. За всплеск ее рук, напоминавших крылья, и вскрик «Ой, это же мой любимый шоколад с коньячной начинкой!» можно было отдать все. Поэтому, когда я увидел те конфеты в буфете здания СЭВ, я понял: это подарок, достойный моей возлюбленной. Впрочем, все по порядку.

На четвертом курсе вышла моя первая стихотворная книжка. Лишь по странной случайности в нее затесалось несколько стихотворений, не посвященных объекту моего обожания. Спустя неделю я с удивлением услышал, что за счастье увидеть свои рифмы напечатанными мне еще полагается и гонорар. А когда конопатая кассирша в бухгалтерии издательства отсчитала мне шестьсот рублей (полугодовая зарплата неквалифицированного инженера), я понял, что равен богу.

Получение гонорара чудесным образом совпало с сентябрем, временем, когда я, саккумулировав заработанные за лето деньги, оправлялся в Москву — побродить по музеям, посмотреть театральные премьеры, где приходилось брать «лишние» билетки по цене, втрое превышающей номинальную. К счастью, папа, работавший снабженцем, располагал в столице обширными связями, поэтому мне было, где остановиться.

По дороге в Москву проводница втюхала мне продуктовый набор, состоящий из полутухлых яиц, каменных кексов и плавленых сырков, потрескавшихся, как земля в засуху. Я поедал все это, не чувствуя вкуса и запаха, и без конца читал соседям по плацкарту стихи из новой книжки. Наконец, проводница поняла, с кем

имеет дело, принесла завернутую в фольгу куриную ножку и все время, пока я ел, смотрела на меня глазами матери, провожающей сына на фронт.

На Казанском меня встретил папин приятель дядя Гена и отвез к себе на квартиру в Дегунино. Он был заядлым аквариумистом, и комната, в которой мне предстояло прожить несколько дней, представляла собой фантастическое зрелище: всю ее стену напротив окна занимал гигантский аквариум, в котором от пола к потолку парили тропические рыбки. Помещение было наполнено стрекотом каких-то приборов, бульканьем роящихся пузырьков и мерцанием подсветки, пронзающей воду, как солнечные лучи поверхность океана.

— Вот раскладушка, — сказал дядя Гена. — Во сне не шевелиться, не дышать, а о том, чтобы пукать, даже думать не моги. Рыбки очень болезненно реагируют на нарушение газового баланса... Давай отдыхай, а завтра поедем в СЭВ — батя твой просил кое-какие документы передать...

Здание СЭВа, представлявшее тогда одно из достопримечательностей Москвы, тоже походило на аквариум. Только вместо рыбок были люди, плывущие в прозрачных лифтах и ныряющие по прозрачным лестницам.

Дядя Гена привел меня в буфет, оставил возле стойки, блиставшей гнивающим западным избытком, и попросил подождать. Я уставился на бутылочный иконостас из ни о чем не говорящих названий и вдруг увидел в центре витринной композиции открытую коробку с конфетами.

Сначала я подумал, что это святочный набор из папье-маше, установленный здесь исключительно для красоты. Потом до моего рассеянного сознания дошло, что эти миниатюрные домики, деревья, коровки, пасущиеся на лугу, башенки рыцарского замка сделаны из разноцветного шоколада, а речка, наискосок пересекающая сказочную долину, — из зеленого мармеладного желе.

— Скажите, — спросил я буфетчицу, преодолев оцепенение, — это конфеты?

— Да, — сказала она буднично.

— А они продаются?

— А вы что, купите? — спросила буфетчица с надеждой продавщицы сельпо, которая все никак не может избавиться от залежалой партии амбарных замков. — Имейте в виду, они сто двадцать рублей стоят (месячная зарплата квалифицированного инженера с прогрессивкой).

— Да, — сказал я и полез за деньгами.

Буфетчица осторожно сняла коробку с витрины, и тут, вдобавок ко всему, обнаружилось, что ее крышка при открывании-закрывании издает мелодичный звон (тилинь-тилинь!), создаваемый несложным позолоченным механизмом. Это повергло меня в совершенную оторопь, поэтому я, уже ничего не соображая, приобрел бутылку коньяка «Реми Мартин» — еще на половину инженерской зарплаты.

Когда я рассчитывался, в буфет вошел дядя Гена. Он оценил происходящее взглядом коренного москвича и спросил буфетчицу:

— Анна Васильевна, вы рады?

— Еще бы, — воскликнула та, лучась счастьем. — У меня эти конфеты четыре месяца стоят. Уж хотела на склад сдавать...

— Кому подарочек? — спросил дядя Гена, но, посмотрев на мое лицо счастливого кретина, добавил: «Можешь не говорить. Сам от баб всю жизнь страдаю».

Так и прошли эти несколько чудесных дней в Москве: под звон по сто раз на дно открываемой коробки, под порхание тропических рыбок и фантазии о том, как я приеду в Уфу, как открою перед Мариной свой подарок и как мы с ней будем отламывать по крохе от шоколадных домиков, запивая эти крохи французским коньяком. Мои эротические мечты, безусловно, простирались и дальше, но я боялся загадывать.

На обратном пути соседями по купе оказалась супружеская пара лет сорока, показавшаяся мне тогда ну совершенно престарелой. Конечно же, я замучил их своими стихами и, конечно же, продемонстрировал шоколадное чудо.

— Ну и дурак же ты, братец, — вдруг сказал глава этой семьи, забрался на полку и раздраженно зашуршал «Правдой».

Его жена, круглолицая милая русачка, помогла уложить коробку обратно в чемодан, а потом вдруг взъерошила волосы на моей голове, часто-часто заморгала густыми ресницами и отвернулась к закопченному вагонному окну. Муж, наблюдавший за происходящим с верхней полки, вдруг сказал: «И ты тоже дура» — и, уткнувшись в стенку, сердито засопел...

На вокзале я схватил такси на последние деньги и помчался к любимой. Там Маринына мама Алевтина Кузьминична морила клопов.

— Знаешь что, — сказала Марина, — спасибо тебе, конечно, за конфеты, но сейчас не та ситуация. Приезжай завтра, а лучше послезавтра, когда выветрится. А конфеты с коньяком оставь, что тебе с ними таскаться...

Два дня прошли, как в тумане. Я не пил, не ел, не спал, а к назначенному сроку торчал у дверей заветной квартиры. Оказалось, что совершенно случайно дома никого нет, несмотря на вечер, и что стол накрыт не как обычно, а с некоторым шиком, и свечи торчат в подсвечниках, и осталось их только зажечь.

— А где конфеты? — спросил я, не увидев на столе привычной яркой коробки.

— Ой, ты знаешь, — закусил Марина нижнюю губку и передвинула поближе ко мне блюдо с салатом, — а я их съела...

Ну почему, почему я тогда не заржал идиотским смехом и не выдал что-нибудь типа: «Горазда же ты, старуха, конфеты жрать! В коробке-то три кило было!»? Почему я не бросился в ванную и не сунул башку под кран с ледяной водой?! Почему я, наконец, не разорвал на ней кофточку так, чтобы пуговицы стеклянными бабочками разлетелись по всей комнате? Почему я, черт меня возьми, не сорвал с нее этот пошлый бюстгальтер с дырочками в виде цветов, не затолкал ей в рот, чтоб не орала, и не овладел ею с силой голодного павиана, не боясь ни тюрьмы, ни женитьбы?! Почему я не сделал... ну чего угодно, что на моем месте совершил бы любой нормальный человек и был бы счастлив до конца жизни? Почему?!

Нет, ну что вы! Мы же гнилая интеллигенция с ранимым сердцем и не менее ранимыми потрохами! Мы же не можем, как все люди, по-простому, нам же подавай какую-нибудь фрейдистскую хрень, чтобы потом казнить и каяться всю жизнь! Нам же нужно обязательно представить себе в деталях, как твоя обоготворенная возлюбленная правой рукой набивает рот шоколадными коровами, а левой запикивает за щеку зеленый мармелад!..

Я смутно припоминаю, что было потом. Кажется, я налил себе полный стакан «Реми Мартин» и выпил, как воду. Кажется, я налил еще стакан и снова выпил, не ощущая ни вкуса, ни запаха. Кажется, спустя минут сорок меня рвало этим коньяком на углу Ульяновых и Первомайской, а когда подъехала машина с голубыми полосками, кажется, я вошел в нее, как на Голгофу. Кажется, я плакал и рассказывал сержанту, почему я плачу. И за квартал до вытрезвителя тот вдруг оставил машину, выяснил адрес и приказал водителю ехать туда. Потом он помог подняться до квартиры и уронил меня в руки оторопевшего отца...

Спустя много лет я вдруг встретил в автобусе маму Марины, Алевтину Кузьминичну. Та бросилась ко мне через весь салон, вцепилась в рукав и, немного волнуясь, спросила: «Почему, ну почему ты тогда так внезапно и навсегда прервал дружбу с Мариной? Она была так удивлена и разочарована...»

Я стоял и молчал, глядя на пожилую толстую женщину, как две капли воды похожую на девушку, истово любимую мной двадцать с лишним лет назад. Не мог же я сказать, что бросил ее дочь из-за того, что та слопала какие-то там конфеты, тем самым разбив мне сердце. А если ничего не можешь сказать, то лучше всего хранить молчание.

Ностальжи

Попытка типологии цен периода расцвета застоя

Я, как реликвию, храню
в пространстве старого комода
полуистертое меню
от семьдесят седьмого года,
где раки за два пятьдесят
ползут в казенные тарелки,
где лук зеленый в поросят
за пять рублей вонзает стрелки,
где соусом прикрыт фазан,
среди румяных фруктов брошен,
где с водкой шепчется нарзан
о чем-то добром и хорошем,
где спит шампанское пока
в своем серебряном ведерке
и где цыплята табака
дешевле здешней хлебной корки.
Не злюсь, не плачу, не виною.
Все у меня в порядке вроде.
Я просто старое меню
храню в реликтовом комоде.

Праздник детства — найти рубль! Если внимательно вглядываться в мясистую траву возле пивнушки, где подвыпившие мужики роняют мелочь из кошельков,

как пену из мутных кружек, обязательно найдешь! Такой круглый, железный, с лысым Лениным на обороте. И тогда расклад такой.

Билеты на «Кавказскую пленницу» (в одиннадцать раз!) себе и приятелю — 20 коп. По мороженому в хрустком вафельном стаканчике — 24 коп. По три стакана газировки из красного автомата (из синего — невкусная) — 3 коп. стакан, стало быть, 18 коп. Сколько там осталось? 38 коп.? Это значит пятнадцать раз шамальнуть в тире (2 коп. — пулька) и ма-а-ленькую шоколадку за 8 копеек.

По нынешним меркам — под штуку вылезает.

Праздник юности — найти червонец!

Представляете, сидишь ты в кафедральной библиотеке за день до экзамена по исторической лингвистике и читаешь о результатах второй палатализации. Нет, это не от слов «палата» и «лизать». Это про то, как наши славянские предки после татаро-монгольского нашествия стали произносить то ли «ж» вместо «г», то ли «г» вместо «ж». И вот сидишь ты, опухая от этой фонетической чуши, как вдруг твой рассеянный взор упирается в красное пятно на полу с тем же милым сердцу лысым профилем. Трепеща от нахлынувшего счастья, ты берешь его в руки и понимаешь, что тебе повезло второй раз в жизни. И тогда расклад такой.

Два билета на польский фильм «Анатомия любви» — 1 руб. В киношной кафешке ей — бокал шампанского и мороженое, себе — стакан «Земфиры» и бутер с колбасой — 1 руб. 60 коп. Два салата, два вторых, бутылка «Ркацители», двести водки и какао с пенками в ресторане — 4 руб. 40 коп. Три астры у старухи на углу — 1 руб. 20 коп. Газета «Правда», чтобы постелить на скамейку, — 2 коп. Штраф милиционеру за аморальное поведение — 1 руб. И еще остается с парнями на завтрашнее пиво после экзамена. По нынешним меркам — штуки три, не меньше.

Праздник молодости — найти работу в заводской многотиражке с окладом 145 рублей (плюс премия, прогрессивка и гонорар за книжку о подвигах башкирских станкостроителей). В итоге к лету с отпускными — 850 рублей на руки! И тогда расклад такой.

В Гагры с женой по профсоюзной путевке — 120 руб. Там шашлык-машлык, фрукты-шмуцты, вино-мино еще рублей 200. Самолет до Москвы — 40 руб. Там жене шубу из рижского мутона — 180 руб., себе стильный болгарский плащ за 65 и «саламандровские» корочки по блату за 40. Кроме этого — шесть кило говядины, три кило апельсинов, семь бутылок пепси-колы, три коробки зефира в шоколаде, четыре палки московской сырокопченой, пять банок растворимого кофе, маме крем «Пани Валуевская», бутылку вина «Мурфатлар» отцу и — море счастья. И даже остается около сотни до следующей полочки.

По нынешним меркам, как ни считал, меньше четырех штук не выходит. Долларов.

Какие праздники дарят нам стремительно седеющая зрелость? Почему 120 руб. за телевизор «Сигнал-2» с «пшеном» помнишь всю жизнь, а стремительно мелькающие нули за «фунай», «панасоники» и «сони» напоминают счетчик однорукого бандита? Кажется,

еще пара ударов по кнопке и вот оно, твое «эльдorado». И вдруг: Sorry. Game over. Почему? Почему до смерти не забыть, как занял у мамы 40 рублей и улетел к возлюбленной в Москву, и хватило, чтобы три дня жить там и вернуться худым, но счастливым? А сегодня — десятки тысяч каждый год, и уже не отличить Турцию от Кипра, а 52-ую от Тверской. Почему? Какое нашествие прошло по Руси, что сограждане уже давно перестали отличать «г» от «ж» и «я» от «ё»? И в какой густой траве лежит тот неразменный рубль с лысым профилем на обороте, который открывал дверь в простое человеческое счастье, в котором было уютно, как в каморке папы Карло?

Ночные прелести Парижа

Тогда еще в Париже не жгли автомобили, и по улицам можно было гулять без всякой опаски. Даже по Пляс Пигаль и бульвару Клеши, наводненным сутенерами, проститутками и личностями, чьи физиономии не обещали ничего хорошего. Туристов, как носителей серьезных денежных сумм, категорически не трогали. Впрочем, мы с моим спутником, партийным функционером районного масштаба, особой толщиной кошелеков похвастать не могли, но все равно намеревались потратить часть своих скромных франков на знакомство с центром разврата и порока. Юрий Григорьевич, маленький юркий дядька, руководил мной, как на заседании бюро горкома, заставляя переводить ту или иную вывеску со скабрешными картинками. Он меня совершенно замучил намерением отыскать самый дешевый стриптиз, и, когда наконец таковой отыскался, Юрий Григорьевич достал из-за пазухи початую бутылку «Столичной», купленную еще в Москве, и мы сделали из нее по добромуту глотку.

— Ну что, народ к разврату готов? — бодро спросил меня мой партийный лидер и распахнул дверь. Это был, наверное, самый дрянной на всей Пигаль пип-шоу, пахнувший дешевыми сигаретами «Голуаз» и немывтым сортиром.

В центре сумрачного зальчика находился круглый вращающийся подиум, вокруг которого располагались тесные зашторенные кабинки. Похоже, мы были за ночь первыми посетителями этого жалкого заведения, потому что кассирша с лицом и голосом Фаины Раневской встретила нас как родных. Содрав с каждого по сто франков (стоимость портативного магнитофона), она вручила нам билетики с изображением пышных грудей и номерами.

Оказалось, что цифра «четыре» на моем билете не имела никакого отношения к женским прелестям и обозначала всего лишь номер кабинки. Я вошел в нее, и маленькое квадратное окошечко поползло вверх. Вспыхнул свет, и на подиум, зевая и почесываясь, вышла худая, как вобла, негритянка. Бюст у нее был явно не четвертый номер. Если быть честным до конца, то бюст отсутствовал вовсе. Поэтому сначала я принял стриптизершу за чумазого подростка из какого-нибудь парижского предместья и, только приглядевшись, по ряду очевидных признаков распознал в ней женщину. Та тем временем сбросила с себя какие-то обноски и стояла голая, переминаясь с ноги на ногу. Сделав над

собой еще одно усилие, я понял, что это она танцует.

Рядом, за тонкой стеной соседней кабинки, пыхтел и повизгивал мой спутник. Мне захотелось с размаху ударить кулаком по перегородке и заорать: «Юрий Григорьевич, вам не кажется, что нас обманули?», но в это время негритянка подняла правую руку вверх, а левой почесала под мышкой. Потом собрала тряпки и ушла, оставив меня догадываться — то ли это было последнее эротическое движение, то ли ей просто захотелось почесаться.

Мы вышли под мелкий парижский дождик, и я признался партийному боссу, что никакие пропагандистские акции, никакие агитационные мероприятия не возбуждали во мне столько ненависти к капитализму, как этот сеанс стриптиза. Было до боли жаль ста франков, и только знакомый вкус «Столичной» слегка скрасил упавшее настроение.

Юрий Григорьевич предложил поискать что-нибудь более приличное, но чем дальше удалялись мы от «неприличного» пип-шоу, тем выше становились цены на разврат. Наконец мы набрали на сиявший огнями порнотеатр со стоимостью билетов в районе тысячи франков. Над входом висела гигантская афиша, которую при беглом взгляде можно было принять за изображение общественной бани, битком набитой людьми обоего пола. Более подробное рассмотрение позволяло понять, что народ на афише делает все что угодно, но только не моется.

Мы вошли в роскошно оформленный холл, по которому фланировала пестрая публика. Среди зрителей ходил юноша в форме гостиничного стюарда, но без тросов и бесплатно раздавал программки. Последние были похожи на малоформатные порножурналы с фото самых пикантных сцен из будущего представления. Юрий Григорьевич решительно направился к «стюарду».

— Сувенир? — спросил он юношу и ткнул пальцем в солидную стопку программ, лежащих на стойке неподалеку.

— Уи, — кивнул «стюард» всем, что у него было, и протянул гостю одну программку.

— Мерси, — ответил Юрий Григорьевич, сгреб всю пачку и на глазах разинувшего рот парня выскочил на улицу. За углом мы по-братски поделили добычу и решили, что с развратом пора заканчивать.

Усталость и «Столичная» брали свое, и через полчаса блуждания по переулкам мы поняли, что заблудились. Было уже глубоко за полночь, я еле волочил ноги и несколько раз порывался взять такси, но Юрий Григорьевич из жадности категорически отказывался оплачивать свою часть расходов, а везти его задарма мне не хотелось. Наконец, потеряв всякую надежду сориентироваться на местности, мой спутник обратился за помощью к двум девицам вполне определенной наружности. Те, было, попытались увлечь нас в «райские кущи», но, сообразив, что мы нищие советские туристы, из жалости взяли указывать нам путь.

По дороге Юрий Григорьевич несколько раз доставал из кармана бутылку, так что к отелю мы подошли в обнимку с девчонками и распевая «Подмосковные вечера». Где-то между пятым и шестым прощальными

поцелуями дверь отеля распахнулась, и мы с ужасом увидели Ребекку Кирилловну, пресс-секретаря союзного министра, возглавлявшего нашу группу. Фактически группой руководила она, добиваясь от нас железной дисциплины и высокого морального облика. Фигурой и манерой двигаться и говорить эта женщина напоминала немецкую самоходку «Фердинанд» времен Курской битвы. Излишне говорить о том, что Ребекку Кирилловну все очень боялись, включая и самого министра.

Юрий Григорьевич вдруг растаял в воздухе, словно сиреневый туман, и я остался один в обнимку с двумя парижскими проститутками, весь измазанный помадой и с порнографическими программками, торчащими из карманов. Девчонки поняли, что назревает нечто нехорошее, и тоже поспешили ретироваться. Весь удар чудовищной машины я принял на себя.

На следующий день группа была в курсе моих ночных приключений. Даже сам министр подсел ко мне в автобусе и как бы ненароком спросил, действительно ли француженки отличаются от наших, а если да, то по каким параметрам. Я принялся торопливо объяснять, что ни с какими француженками дела не имел, что просто гулял по ночному Парижу (Юрия Григорьевича я выдавать не стал) и заблудился, а девушки любезно согласились меня проводить.

— Да верю я вам, — сказал министр, — что вы так волнуетесь? Кстати, сколько у них это стоит?

На несколько дней я стал объектом крепких мужских шуток и подколов, сначала расстраивался, а потом махнул рукой, и к концу долгой наполненной событиями поездки эта история забылась. И только Ребекка Кирилловна по-прежнему относилась ко мне как к морально нестойкому типу.

Наконец пришло время отправляться в обратный путь. Вечером, накануне отъезда, я решил заранее собрать чемодан. Утром нас ждали торжественный прием в министерстве промышленности Франции и скорый отъезд в аэропорт. Я разложил многочисленные покупки, чтобы поаккуратней упаковать их, открыл чемодан и увидел тугой сверток, обернутый в пергаментную бумагу и перетянутый суровой ниткой.

Черт, как я мог забыть! Дело в том, что накануне поездки в мой соборовский корпус явился бабай в шерстяных носках и калошах. Вытирая лицо губетейкой, он сообщил, что прибыл из далекой деревни Султанаево, откуда родом и его любимая дочь Аклима. Несколько лет назад она вышла замуж за француза, который вместе со своими коллегами строил в Уфе завод коммутационной аппаратуры, и теперь живет с супругом в Париже. И не мог бы я передать Аклиме ее любимое лакомство — копченого гуся, за что вся родня будет благодарна мне по гроб жизни. Телефон и адрес прилагаются.

Гуся пришлось взять, и теперь я, костеря себя за забывчивость, набирал номер телефона землячки. Время было позднее, и я попросил ее как можно быстрее приехать ко мне в гостиницу и забрать посылку с родины. В мгновение ока примчавшаяся Аклима оказалась симпатичной татарочкой, тараторившей без умолку. Сейчас мы поедем ко мне домой, трещала она, я соберу сувениры для братишек и сестре-

нок, потом мы поужинаем, и я отвезу вас обратно, и не вздумайте отказываться, в кои веки приехал в Париж земляк, муж все равно в командировке, так что нечего стесняться, она покажет мне дом, оранжевую и бассейн, где я, если захочу, смогу поплавать, и успею я на свой торжественный прием, никуда он не денется. Словом, она почти силком затолкала меня в свой «Пежо», и через сорок минут я бродил по уютному трехэтажному особняку, увешанному цветами и картинами. Меня очаровал доселе неведомый мир сытого европейского благополучия, и, накормленный изысканным ужином и перепробовавший практически все содержимое домашнего погреба, я позорно заснул на берегу пронзительно голубого бассейна, укутавшись в мужнин халат.

Утром я открыл глаза и, взглянув на часы, с ужасом понял, что прием уже начался, а меня на нем нет. Ну и что, подумаешь, немного опоздали, продолжала трещать Аклима, как будто и не останавливалась со вчерашнего вечера, сейчас мы сядем в машину и вмиг долетим до этого министерства, и никто даже и не заметит моего отсутствия. Но ночной Париж — это не Париж утренний. Мы несколько раз застревали в пробках, прежде чем Аклима остановила машину у высоких, торжественно распахнутых дверей. Наша делегация уже стояла возле них в ожидании автобуса, и, когда я, держа в руках многочисленные пакеты с сувенирами для родственников Аклимы, выбрался из «Пежо», мужики в немом восторге уставились на меня. У них на глазах яркая французенка, плача, обняла меня, несколько раз поцеловала и укатила, взвизгнув протекторами. И я остался опять стоять один перед Ребеккой Кирилловной, измазанный помадой и тушью.

— Ну что ж, — сказала женщина-танк таким тоном, от которого меня бросило в дрожь, — вы, по своему обыкновению, провели ночь в обществе парижской проститутки.

— Это совсем не то, что вы думаете, — пытался я защищаться, — это моя землячка из Башкирии.

— У-у-у, — завыл от смеха министр и, чтобы не упасть, прислонился к стене.

— А что вы смеетесь? — возмутился я. — Это действительно так. Ее зовут Аклима.

— Гы-ы, — заржали остальные мужики.

— «Клима», — источая презрение, сказала Ребекка Кирилловна, — это духи, которыми пользуются французские кокетки.

— Не «Клима», а Аклима, — продолжал я защищаться. — Это имя девушки. Она родом из деревни Султанаево.

Министр, не в силах произнести ни слова, стал жестикулировать, просить меня хоть немного помолчать, а то ему сейчас станет плохо. Но я, обиженный хохотом присутствующих, продолжал доказывать свою правоту.

— Да, ее родня попросила передать ей посылку, и я привез копченого гуся.

— Во-первых, — холодно спросила Ребекка Кирилловна, не разделявшая общего веселья, — что вы имеете в виду под словом «гусь», а во-вторых, почему он у вас копченый?

С людьми началась истерика, и они, поддерживая друг друга, полезли в подъехавший автобус. В салоне мы продолжали препираться с Ребеккой Кирилловной, и после каждой реплики на публику напал очередной приступ хохота.

В качестве последнего аргумента я достал фотографии, которые Аклима велела передать родне. Как назло попала та, на которой моя землячка в купальнике позирует на фоне бассейна.

— Уберите свою порнографию! — заорала пресс-секретарь, выходя из себя.

— Ух ты! — воскликнул кто-то, рассматривая снимок, — ему даже карточки успели напечатать. Вот это сервис!

Я понял, что ничего доказать не смогу, плюнул и отвернулся к окну. В конце концов, совесть моя была чиста, а если эти люди в меру своей испорченности вообразили себе бог знает что, это их проблемы, а не мои. И мы с Аклимой здесь совершенно ни при чем.

Трамвай — желание

Хочу в Одессу. Не в эту, украинизированную самостоятельными «жовто-блакитными», доказавшими свою самобытность авариями канализационного коллектора, после которых знаменитые одесские пляжи превратились в шаланды, полные фекалий, нет. Я хочу в ту, далекую, «догорбачевскую» Одессу, пахнущую жареными каштанами и наполненную интернациональным русско-еврейско-украинско-татарским бытом. И хотя, как утверждает Жванецкий, этого городка давно уже нет, память все возвращает и возвращает меня обратно...

Это был год сорокалетия Победы. Мы стояли в жаркий июльский полдень на привокзальной площади и озирались в поисках какого-нибудь транспорта. Мы — это я, журналист «Молодёжки», и очаровательная посланница башкирского комсомола, чей дед в сорок четвертом погиб, освобождая Одессу от фашистов. Тогда, на завершающем этапе Яско-Кишиневской операции, здесь полегло почти триста тысяч человек, и теперь Одесса благоухала вокруг нас благодаря их обильно пролитой крови.

Ехать предстояло в гостиницу, и я, повертев головой и не обнаружив городского транспорта, направился к стоянке такси. Возле ближайшей машины торчал чубатый парень и лузгал подсолнух. Пока я шел к нему, он внимательно изучал мой совковый прикид, наконец поднял глаза от сандалий фабрики «Скороход» и сказал, опережая вопрос:

— Юноша, я таки вас свезу в один конец, но у вас не станет денег вернуться к себе на Урал...

И тут же сорвался в сторону яркой парочки — пожилого фирмача в потертых джинсах и его грудастой спутницы, в которой без труда угадывалась винницкая казачка, приехавшая в Одессу для налаживания международных половых контактов. Дед что-то шептал ей, передавая таксисту объемный кофр, весь заляпанный наклейками, а «пампушка» хохотала с ярко выраженным украинским акцентом.

— Ваш транспорт скоро будет, — крикнул нам водила, распахивая дверь перед клиентами, и кивнул в сторону трамвайной остановки.

— И правда,— сказала моя спутница,— поедем на трамвае. А на деньги от такси лучше фруктов домой привезем.

Досаду от общения с наглым таксистом скрасило то, что остановка была пуста. «Вот хорошо,— подумал я,— сейчас сядем в свободный вагон и прокатимся по Одессе. Из такси-то что увидишь». Очень хотелось пить и мороженого, но я боялся отлучиться, надеясь, что трамвай вот-вот подойдет.

Через сорок минут стояния на жарком солнцепеке я вдруг обнаружил себя стиснутым в плотной толпе таких же, как мы, пассажиров, с такой же надеждой глядящих за горизонт. Толпа не проявляла никакой тревоги и раздражения и делилась примерно на две половины: первая обсуждала матч «Черноморец» — «Динамо» (Киев), вторая — цены на Привозе.

— Да, я тоже когда-то была молодая,— ворковала необъятная тетка в пятнистом сарафане,— но проси мой папа за меня такое приданое, сколько стоит сейчас молодая картошка, я б до сих пор была старой девой. А у меня пятеро, и все же ж просят есть...

— Если это футбол,— рассуждал рядом колоритный одесский старик,— то моя теща — Майя Плисецкая. Ты видел, как танцует моя теща? Нет? И упаси бог. Я видел, и уже семь лет на инвалидности. Мне бросить палку, выйти на поле, и я сыграю лучше, чем эти лишенцы. То же позор — пропускать голы от человека по фамилии Блохин!..

Вдруг рядом возник рыжий дядька в соломенной шляпе, прижимающий к груди картонную коробку со щенками. Очаровательные пушистые комочки пищали и тыкались друг в друга, как пассажиры на тесной остановке.

— Ой, какие славные,— воскликнула моя спутница и попыталась погладить одного из щенков.

— Ой, берите их, робяты, ой, берите, недорого возьму,— взвился дядька.— Дывитесь, яки малесеньки. Дуже удобно: хоть варить, хоть храться.

— Как варить? — ужаснулась девушка.

— Та я ж бачу, шо вы корейцы,— сказал дед, видимо, имея в виду восточный тип лица моей спутницы.

— Сам ты кореец,— возмутился я.— Мы из Уфы.

— Дядько, ты шо, сказився? — встрял какой-то парень,— Уфа ж в Монголии, а там собак не едят...

Но не успел я объяснить, где находится моя родина, как из-за мощного булыжником косогора показался трамвай. Вид этого раненого таракана, ползущего к месту своей кончины, ужаснул меня до глубины души. Трамвай, влекомый электричеством и честным словом тех, кто его изготовил много лет назад, был сделан из досок и двигался со скоростью загнанной черепахи, проигравшей свое последнее дерби. Доски тряслись и стукались друг о друга, словно кости доисторического ящера,— будто в музее, где их выставили, поднялся страшный сквозняк.

Это был знаменитый одесский трамвай, предмет любви и гордости каждого одессита. Его ласково называли «Яша», в нем никто и никогда не брал билетов, как не берут билетов в открытый летний кинотеатр, поскольку зачем платить деньги, когда из-за забора и так все видно. Я наблюдал его первый и последний

раз в жизни и теперь уже не забуду никогда.

Трамвай подполз к остановке, и двери его расползлись, как швы на теле старого гладиатора. Салон был набит пассажирами так, что казалось, будто люди лежат там штабелями. Глядя в эти джунгли переплетенных рук и ног, я понял, что ни один из восьмидесяти стоящих на остановке в трамвае войти не сможет. Но толпа, похоже, была иного мнения. Она подняла нас с девушкой и принялась втискивать в вагон, стоявший, как живое существо. Никто не желал оставаться снаружи, и люди помогали друг другу самыми разными частями тела, словно выполняли нелегкую, но объединяющую всех работу.

Тяжелее многих пришлось пожилым людям. Какая-то бабушка, прижатая двумя мускулистыми парнями, как шпала рельсами, воскликнула:

— Молодой человек, оставьте елозить по мне, у меня уже есть мужчина!

— Шо вы себе придумали, мамаша,— возмутился парень под взглядами смеющихся пассажиров.— Я вас отнюдь не жажду!

— Тогда уберите руку!

— Какую — эту или эту?

— Вот эту.

— То ж не моя!

— Тогда узнайте чья и уберите!

Тут раздался голос вагоновожатого, искаженный шипящим динамиком:

— Граждане пассажиры, чтоб я поехал, пока вы не закроете двери!

После нескольких невероятных усилий двери таки закрылись со склеротическим скрипом, но трамвай по-прежнему стоял.

— Скажите там, что все закрылось, пусть он едет! — закричала бабуля куда-то в слипшуюся массу. Вагон не двигался.

— Скажите этому душегубу, чтоб он увидел во сне мои ноги: или пусть едет, или я не знаю! — завопила женщина уже на грани истерики.

И вдруг парень, уязвленный несколько минут назад, ехидно произнес в полной тишине:

— Мамаша, шо вы кричите? Мы ж во втором вагоне.

От смеха пассажиров трамвай задрожал... и тронулся...

Если верить Жванецкому, той Одессы уже нет. А опустевшее пространство, как известно, имеет свойство заполняться чем-то другим. В последний свой приезд в этот город, как раз накануне Дня Победы, я застал на Дерибасовской шествие с транспарантами «Геть москалів!». Над толпой развевался флаг с трезубцем и мелькали нарукавные повязки с какими-то знаками. Я подумал: одеть бы еще шествующих в соответствующую форму — и один в один архивный снимок: «Дивизия «Галичина» принимает присягу Адольфу Гитлеру».

Стайка немецких туристов с ужасом смотрела на вскинутые вверх руки. Еще бы: на родине Гитлера за такое сегодня сначала лупят дубинками, а потом надолго сажают в тюрьму. Вот удивился бы дедушка моей тогдашней спутницы, увидев эту демонстрацию, прилежно охраняемую милицией. Но ему повезло: он

не видит этого позора, потому что погиб в здешних местах уже шестьдесят с лишним лет тому назад.

Вино для одувачиков

Раскоп лежал на невысоком ковыльном холме, в двухстах метрах от моря. Мы с голодной студенческой жадностью мечтали найти сокровища косматых степняков, живших здесь несколько тысяч лет назад, но сухая крымская земля, подобно скупой старухе, отдавала только горшечные черепки и кости животных. Собственно, в составе университетской археологической экспедиции я, филолог-первокурсник, оказался случайно. В дорогу, уж как водится в восемнадцать лет, меня поманила любовь: волоокая богиня Оксана, трогательно вытиравшая губы тыльной стороной ладони после каждого поцелуя. Я честно отворачивался, когда она выжимала за камнями свой купальник, дальше бретелек которого меня не допускали. Я робел перед ее пышной русской красотой, хотя незагорелые места остальных девчонок попадались на глаза по сто раз на дно.

Однажды я заснул в душевной палатке, так надежно прикрывшись влажной простыней, что прибежавшие с пляжа археологини взялись переодеваться в сухое, не догадываясь, что рядом лежит бурно созревающий мужчина. От их писка и хихиканья я проснулся и в бязевую щелку, не дыша, наблюдал такое, что может привидеться только самому счастливому из смертных. С тех пор на моем лице появилась загадочная улыбка человека, которому ведомо то, что недоступно остальным окружающим.

Вечером, когда посуда после ужина была перемыта, с эбенового крымского неба на лагерь падала крошечная южная ночь. Я брал гитару, садился спиной к костру, свешивал ногу с невысокого берегового откоса и начинал бредить Окуджавой, Визбором и Высоцким. Между песнями мы пили сладкое, как компот, вино, ежевечерне покупаемое в соседнем селении.

Дело в том, что экспедицию возглавлял мешковатый доцент кафедры археологии. Мало того, что он был для нас глубоким тридцатипятилетним стариком, так еще умудрился взять с собой жену и четырехлетнего сына. Занятый припадочной от ревности супругой и присмотром за пацаном, который носился по лагерю, вечно чумазый от сгущенки и шелковичного сока, руководитель не обращал никакого внимания на моральный облик вверенного ему коллектива. Поэтому нравы на раскопе царили самые свободные. После, кроме шуток, нелегких земляных работ и постоянного купания в теплом упругом море душа студента алкала веселья и озорства. Так что традиция ходить в станицу за вином, обвязавшись патронташем из нескольких литровых фляжек, появилась мгновенно и угнездилась накрепко. Я уже не мог представить себе Оксанины губы, не пахнущие сухолиманским белым.

Право собирать с нас деньги, торговаться с хозяевами погребов, которые были практически в каждом дворе, дегустировать тот или иной сорт вина тут же присвоили себе два ушных старшекурсника. Они превратили в сакральный ритуал свой ежевечерний уход в сторону моргающего огоньками села, чему я, привыкший также быть в центре внимания, ужасно

завидовал. Упаси бог, в этом не было никакой злобы, кроме желания набраться новых впечатлений и триумфально вернуться опоясанным шестью литрами терпкой виноградной крови. Понимание того, что для этого неплохо было бы располагать врожденным умением торговаться и хоть немного разбираться в свойствах искомого продукта, у меня, к сожалению, отсутствовало.

Кажется, ну совсем недавно чувство болезненного тщеславия уже ввергло меня в конфуз, но разве мы учимся на своих ошибках? Речь о том, что надясь я предложил себя в качестве дежурного повара. Этот мощный кулинарный порыв на самом деле был вызван желанием добраться до запасов тушенки, тщательно охраняемых в продуктовой палатке. В итоге к ужину меня тошнило от консервированной говядины, а лагерь плевался полусырой крупой и пересоленным супом. Так вот этот позор меня ничему не научил, и я вновь заявил, что несправедливо, когда в поход за вином ходят одни и те же люди.

Старшекурсники, оказавшиеся покладистыми и добродушными ребятами, охотно уступили мне свое право виночерпиев. Более того, они тщательно проинструктировали новичка по поводу цен и местной ментальности.

— Когда войдешь в станицу, по правую руку от сухого колодца увидишь дом с резными наличниками. Там живет мама Тома. Вино бери только у нее, не обманет. Она обычно сидит у крыльца и ругается — не ошибешься. В крайнем случае, если ее дома нет, иди по единственной улице в другой конец деревни, к Автандилу. У него вино похуже, но за это он скинет пару копеек за литр. Больше никуда не заходи. Будут звать, манить, угощать, угрожать — не заходи ни под каким видом, а то беда... Да, вот еще что — бойся хромого старика...

Ровно через пять минут, когда я вышел за пределы лагеря, крымский ветер, пропахший чабрецом и временем, выдул из моей головы все инструкции напроочь. Я шагал по земле, изрытой многовековыми войнами и кротами, и думал, как Буратино, делающий выбор между кукольным театром и школой: нефиг некоторым шибко умным держать меня за дурака; а не купить вина по тридцать копеек за литр у полуграмотных крестьян — это надо быть ну полным кретинном. Я оглянулся — девчонки смотрели мне вслед с жалостью и тревогой...

У той самой хаты с резными наличниками никого не было. Я потоптался возле, почесал в затылке и двинулся вверх по улице, стараясь вспомнить, как зовут того мужика, у которого вино похуже, но дешевле. Стояла послеполуденная жара, от которой плавятся камни. В селе было тихо, даже собаки не лаяли. Я доплелся до первой попавшейся тени, создаваемой крепким высоким забором, как вдруг заскрипела калитка и меня кто-то цепко схватил и затащил во двор.

— Ты что здесь шпиёнишь? — прошипел сухопарый старик в фуражке без кокарды и с глазами профессионального убийцы.

— Я не шпиону, — ответил я, слегка заикаясь от неожиданности, — я вино пришел покупать.

— А, так ты студент? А где эти два жулика, у которых на лицах написано, что они закончат жизнь в тюрьме?

— В этот раз я за них, теперь меня посылать будут,— гордо ответил я и похлопал по пластмассовым флягам, висящим на поясе.

— Ну слава богу,— усмехнулся дед и приказал тоном, не терпящим возражений: — Шагай за мной в погреб. Пятьдесят копеек за литр, и чтоб глаза мои тебя больше не видели.

— Как пятьдесят? — удивился я. — Мне сказали, что тридцать, и велели покупать только у мамы Тома и у этого — Ав... Ав...

— Твоя Тома — выжившая из ума старуха, которая поливает свой виноград мочевиной мочой, а Авандил — многоженец и враг колхозного движения... Возьмешь вино у меня, понял? Я тебе, так и быть, десять копеек скину. А будешь сопротивляться, застрелю. Вон ружье висит, — и дед показал рукой на стену дома, где на гвоздике болталась поросшая мхом двустволка.

Через минуту я сидел за столом, врытым в землю в центре просторного двора, и молчаливая, как тень, женщина выносила из дома блюда с мясом, кислым молоком и дымящимися кукурузными початками. Потом полилась рекой чача, и дед поднимал тосты за Сталина и Меркулова, орал «Да здравствует СМЕРШ!» и заставлял меня по нескольку раз петь песню «Широка страна моя родная».

Еще какое-то время спустя я обнаружил себя на улице, опоясанным флягами с вином и без денег. Стремительно смеркалось, и я двинулся в сторону лагеря, то и дело стучаясь о стройные кипарисы. У выхода из села маячили какая-то бабка в черном и толстый грузин с большими печальными глазами. Увидев меня, оставляющего за собой цепочку витиеватых следов, бабка принялась ругаться и понесла такого классического Даля, что я, даже будучи пьяным, пожалел, что не захватил блокнот.

Авандил, а это был он, снял с моего пояса фляги и стал лить черное, как кровь, вино в пушистую дорожную пыль. На робкие, высказанные заплетающимся языком возражения, грузин ответил:

— Это вино превратилось в уксус еще в 1950 году, когда умерла моя вторая жена, царствие ей небесное, бедняжке. Сейчас мы пойдем к маме Томе и нальем тебе настоящего вина. Ребятам передай — за деньги пусть не беспокоятся, их можно занести попозже...

Пока мы шли к дому, мама Тома рассказала, что облапошивший меня дед после войны был районным уполномоченным НКВД, и неарестованными остались только те, кто не вернулся с фронта. И совсем он не инвалид Отечественной, а это Бог в наказание за все злодеяния сделал его колченогим.

Потом, уже в сплошной темноте, я брел, спотыкаясь среди кротовых терриконов, и смутно понимал, что заблудился, как Орфей в аду. И стоило мне об этом подумать, как я услышал голос своей Эвридики. Ребята шли, выстроившись цепочкой, и Оксана наткнулась на меня первой. Буквально за минуту до этого крымская земля вдруг поднялась дыбом и ударила меня по лбу. Я еще удивился стран-

ному свойству местной поверхности вставать в рост рядом с человеком.

За вином меня больше не посылали.

Признание в любви

Вместо предисловия

Видели ли вы, как нестерится клуквая чувырка? Нет, вы не видели, как нестерится клуквая чувырка (она же глокая куздра, она же уральская низкожопка, она же *ripas naturales*, что по-русски можно перевести как «ты чо, в натуре?!») Как она с громким коллективным кудахтаньем, переполненная мечтой об икре и молоках, а скорее — молоком, пшеном и макаронами, пестрой тучей пылит туда, куда кличут ее манки коварных егерей. «На нестер! На нестер!» — галдят рогатые вожаки, из тех, кто потолще, попушистей да побойчей. И масса течет за ними, ритмично работая плавникам, лабрами и копытами, отпихивая недотеп, затаптывая слабых, оставляя рыдять отставших и отбившихся. До них ли теперь, до всех этих слизунов, пачкуль и недомылков, когда нестер наступил? Нестер, который раздражается над сладкопахнущим болотом раз в четыре года... нет, в четыре века... нет, в четыре дня. И нужно успеть проснуться, проср... просредоточиться, вылупить зенки, разинуть хайло (нет, сначала разинуть хайло, потом вылупить зенки) и успеть схватить за пупырку свое маленькое осклизлое счастье.

Что за страна у нас, Отче мой, что за страна! Только здесь и нигде больше доступно испытать эту сладкую муку, это пронзительное счастье, эту горькую радость быть обманутым и обворованным. Только здесь и нигде больше индивидуум ощущает при этом не возмущение, страх или ненависть, а национальную гордость и собственное достоинство. И только здесь злодеи убивают только в кино!

И все же я люблю это галдящее нестерилище, равное восьми Франциям и сорока Люксембургам. Я люблю его за то, что в самый лютый холод здесь дети не ходят в школу, но играют в хоккей на улице. Я люблю его за то, что в самый лютый голод здесь в холодильнике у каждого будут каменные пельмени и просроченный минтай. За то, что оно гордится своими Пушкиным и балетом, хотя большинство из Пушкина знают только про дуб зеленый, а в Большом не были ни разу, да, видимо, так и не попадут. Я люблю его за то, за что другой убил бы, но если не убил, то покинул бы точно. За то хотя бы, что не уеду отсюда никогда, поэтому мне ничего не остается, как любить его, ибо любить больше нечего.

И остается, отбросив за ненадобностью аршинный ум, верить, что однажды мои клуквые чувырки перестанут ссориться между собой — из-за меня, денег и места в очереди, что сгинут коварные егеря, после чего нестерилище пересекут дорогами, закатают в асфальт, а поверху посеют «траву не мять!».

Да, я верю в это и потому в любую погоду, при любом режиме, какой бы век ни стоял на дворе, наяву или во сне, лежу или шагаю, болен или здоров, пьяный или не очень, я вглядываюсь вдаль и с облегчением захожу — слава Богу, все в порядке, все как всегда: глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка.

А значить — стоит жить!

Просто Мария

Мария была нашей пионервожатой. Дочь передового токаря и медсестры, девушка гвардейских кровей, эротическая мечта тринадцатилетнего пионера. Она ходила по лагерю, выставив грудь вперед, как боевое построение тевтонских рыцарей, и я всякий раз задышался, когда она наклонялась, разливая суп в столовой. Когда Мария поворачивалась вправо или влево, падали в обморок кегли на детской площадке.

Все пацаны второго отряда были в нее влюблены. Хорошая их половина носила татарские фамилии, а в крови у татар — генетическая предрасположенность к многоженству. Русские, прошедшие как минимум триста лет под нашим игом, также переняли восточные обычаи.

Словом, со всей свойственной возрасту подростковой беспепелляционностью пацаны объявили Марию своей неприкасаемой собственностью. Стояние возле нее посторонних мужчин терпелось с трудом, разговор позволялся, но с болью, зато прикосновения вызвали к кровавой мести. Когда разбитной плавуком Паша на глазах у «линейки» хлопал нашу любовь по заднице и орал паскудным голосом: «Мать, приходи вечером слушать “Битлов”!», мой лучший друг Саня шептал, скрежеща зубами: «Ну ничего, гнида парагвайская, погоди, сочтемся!» (В те годы газеты страны клеймили диктатора Парагвая Салазара, поэтому наша ненормативная лексика была насквозь политизирована.) Всерьез не принимался только пузатый начальник лагеря Нафтутдин Нафигуллович (далее Наф-Наф) в силу своей глубокой тридцатисемилетней старости.

Мы старались не оставлять Марию ни на минуту, и она ходила, обвешанная нами, как пальма бананами. Чтобы привлечь ее внимание, пацаны «выгибались» как могли. Саня очень похоже орал петухом, Борька-рыжий шевелил ушами, а я гундосил под три гитарные аккорда: «Тополя, тополя все в пуху, потерял я Марию свою, потерял я покой и Марию свою, вы идите, а я постою-у!».

Подумать только, за умение брякать по струнам в меня была влюблена первая красавица лагеря Лейла Низаметдинова! Эта фантастическая девица, исполнявшая на всех концертах акробатический этюд в обвешанном малиновом купальнике, сохла по мне, как сырая фанера на солнце. Но я, дурак, ее совершенно игнорировал, предпочитая пялиться на свою вожатую. И то сказать, разве могло сравниться глупое хихиканье отрядовских девчонок с матерым мастерством взрослой женщины. Да-да, Мария Павловна была искусственной жизнью дамой, о чем мы до некоторых пор не догадывались и поэтому награждали ее в своих прыщавых фантазиях ангельской непорочностью.

Она классно играла в волейбол, с десяти метров втыкала нож в древесный ствол, знала всего Окуджаву, разбиралась в моделях мотоциклов и орденах всех стран, на спор задерживала дыхание на две минуты, рассказывала после отбоя истории про вурдалаков, показывала карточные фокусы, отстояла нас перед Наф-Нафом, когда мы подрались с деревенскими, и, наконец, не заставляла заниматься всякой идейно-формальной фигней типа сборов и слетов, от которых уже тогда

тошнило, как сегодня от утверждений о торжестве демократии. Вместо всей этой пионерской формальности Мария придумала «прогулочный политчас», и в то время, когда остальные отряды сидели в душных палатах и читали вслух «Пионерскую правду», мы, взявшись за руки, шлялись по лагерю и, хохоча, трендели о ни к чему не обязывающей ерунде.

Навстречу попалался Наф-Наф и спрашивал строгим писклявым голосом:

— Ну щито, у вас опять прогулочный щас, ко-нищна?

— Да,— отвечала Мария,— мы как раз обсуждали задачи, которые поставил перед нами очередной съезд ВЛКСМ.

— Вай, ладна,— махал пухлой ручкой Наф-Наф,— «портвейн» не куришь, «беломор» не пьешь, и то ницево...

Как можно было не любить такую вожатую!

На нашу беду, Мария крутила с плавуком. Увы, все красивые женщины достаются удачливым уродам. А Паша был редкий урод. Во-первых, когда нам наконец разрешали залезть в цыплячий, по щиколотку бассейн, он, уже спустя пять минут, свистел в свой поганый свисток и выгонял отряд из воды. Во-вторых, будучи цепным псом Наф-Нафа, Паша в самый разгар танцев заходил в клуб и орал: «Харэ плясать, на горшок — и спать!»

Так вот, при этом уроде всегда бойкая и уверенная Маша почему-то терялась, начинала глупо хихикать, пунцовела и превращалась в деревенскую дурочку, из тех, что приходили к нам на танцы в ярких штапельных платьях.

Дальше — больше. Наша любимица стала прогуливаться с Пашей под ручку, пропадать у него в бытовке, а однажды после отбоя и вовсе не явилась к нам в палату со своей традиционной историей про упырей и вурдалаков. Мы лежали в темной комнате и от бесилия грызли пододеяльники.

— Слушайте, может, ее вампир утащил? — предположил кто-то.

— Ага,— сказал Саня,— вампир. Такой урод в тельняшке и с бакенбардами. Я даже знаю, как его зовут. — И Саня по-взрослому матюкнулся.

За окнами во мраке ночи тревожно раскачивались старые скрипучие дубы. Из коридора доносились шаркающие шаги. Как на фоне этой природной мистики не хватало Марии с ее страшилками, которые она рассказывала звонким, леденящим душу шепотом! Мы тосковали по ней, а она пропадала где-то в объятиях мерзкого вампира.

— Ладно,— сказал Саня, немного поразмышляв,— пошли на разведку.

Борька-рыжий догнал нас уже возле вожатского домика, где размещалась Пашина каморка, обвешанная спасательными кругами и плакатами. Окно, мерцающее тусклым светом, располагалось высоко, и мы, потев от напряжения, подтащили под него старую детскую качалку. Борька придерживал эти шаткие ржавые железки, а мы с Саней забрались на них и заглянули в окно.

Когда глаза немного привыкли к темноте, в похот-

ливом переплетении теней и силуэтов мы разглядели то, чего в нашем возрасте лицезреть не положено. Нет, к тому времени мы прекрасно знали, что детей находят не в капусте, а рождению ребенка предшествуют некоторые манипуляции. Жанровыми рисунками на эту тему были богато испещрены стены лагерного туалета. Мы были не готовы к другому: увидеть в этом грязном и стыдно нашу непорочную деву, от чистоты которой еще секунду назад перехватывало дыхание.

Саня спрыгнул на землю, равновесие нарушилось, и я полетел в колючие кусты шиповника. Но больно было не от игл, вонзившихся в ладони.

— Подержите качалку, — торопил Борька, еще пребывающий в безгрешном неведении, — теперь я залезу и позырю.

— Я те позырю, — зло прохрипел Саня, для которого детство уже закончилось, и с размаху дал приятелю в ухо.

— Ты что, ошизел? — крикнул Борька, вылезая из того же шиповника.

Но Саня вдруг сел на землю, прижался спиной к столетним морщинам дубовой коры и заплакал, по-детски вздрагивая плечами. Простить такое было невозможно...

На следующий день первым делом Борька отправился в медблок и показал свое распухшее ухо. Пока врачиха в процедурной готовила компресс, рыжий стащил из прозрачного шкафа упаковку пургена и выкинул в форточку, где затаились я и Саня. Мы ломанулись в столовую. Дело в том, что плаврук, как любой эстетствующий жлоб, имел обыкновение приносить к себе в буташку целый чайник холодного компота, а потом потягивать его в течение всего дня.

— Дядя Паша просит компоту принести, — сказали мы поварихе, невинно моргая глазками. По дороге высыпали весь пурген в пятилитровый сосуд — доза, которой хватало бы, чтобы расслабить стадо африканских слонов. Думаю, после этого саванна целый год не нуждалась бы в ценных удобрениях.

Паша похвалил нас за расторопность и сразу хватанул целый стакан этого дикого пойла. В это время в комнату вошел Наф-Наф.

— Та-а-к, Павел Сергеевиц, — сказал директор, — давай на линейку, нацальство приехало.

И тут его взгляд упал на чайник с компотом.

— Холодный? — спросил он, облизывая пересохшие от жажды губы. — Налей-ка мне тоже, пить хочу. Нас вымело из плавруковской буташки.

Через полчаса весь лагерь топтался на линейке по случаю приезда высоких гостей. Наф-Наф, излучая гордость за побеленные бордюры, произносил с трибуны речь. Рядом дубиной стоеросовой торчал Паша в новеньком, с иголки, спортивном костюме. После десяти минут браваурной риторики директор оборвал себя на полуслове и о чем-то глубоко задумался. В воздухе повисла неловкая пауза.

— Вай-вай, — вдруг сказал Наф-Наф, прижал пухлые ручки к животу и издал характерный звук, который невозможно было перепутать ни с чем. Микрофон многократно усилил этот бытовой шум. Вожатая младшего отряда упала в обморок, старшие пионеры заржали, как буденовские лошади перед боем.

— Извините, я щипцас, — пискнул директор, соскочил с трибуны и стремглав полетел в сторону дощатого строения с сердечками.

Паша также повел себя загадочно. Сначала его высокоодухотворенное лицо исказила гримаса боли и ужаса, потом он развернулся и побежал вслед за директором, преодолевая расстояние до туалета резкими семимильными прыжками. Издали казалось, будто это бежит Гулливер, которого лилипуты угостили огурцами с молоком. Сзади треники на плавруке подозрительно обвисали, куртка с буквами «СССР» пузырилась на спине от ветра.

Мария стояла во главе нашего отряда и успокаивала хохочущих ребят. И тут Саня громко, чтобы все слышали, сказал:

— А ты что, Маша, не бежишь? Догоняй. Твой любимый обделался.

Мария застыла спиной к строю, и было видно, какое страшное усилие она сделала над собой, чтобы не обернуться. Только запунцовели ее очаровательные ушки, украшенные дешевыми золотыми сережками...

Дети жестоки, как само время, и, как время, никому не делают снисхождений.

Рецепт одного коктейля

Опыт эротического ретро

О, эта густая южная ночь на черноморском берегу! Словно ты оказался в пространстве, где раздваивается женская грудь: темно, морская соль на языке, несколько прилипших песчинок и равномерный ритм — то ли ее грудь вздымается от дыхания, то ли прибой накатывает на песок и с едва слышным выдохом отступает обратно. Но вот ветви акаций начинают раскачиваться все быстрее от неровных прерывистых порывов влажного бриза, и еще быстрее вступает цыганский хор цикад, доводящий все вокруг до исступления, и наконец огромная рыжая кошка, любимица волоокой санаторской медсестры, кричит в кустах тонким, почти женским голосом — и наступает тишина. Под тобой — смятое пляжное полотенце, над — огромные августовские звезды, какие бывают только на юге, и вселенная времени, принадлежащая тебе на правах рабыни — целых двадцать четыре дня, твои тысяча и одна ночь!

Неописуемое, ни с чем несравнимое счастье — когда не нужно сырым зимним вечером ковыряться ключом в чужом замке, опасаться, что услышат соседи, шарить в поисках белья в обшарпанном шифоньере и терпеливо сносить ворчание пожилой кушетки, до краев переполненной воровским плотским грехом. Тебе тридцать лет, ты, естественно, одинок, как пирамидальный тополь, и все здесь лежит у твоих ног — знаете ли, такой залитый солнцем, обсаженный пальмами, пахнущий бастурмой и молодым вином огромный гарем! А гонорар за последнюю книгу о подвигах башкирских нефтяников позволяет чувствовать себя султаном Брунея!

Утром, за завтраком, за соседним столиком, глазки вверх-вниз, вверх-вниз, на тебя — в тарелку, на тебя — в тарелку, и по пылающим щекам ясно, как у нее внутри трепещут воспоминания о минувшей ночи! И только завидующий шепот рыхлой соседки за-

ставляет сдерживать себя под взглядом этого роскошного мужика в ослепительно белых брюках и такой же футболке, которые не скрывают ничего. Непостижимо, как ему удалось взять тебя всю, с первого захода, не прицеливаясь, тебя, неприступную северную красавицу, за которой безуспешно волочилась половина мужского населения Красноярска? Это все магия юга, только здесь женщины становятся податливы, как инжир, только здесь возможно такое и больше нигде!..

Она, похоже, думает, что весь санаторий воззрился на нее с лукавым осуждением. Наивушка, да никому нет дела до нас с тобой, ибо все здесь занимаются тем же самым, только с разной степенью успеха и темперамента...

Да не будь ты такой напряженной, расслабься. Давай поднимемся ко мне в номер, и я угощу тебя коктейлем Джеймса Бонда. Он еще называется «джин-бабоукладчик». Вот смотри: мы достаем из холодильника бутылку холодного экстрасухого «Мартини», бутылку «Бэфитера»... Это мой любимый джин... Теперь наливаем в стакан треть «Мартини» и две трети джина, чуть приснем битерса. Затем на краешек вешаем дольку лимона, а сверху роняем зеленую оливку. Правда, здорово — от холода зубы ломит, а внутри тепло, как в печке? Сделать тебе еще? И еще... И еще... Еще... Не торопись, мой хороший, только не торопись... Ой, не порви застежку, я этот купальник во Франции покупала... А это кто стучит? Горничная? С уборкой? Нет, мы ей не откроем, нас нет... Нет... да... да-а-а...

Молодые люди, пожалуйста, не заплывайте за буй, за буй не заплывайте!..

Удивительный народ, эти женщины! У нее еще есть силы плыть. Ты еле шевелишься, а она вразмаху. Скорей на берег, под тент, к теплому лежаку и холодному арбузу. И уже грузин из пляжной кафешки кричит, что шашлык готов, и свежая зелень хрустит на зубах, и холодный «Ркацителли» играет в стакане. Из колонок Киркоров, не женатый на Пугачевой, поет так зажигательно, пьяный Ельцин по телевизору дирижирует военным оркестром и до дефолта еще уйма сколько лет!..

Она смотрит на тебя шальными глазами, и не хочется думать, что через десять дней все закончится, а повторится ли еще — неведомо. Но пока она на тебя смотрит, следует подняться: в одной руке — стакан, в другой — шампур, и громко, чтобы все слышали, продекламировать Хайяма:

Нам с гуриями рай сулят на свете том
И чаши, полные пурпуровым вином.
Красавиц и вина бежать на свете этом
Разумно ль, если к ним мы все равно придем?

Сирень

На следующий день после моего приезда в деревню мы с тестем болели. Теща гремела на кухне сковородками, источая глубочайшее презрение к двум недотепам, которые, выйдя из бани под проливной дождь, упали в раскисший чернозем, приперлись в дом и переакостили всю постель. А мужчины, сидя в тени огромного куста сирени, обсуждали перипетии вчерашнего падения. Тесть время от времени собирал на лице разбежавшиеся по всему организму эмоции

и решительно уходил в дом, после чего оттуда доносились несвязные слова типа «кияу» (зять), «мескен» (несчастный) и «улям» (умираю). Теща отвечала громко на густом околонормативном татарском, и речь ее не нуждалась в переводе. После чего парламентар возвращался, скорбно разводил руками, усаживался на старую скрипучую кровать и тяжело вздыхал. При этом запаха самогонного перегара причудливо переплетался с гламурным ароматом сирени, березовых веников и дыма сгоревших в бане дров.

Как раз во время одного из этих вздохов меня смутно осенило вчерашнее воспоминание. О том, как теща, не заметив моего присутствия, закапывала что-то за сараем. Звяканье лопаты и блеск содержимого бутылки, которую теща держала в руках, не оставляли никакого сомнения в смысле происходящего. Я поделился воспоминанием с тестем, и нужно было видеть, как сумрак на его лице уступил место чистой всепрощающей ясности.

— Та-а-к, — воскликнул тесть, потирая руки, — значит щищас...

Сложность хитроумной негоции состояла в том, чтобы на глазах у «противника», который то и дело зыркал в распахнутое окно, добраться до тайника, перенести его содержимое до зарослей сирени и выпить незаметно даже для самих себя. Дело представлялось неимоверно сложным еще и потому, что теща всю жизнь проработала ревизором в торговле. Тесть, ушедший на пенсию из контролеров на железной дороге, тоже был не лыком шит. Двум могучим интеллектам предстояло столкнуться над кучей добротного коровьего навоза, в котором покоилась бутылка с восьмидесятиградусным первачом.

Наконец бдительность мамы растаяла в густом майском зное, и отец, делая вид, что прохаживается среди робких ростков огурцов и моркови, несколькими хищными копками извлек из-под земли искомое сокровище. Оставалось также деланно-беззаботно профланировать к сиреневому кусту, но в это время теща вышла из дому и принялась полоть клубнику. Тесть нырнул в колючую малину и схоронился там, как испанский партизан из романа Хемингуэя «По ком звонит колокол».

Жара стояла неимоверная. Даже мухи перестали жужжать. Студеная колодезная вода не приносила облегчения, а напротив — отяжелела обильно потеющий организм. Если уж мне, лежащему в тени сиреневого куста, было худо, то каково было тестю в душной пыльной малине. Я отчаянно жалел старика, но ничем не мог ему помочь — теща бдительно полола клубнику, откладывая зелень для недавно вылупившихся цыплят в эмалированное ведро. Искусанный и исколотый тесть периодически чихал, и тогда она отрывалась от работы и оглядывала обширное подворье.

— Кто это чихает? — спросила она меня.

— Я, мама. Простудился, наверное, — соврал я, истекая потом на тридцатиградусной жаре.

Конечно, если бы я вежливо, но настойчиво попросил, теща налила бы лечебные сто капель. Чувствовалось, что она ждет моих заискивающих слов, произнесенных с интонацией угасающего дистрофика, и молитвенно

сложенных на груди рук. Но я также и знал, что мужу своему она не нальет ни за что, а пить в одиночку мне не позволяла мужская солидарность и уважение к пожилому человеку. Поэтому я терпеливо сносил рекордную майскую жару и думал о том, что через полчаса все так или иначе закончится: либо мы с тестем умрем с похмелья, либо он все же преодолеет эти двадцать метров «передовой», и наступит долгожданное облегчение.

Сирень плескалась в кисельном мареве, словно обнаженная женщина, пришедшая окунуться на пруд. Ее роскошные упругие гроздья, будь я в нормальном расположении духа, должны были вызвать во мне плотские желания. Но, увы, алкоголь, противу некоторых утверждений, несовместим с любовными утехами. Поэтому молодой тридцатилетний мужчина, я был похож на увядшего старика, равнодушно наблюдающего с берега на ту самую купающуюся красавицу. Я повернул голову. Теща продолжала копаться среди обильно взоспешших посевов будущей снеди.

По двору пронес петух, преследующий симпатичную курицу, и вновь вызвал во мне отвращение своей живой трезвой похотью. И тут меня осенило. Куры! Ну конечно! Неделю назад из сарая исчезла пара кур, и теща подняла на ноги всю деревню в поисках заветных красавиц. Участковый стонал, когда видел ее в очередной раз на пороге своего замызанного кабинета. Мы с тестем по ночам дежурили с вилами возле сарая. Соседи боялись ходить мимо нашего дома. Без прозвищ «вур» и «сыбулощ» остались только председатель сельсовета и главный бухгалтер, да и то только потому, что теща ходила туда за пенсией. Все остальные в селе были под подозрением.

Я, стараясь не упасть в редиску, быстро пересек огород и словно невзначай заглянул в сарай. Выдержав мхатовскую паузу, я запричитал с плачем в голосе: «Мама, кажется, опять кур украли!». «Вай!», — закричала теща и ринулась к птичнику. Я вновь выскочил в огород и махнул рукой в сторону малины. Тесть преодолел ниву в три рваных кенгуриных прыжка и исчез в бане...

Гармония в природе подчиняется странным законам. Кажется, еще минуту назад ты смотреть не мог на эти грязные холмы, мутную речонку, несущую всякий хлам, разбитую дорогу с лужами в колеях. И вот, спустя эту самую минуту, любая затрапезная былинка вызывает в тебе такое умиление и благость, что хочешь опуститься перед ней на колени. А заодно и перед тещей, которая столько сделала минувшей осенью, чтобы на банном чердаке стояли банки с солеными рыжиками и еще довольно крепенькими огурчиками.

Мы с тестем выбрались из бани и вновь уселись на старую скрипучую кровать под этот бессовестный куст сирени. Теща вышла из сарая и устала на нас, как Мюллер смотрел бы на двух Плейшнеров.

— Все куры на месте, — сказала она с нескрываемым удивлением. — Даже те, что недавно пропали.

— То-то я гляжу, — воскликнул я с интонацией иллюзиониста, манипулирующего волшебной шляпой, — их вроде больше стало. Наверное, бродили где-нибудь, потом захотели есть, да вернулись.

Ответить было нечего, и теща вновь склонилась над грядками.

— Эх, улым, — вздохнул тесть, оглядывая богатое подворье. — Посмотри, как хорошо кругом. Посмотри, сколько мне для этого приходится работать, — и указал пальцем на согбенную тещу.

И я знал, что два эти бесконечно добрых человека, если понадобится, действительно отдадут мне все, да еще с собственной жизнью впридачу. Даже сто грамм, если уж так нужно.

Спасительница

Эротическая история для старшего начальственного состава

Ляля была дура. Нет, не в том смысле, что все женщины немного глуповаты, а блондинки — тем более, нет. Ляля была дура абсолютная. И даже традиционные эпитеты, сопровождающие это слово, типа круглая, набитая, шпаклеванная и т.д., не могли передать того, какая она была дура. Писать она научилась только ко второму классу, считать до ста — к четвертому, а таблицу умножения не освоила вовсе. Тем не менее по окончании школы в табеле у нее стояли одни пятерки. Так же блестяще она закончила финансово-экономический институт, хотя за пять лет ни один преподаватель ни на одном экзамене не задал ей ни одного вопроса.

Папа у Ляли был генеральным директором огромного нефтеперерабатывающего завода, на котором работало практически все население города. И к тому печальному вечеру, когда его скосил инфаркт, дочь имела огромную квартиру, аккуратный «мерсик» и кругленькую сумму в банке. Мама, царствие ей небесное, тоже долго не зажила и оставила девушку один на один с таким сложным и непонятным миром. И если бы не бойфренд Виктор, известный в городе бизнесмен, водивший Лялю всюду чуть ли не за руку, быть бы ей жертвой какого-нибудь брачного афериста или просто стихийного бедствия, потому что она вечно забывала выключить газ, воду, утюг, теряла ключи и сроду не ставила автомобиль на сигнализацию.

Однажды, сдавая назад со стоянки возле офиса, где она работала секретаршей у старого папиного друга, Ляля стукнула проезжавшую мимо древнюю шестерку. Из этого ржавого корыта вылез наглый мужик и стал матом орать на Лялю, требуя каких-то бешеных денег на ремонт. На Лялин звонок примчался Виктор и дал мужику сто долларов, но тот все продолжал разоряться. Тогда Витя дал мужику в глаз, тот сел в свое корыто и исчез. Словом, без Виктора Ляля была как слепая сирота из Тетюшей, оказавшаяся на улицах Нью-Йорка.

И в тот памятный день все было бы хорошо, если бы Виктор не уехал в командировку. На проспекте Нефтяников ее остановил рыжий сержант и, хитро подмигивая, заявил, что государственный номер на ее машине не читается. «Как же не читается? — удивилась Ляля. — Вот же буквы». Сержант заржал и потребовал «штуку». У Ляли оказалось только триста. Дэпээсник взял деньги, отобрал права, снял номер и уехал, предложив явиться на следующий день в какой-то МУРСТ. Кто такой МУРСТ, Ляля не ведала и позвонила Виктору. Тот объяснил, что МУРСТ — это не человек, а межрайонное управление регистрации средств транспорта, что находится оно там-то, что ей нужно немедленно

ехать туда и обратиться к подполковнику Прохорову, сказав, что она от Витьки-Бугра, и Прохоров отдаст ей номер и права, а они с ним потом сочтутся.

В этом МУРСТе было не протолкнуться от мужиков, которые ругались из-за места в очереди. К двери с надписью «п/п-к Прохоров» было особенно много народу, но самого п/п-ка не было. Тогда Ляля обратилась к первому пробежавшему по коридору офицеру и, как могла, разъяснила ситуацию. Тот матюкнулся, сказал, что Рыжий обурел в корень, что по нему давно плачет служба внутренней безопасности и повел ее к майору Сиволапову. Здесь он посадил Лялю на скамеечку рядом с каким-то мужиком и сказал, что успеха не гарантирует, потому что Сиволапов тоже жук порядочный. «Если что, девушка, вы ему дайте», — сказал офицер и ушел, не объяснив, что нужно давать. Поскольку последние Лялины деньги забрал сержант, Ляля поняла указание офицера как женщина, у которой ничего нет, кроме самой себя. Ну, дура...

Рядом сидевший мужик почему-то обильно потел, постоянно доставал из кармана то пухлую пачку денег и пересчитывал купюры, то мобильный телефон и пылился в кнопки. Наконец из кабинета майора вышел очередной посетитель, и Ляля сказала соседу: «Ваша очередь». Мужик вздрогнул, побледнел, еще раз облился потом и прохрипел: «Иди ты, я за тобой». Ляля пожала плечами и вошла.

Красномордый дядька, сидевший за столом, заваленным автомобильными номерами и бумагами, посмотрел на Лялю, как Робинзон Крузо, впервые после тридцати лет увидевший живую женщину, и плотно облизнулся. Потом он стал говорить, что даже не знает, как ему быть с такой недисциплинированной водителейшей, что нарушение очень серьезное, что одним штрафом не обойдешься и может даже идти речь о пересдаче. Чтобы мотивировать свои слова, из которых Ляля ровным счетом ничего не поняла, майор указал на лежащую рядом с Лялей книжонку с надписью «ПДД» и сказал: «Дайте мне». Девушка восприняла сказанное, как сигнал к действию, сбросила с себя кое-какие предметы туалета и принялась делать то единственное, что она умела делать в своей жизни.

Вдруг, на грани бреда и яви, Ляля увидела, как в комнату через окно полезли люди в черном и с автоматами в руках. Они хоть и по-одному, но довольно быстро, забирались в кабинет, вдруг застывали от удивленного и, наконец, выпучив глаза, плотной толпой обступили в такт двигающуюся пару. К чести майора Сиволапова, спорадических действий он не прекратил и лишь надел на голову фуражку. То ли от удовольствия, то ли от духоты у Ляли закружилась голова, и она потеряла сознание.

Придя в себя, Ляля узнала, что случайно оказалась замешанной в операцию по разоблачению «оборотня в погонах». Тот мужик, что сидел с ней рядом в коридоре, должен был передать Сиволапову меченые купюры, но порядком струхнул и решил пока отправить вместо себя Лялю. После передачи ему полагалось нажать кнопку на мобильном телефоне, и тогда ОМОН врвался в кабинет и брал майора с поличным. Но трясущийся от страха взяточдатель сделал это нечаянно в коридоре

и как раз в тот момент, когда Ляля отработывала свои права и госномер.

Короче, Ляля, сама того не ведая, спасла Сиволапова как минимум от восьми лет тюрьмы. Майор, получивший лишь взыскание за аморальное поведение на рабочем месте, потащил девушку в ресторан и даже предлагал жениться, ради чего обещал бросить жену и двоих детей. Но Ляля была дура — ей было жаль сиволаповских малышей, да и к Виктору она уже привыкла. Словом, все осталось как есть, но с тех пор гаишники города отдают честь Лялиному мерседесу и говорят друг другу: «Вон, Спасительница поехала...»

Страшная сказка

Из истории советского пионерского движения

О, эта чертовщина пионерского детства семидесятых годов! Смесь заформализованных сборов с барабанным боем и жуткой послеотбойной мистики с рассказами о призраках, страшной «синей руке» и про девочку, которую привидения украли и пустили на котлеты. А мама купила те котлеты, пожарила их, поднесла вилку ко рту, а котлета говорит: «Мама, не ешь меня». Словом, ежегодное счастье пребывания в пионерском лагере с футболом, рыбалкой и кружками по интересам.

Я, которого родители отправляли в лагерь на все три смены, очень любил записываться в кружки. Кукольный, авиамодельный, хоровой, археологический... Последний вела шкодная толстая тетка Дарья Семеновна, обладавшая от природы глухим замогильным голосом.

— Ну вот, — подвывала она, перебирая свои палеонтологические сокровища. — Завтра утром мы с вами пойдем откапывать бивень мамонта, который вымер десять тысяч лет назад в районе ближайшей колхозной фермы.

Сокровищ, кстати, было не так уж и много. Жемчужину коллекции, кроме горшечных черепков, раскрашенных самой Дарьей Семеновной с помощью кисточки и акварельных красок, составляли большая берцовая кость пещерного человека и череп питекантропа. Я очень сильно подозревал, что это был дар шэфов из институтской анатомички, но, как говорится, чего не видел, о том умолчу.

В этот жуткий день, закончив занятие, Дарья Семеновна попросила меня с моим другом Саней выполнить маленькое, но ответственное поручение. Дело в том, что текущая смена очень плохо ела. Дети не доедали суп, оставляли в тарелках едва надкусанные котлеты, а кисель так игнорировали вовсе. Поэтому лагерный повар дядя Паша решил выставить в столовой что-то типа скелета в саване с надписью: «Вот что бывает с детьми, которые плохо едят». Это, по его мнению, должно было простимулировать в пионерах зверский аппетит. Для чего он попросил Дарью Семеновну одолжить ему на пару дней бесценные экспонаты.

— Возьмите берцовую кость и череп, — звывла, обращаясь к нам, Дарья Семеновна, — и передайте их Павлу Григорьевичу. А саван я отнесу сама.

Тут, откуда ни возьмись, появился Ильдарка Ганев. Этот Ильдарка гад, нужно сказать, был редкостный.

Наглый, хитрый, как водопроводный шланг, он был лобитель в родительский день поживиться за чужой счет и влегкую срубить моральные дивиденды.

— Можно я отнесу? — крикнул он, вырвал у Дарьи Семеновны кость с черепом и выскочил из комнаты. Мы с Саней помчались за ним.

В кухне никого не было. Дядя Паша утверждал у директрисы лагеря меню, а Шура-раздатчица пересчитывала в соседнем зале тарелки. Мы, погнавшись вокруг чана с супом за ловким, как уж, Ильдаркой, запыхались и решили устроить временное перемирие.

— Интересно, а что нам сегодня на первое давать будут? — спросил этот прохиндей Ганеев и поднял крышку бака. Саня, еще не остывший от погони, вдруг подскочил и дал ему классного пенделя. Всю свою ненависть, все свое презрение к подлецам и карьеристам вложил мой друг в этот пендель. Ильдарка подпрыгнул, сгруппировался в воздухе и нырнул в бак. Крышка захлопнулась за ним со страшным грохотом.

Мы с Саней, вместо того чтобы достать эту пакость из супа, выскочили из столовой и уставились друг на друга глазами висельников за пять минут перед казнью.

— Он же там утонет, — сказал Саня с безнадежной убежденностью.

— Или сварится, — укрепил я его версию.

— Бежим к дяде Паше, — крикнул Саня, и мы, сшибая гипсовых оленей, ломанулись в сторону директорского домика.

Опережая события, скажу, что суп в чане был вчерашний, недоеденный, и его еще не успели разогреть, поэтому Ильдарке ровным счетом ничего не угрожало. Он просто испугался, выскочил из бака и умчался из кухни быстрее собственного визга. А может, это макароны, висящие на его ушах, издавали такой резкий свист.

Мы же, еще не знавшие этого, ворвались в кабинет директрисы с криками «Ганеев в суп упал! Ганеев в суп упал!» Та как раз укладывала в холодильный здоровенный кусман сэкономленного дядей Пашей мяса. В пять секунд поняв, что произошло, начальница выпорхнула из домика, уронив двадцатикилограммового дядю Пашу, как гипсового оленя. Мы помчались за ней, а этот кухмистер бежал следом, приговаривая: «Черт, чем же я теперь детей кормить буду?»

Мы ворвались в кухню, где ничего не подозревавшая Шура-раздатчица доставала из духового шкафа противень с котлетами. Дядя Паша поднял крышку бака, и всеобщему обозрению предстал Ильдаркин сандалет, плававший среди макарон и зелени. Шура уронила противень, и котлеты разбежались по кухне, как сытые мыши, почему-то присыпанные панировкой.

— ...мать! — услышали мы последнее слово из длинной Шуриной тирады, когда улеся шум от упавшего противня.

— Вы что стоите, Павел Григорьевич?! — заорала директриса. — Доставайте его оттуда, доставайте!

Дядя Паша принялся шуровать в баке здоровенной поварешкой. Наконец он что-то зацепил и извлек на свет божий большую берцовую кость пещерного человека. Директриса пошла трупными пятнами, а дядя Паша с тоской посмотрел на решетчатое окно продуктового склада, понимая, что именно этот вид будет сопровождать его ближайшие восемь-девять лет. Руки его ослабели, и он вновь уронил тяжелую крышку бака.

— ...мать! — услышали мы последнее слово из длинной дядь-Пашиной тирады, когда затих грохот от уроненной крышки.

— Продолжайте доставать его оттуда, продолжайте! — вновь заверещала директриса уже на грани помешательства.

Дядя Паша опять принялся шевелить свое гадкое варево черпаком, пока над поверхностью булькающей жидкости не возник череп питекантропа, очень похожий на Ганеева в жизни.

— Сварился, паршивец! — уронил дядя Паша в гробовой тишине и полез в чан топиться.

— Кудой ты пресся, идиёт? — закричала Шура-раздатчица. — Сам же сварился!

— А хрен ли теперь, — махнул рукой дядя Паша, — все равно расстреляют.

Директриса стала тихо сползать по стенке и задела затылком выключатель. Свет погас, и кухня погрузилась в зловещую полутьму. В это время распахнулась дверь, и в мгlistом свете возникла Дарья Семеновна, укутанная в саван.

— Ну, что, Павел Григорьевич, — спросила она своим обычным замогильным голосом, — пригодились тебе мои кости?

Шура инстинктивно схватила ближайшую к ней сковороду и запустила ею в сторону привидения.

— ...мать! — услышали мы последнее слово из длинной тирады Дарьи Семеновны, когда затих грохот от ее соприкосновения с кухонным кафелем...

Чем все это закончилось, спросите вы. Ну, конечно, наказанием невиновных. Котлеты собрали с пола, суп прокипятили и подали все это к столу. Но дети категорически отказались от обеда, потому что мерзкий Ганеев, ставший героем дня, по секрету проболтался, будто, находясь в супе, он слегка помочился. Рассвирепевшая директриса вызвала из города моих и Саниных родителей и с таким треском выперла нас из лагеря, что отцы гнались за нами до самой электрички. Хотя в чем мы были виноваты — не могу понять до сих пор. Я до сих пор ненавижу Ильдарку Ганеева, который сейчас живет в Америке и чувствует себя, как фрикаделька в наваристом супе. Я до сих пор люблю Саню, который умер несколько лет назад от белой горячки. Но зато я понимаю, что те давние детские кошмары не идут ни в какое сравнение с теми ужасами, которые нам придется наблюдать сегодня.

Впрочем, это уже совсем другая история.

ПРАВИЛА

для авторов научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации»

Альманах принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Альманах выпускается в восьми номерах (4 ежеквартальных выпуска).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром издания, поэтому им рекомендуется скачивать PDF-версии с сайта факультета (<http://jour.vsu.ru/izdaniya-zhurnaly-i-prodolzhayushchiesya-izdaniya/almanah-akcenty>).

Статьи принимаются в электронном виде. Они должны быть сжато написаны, аккуратно оформлены и тщательно отредактированы.

Текст статьи должен быть набран через полтора интервала, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr).

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы в бумажном и электронном виде (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru):

- 1) текст статьи, подписанный всеми авторами, таблицы, иллюстрации и подписи к ним;
- 2) название статьи, аннотацию, ключевые слова, инициалы и фамилию авторов, место работы — **на русском и английском языках**;
- 3) сведения об авторах: их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (**на русском и английском языках**);
- 4) цветное фото автора.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через запятую дается указание на страницы — [1, с. 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, с. 5; 2, с. 75]).

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать сноски.

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавляется **ЛИТЕРАТУРА (прописные буквы)**. Список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 Библиографическая запись. **Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.**

Редколлегия